

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

*Посвящается 80-летию высшего
педагогического образования в Забайкальском крае*

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Всероссийская научно-практическая конференция

31 октября 2018 г.
г. Чита

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 81(082)
ББК 81я43
ББК Ш1я43
Л 59

Рекомендовано к изданию решением организационного комитета
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Редакционная коллегия

Т. В. Воронченко, д-р филол. наук, профессор (отв. редактор)
А. Э. Михина, канд. пед. наук (отв. секретарь)
Ю. В. Щурина, канд. филол. наук
А. В. Иванова, канд. филол. наук
И. Н. Костина, канд. культурологии

Л 59 **Лингвистика и межкультурная коммуникация** : материалы Всерос. науч.-
практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; [отв. ред. Т. В. Воронченко]. – Чита : ЗабГУ,
2018. – 170 с.
ISBN 978-5-9293-2274-7

В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции «Лингвистика и межкультурная коммуникация», подготовленном на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета, представлены статьи авторов из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Читы, Владивостока. Научные статьи включают лингвистический, литературоведческий, культурологический анализ языковых явлений и текстов, отражают актуальные тенденции лингвистики, значимые проблемы межкультурной коммуникации, вопросы лингводидактики и методики языкового образования.

Материалы конференции будут полезны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, интересующимся вопросами межкультурной коммуникации и лингвистики.

УДК 81(082)
ББК 81я43
ББК Ш1я43

ISBN 978-5-9293-2274-7

© Забайкальский государственный университет, 2018

Содержание

Слово в диалоге культур	5
Секция «Лингвистические исследования пограничного региона: Забайкалье – Китай»	
<i>Кочеткова О. М.</i> Семантико-синтаксическое управление глаголов речевого действия в китайском языке	7
<i>Ленинцева В. А., Тохта-Ходжаева М. В.</i> Анализ особенностей перевода заголовков (на материале статей китайской прессы)	10
<i>Науменко С. В.</i> Вводные слова и конструкции в китайском предложении	15
<i>Симатова С. А., Литкевич Е. И.</i> Явление полусуффиксации в словообразовании современного китайского языка	18
<i>Соктеева О. Ц., Цзоу Хун.</i> Изменения звуков в потоке речи на примере частицы «啊»	20
<i>Шишмарёва Т. Е., Кремнёв Е. В.</i> Графическая линия развития китайской письменности в осмыслении Ю. В. Бунакова	23
<i>Иванова Е. А.</i> Этимология и историческое развитие китайских личных местоимений 1-го лица	27
<i>Ойдупова Б. Ю.</i> История популяризации китайского алфавита: основные этапы и результаты	30
Секция «Художественный образ и текст»	
<i>Антропова Н. А.</i> Новые направления в развитии лингвистики как проявление антропоцентрической научной парадигмы	34
<i>Костина И. Н.</i> Особенности реализации концепта «любовь» в романе Гюнтера Гёрлиха «Неудобная любовь»	38
<i>Татарникова А. В., Татарникова Л. Р.</i> Анализ коммуникативных ситуаций в фильме «Моя прекрасная леди»	43
<i>Дубровский В. А.</i> Роль музыкальных цитат в произведении Харуки Мураками «Дэнс, дэнс, дэнс»	46
<i>Дармаева И. А.</i> Способы создания юмористического образа в произведении Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки»	49
<i>Панина М. Е.</i> Элементы легенд и обрядов как характерные черты магического реализма «Шоколада»	51
<i>Степанова М. А.</i> Проблема гендерной идентификации в романе Урсулы Ле Гуин «Левая рука тьмы»	53
<i>Васильева Т. Г.</i> Столкновение человека и искусственного интеллекта в рассказе Генри Каттнера «Робот-заснайка»	55
Секция «Инновации в языковом образовании»	
<i>Трофимова О. В.</i> Обучение учащихся алгоритму работы над пунктуационным анализом на ЕГЭ по русскому языку	59
<i>Михина А. Э.</i> Фактор поликультурного образования и актуальность преподавания английского языка в эпоху глобализирующегося мира	62
<i>Варакина М. И., Трофимова Е. С.</i> Особенности проведения дистанционных олимпиад по китайскому языку для школьников на примере школы-интернета № 19 ОАО «РЖД» г. Новокузнецк	66
<i>Шмарова Ж. В., Рассадина В. П.</i> Анализ приёмов обучения чтению на китайском языке в методической литературе КНР	69
<i>Загерсон М. Э.</i> Инновационные методы формирования лексической компетенции на уроках английского языка	71
<i>Пироговская Е. И.</i> Портфель предметных результатов по английскому языку (на примере грамматики)	74
<i>Бардакова Д. И.</i> Использование комиксов в обучении иностранному языку	76
<i>Захожева С. А.</i> Краеведческий аспект в преподавании китайского языка как форма расширения образовательного пространства между Россией и Китаем	78
<i>Кулишова М. О.</i> «Радиопостановка» и «подкаст» как жанры медиатекста и средства повышения лингвистической компетенции изучающих китайский язык	81
<i>Селин А. Е.</i> Психологическая предрасположенность детей к восприятию материала в игровой форме	84
<i>Бут Т. М.</i> К вопросу о некоторых трудностях перевода сравнений с китайского языка на русский	86
Секция «Национальная модель мира и межкультурная коммуникация»	
<i>Воронченко Т. В.</i> Стачка (huelga) как катализатор межкультурной коммуникации в романах Ж. Ливи и Д. Чандлера	88
<i>Жамсаранова Р. Г., Цыренова Н. Н.</i> Тема-рематическая организация темы тоски в романе Д. О. Батожабая «Похищенное счастье»	92
<i>Жамсаранова Р. Г., Батурина Е. Г.</i> Антропоним в аспекте межкультурной коммуникации	94

Юйшина Е. А., Юйшин М. А. Китайская система циклического летоисчисления	96
Пляскина Е. И. Фразеологизмы в оройском говоре	99
Клименко Т. Н. Мультифрения современной коммуникации: эстетика словесного творчества	104
Соловьева В. Н. Гуаньси как основа социальных отношений в Китае	110
Гладких Е. А. Поиск идентичности в романе Хелен Хант Джексон «Рамона»	112
Фёдорова Е. В. Особенности межкультурного диалога в романе Алехандро Моралеса River of Angels (2014)	117
Коноплева А. С. Трансформация современного романа-путешествия в эпоху глобального туризма	119
Рычкова С. Я. Типологические сходства и различия на примере произведений Олдоса Хаксли и Лао Шэ в контексте диалога культур Запад – Восток	121
Сундуева Б. М. Двойная идентичность в романах Пёрл Бак и Максин Хонг Кингстон	125
Каурова Д. А. Мифологический образ лебедя (гуся) в романе Юн Чжан «Дикие лебеди»	128
Бутыльская А. А., Булдыгерова А. Н. Выражение уважения к собеседнику как важный фактор общения на китайском языке	132
Каргопольцева А. С. Способы передачи урбанонимов – названий станций метро и вокзалов Москвы	135
Чеузова М. А. Формирование основ межкультурной коммуникации учащихся в процессе изучения сказок зарубежных писателей	138

Секция «Медиатекст в системе публичных коммуникаций»

Воропаев Н. Н. Дяньгу в выступлениях Си Цзиньпина: древность на службе у современности	141
Котельникова Н. Н., Леонтович О. А. Китайская экологическая социальная реклама как составляющая медиаурбанистического дискурса	144
Попиль В. А. Особенности перевода рекламных слоганов спортивных брендов и автоконцернов на русский язык	148
Щурина Ю. В., Пальшина А. А. Иноязычные эргонимы коммуникативного пространства города Читы в лингвокультурологическом аспекте	152
Щурина Ю. В., Шелопугина Н. А. Интернет-мем: проблема семиотического статуса	157
Исаева А. С. Использование речевой агрессии в журналистике: эффекты воздействия и правила использования	162
Ендрихинская О. А. Инструменты формирования имиджа российского вуза	164
Темлянцева В. В. Технологии психологического воздействия в PR-текстах	167

Слово в диалоге культур

Сборник статей, подготовленный на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета, посвящён юбилейной дате – 80-летию высшего педагогического образования в Забайкалье. Издание является результатом традиций изучения слова в диалоге культур и включает материалы Всероссийской научно-практической конференции «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Тематика конференции отражает актуальные тенденции лингвистики, значимые проблемы межкультурной коммуникации и вопросы лингводидактики и методики языкового образования. Сборник представлен коллективом авторов. При всём многообразии тематики разделы издания объединены общей концепцией: в центре внимания исследований находятся язык и диалог литератур и культур, язык в диалоге и диалог в языке. Диалогический подход отражает и тот факт, что география присланных для издания материалов включает Читу, Москву, Санкт-Петербург, Иркутск, Владивосток.

В XXI веке межкультурная коммуникация становится важным фактором общественного развития, что обусловлено глобализацией в экономической, политической и культурной сферах. В настоящее время ни одна из культур мира не существует изолированно, вне глобального контекста. Современное состояние общества и мира в целом характеризуется взаимодействием и взаимопроникновением культур разных народов. Это способствует активизации культурного диалога и прямых контактов между государственными институтами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами разных стран и культур. Бесперывный обмен культурными достижениями между представителями

разных народов, стран, сообществ приобретает масштабный характер. При этом межкультурное взаимодействие не ограничивается односторонним воздействием, представляя собой взаимообусловленный процесс, в рамках которого осуществляется изменение состояния, содержания и функций всех сторон коммуникации. В связи с этим, изучение путей построения межкультурной коммуникации и факторов её укрепления является перспективным направлением современных научных исследований. Следует отметить, что масштабное взаимодействие культур и народов приводит к обратной тенденции – поиску возможностей сохранения культурной идентичности, самобытности, культурных различий. Несмотря на то, что зачастую диалог культур осуществляется в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления и коммуникативного поведения, он, тем не менее, не унифицирует участников коммуникации, а способствует взаимообогащению культур. В современном мире взаимодействие культур выступает в качестве средства сохранения культурного многообразия.

Проблема диалога языка и культуры в целом является одной из центральных для многих интенсивно развивающихся направлений современной лингвистической науки. Межкультурная коммуникация носит междисциплинарный характер, что обусловлено предметом её исследования. Не случайно межкультурная коммуникация опирается на достижения лингвистики и лингводидактики. Новейшие разработки в русле этих наук отвечают многим вызовам современности, задают координаты траектории на стыке направлений научной мысли. Подобное взаимодействие наук обуславливает многообразие тематики материалов, представленных в сборнике.

Комплексный подход к изучению диалога культур гарантирует широту спектра тем различных дисциплин, высвечиваемых в междисциплинарном пространстве, включая лингвистику, межкультурную коммуникацию, культурологию, лингводидактику. Этот подход является приоритетным в наших исследованиях. Материалы сборника структурированы в пять разделов.

В первом разделе «Лингвистические исследования пограничного региона: Забайкалье – Китай» представлены статьи, посвящённые региональной специфике диалога культур, что определяется особым расположением Забайкальского края – «форпоста России на востоке», его тесным соседством с Китаем. Содержание данного блока раскрывает актуальные явления, характеризующие разные уровни китайского языка и текста: фонетику, этимологию, словообразование, морфологию, синтаксис, стилистику, графику. В качестве достоинства предложенных вниманию работ следует отметить межкультурный подход, поскольку каждое языковое средство в них даётся в контексте культурной идентичности. К примеру, этимологические исследования подводят к традициям китайской номинации; типология вводных конструкций детерминирована рамками китайского этикета; законы начертания иероглифов восходят к древней системе ценностей народа. В одной из статей раздела производится переводоведческий анализ заголовков китайской прессы с учётом национально-культурной специфики русского и китайского языков. Несмотря на то, что в фокусе внимания авторов находится китайский язык, эффективность его анализа зависит от сопоставления рассматриваемых проблем с аналогичными явлениями в русском языке.

Второй раздел «Художественный образ и текст» обращён к проблемам и перспективам современной филологии. В нём в разных ракурсах рассматривается образ человека в тексте как с позиции теоретико-философской, в русле новой антропоцентрической научной парадигмы, так в практике анализа конкретных русских и иностранных текстов. В статьях раздела принцип диалога получает разнообразные толкования. В частности, он может осуществляться как взаимодействие автора

и читателя литературного произведения. Также диалогический подход интерпретируется через со- и противопоставление образов персонажей, относящихся к разным культурам, в ткани повествования. Кроме того, компаративный анализ в статьях показывает, что в диалог вступают сами тексты разных писателей.

Третий раздел «Инновации в языковом образовании» посвящён вопросам лингводидактики. В сферу интересов авторов статей входят проблемы, связанные с современным состоянием и перспективами преподавания русского и иностранного языков и поиском новых инновационных методических решений. В фокусе рассмотрения находятся разные варианты взаимодействия: диалог учителя и ученика в пространстве одного языка; процесс коммуникации в рамках обучения иностранным языкам, что способствует постижению своей культуры через инокультуру.

В четвёртом разделе «Национальная модель мира и межкультурная коммуникация» диалог представлен на культурологическом и лингвокультурологическом уровнях, в сопоставлении и взаимодействии национальных картин мира, в экспликации универсалий и специфических признаков национального мировоззрения.

Завершающий монографию пятый раздел «Медиатекст в системе публичных коммуникаций» связан с изложением проблемы диалога в медиапространстве. Исследования медиатекстов русского, китайского и иного происхождения выявляют их взаимодействие в русле глобализационных процессов современного мира. Разноаспектный анализ медиатекста трактует данное неоднозначное явление как средство, инструмент и одновременно результат диалога культур, что обусловлено поликодовым, поликультурным характером медиаобщения.

Диалог как принцип межкультурной коммуникации носит динамичный характер. Надеемся, в связи с этим, что материалы, представленные в сборнике, будут способствовать углублённому проникновению в многообразие языкового и культурного взаимодействия и выработке подходов к широкому спектру проблем современной лингвистики и межкультурной коммуникации.

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор
А. В. Иванова, кандидат филологических наук, доцент

СЕКЦИЯ
«Лингвистические исследования пограничного региона:
Забайкалье – Китай»

УДК 81-13

О. М. Кочеткова,
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Семантико-синтаксическое управление глаголов речевого действия
в китайском языке

В статье рассматривается понятие семантико-синтаксического управления глаголов речевого действия, его особенности, а также модели управления данной группы глаголов в контексте общей теории китайского языка.

Ключевые слова: модель управления, глаголы речевого действия, семантика и синтаксис китайского языка

O. Kochetkova,
Senior Lecturer,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Semantic-syntactic Government of Speech Act Verbs in Chinese

The article deals with the concept of “semantic-syntactic government” of speech act verb and its features, as well as government models of this verb group in the context of the general theory of Chinese.

Keywords: government model, speech act verbs, semantics and syntax of Chinese

Управление глагола речевого действия в китайском языке – это семантико-синтагматическое свойство лексемы со значением речевого действия принимать зависимые слова в поверхностной структуре предложения. Данное свойство представляет сущность толкования лексемы, что раскрывает её содержание как набор семантических актантов, заполняющих семантические валентности лексемы и определяющих модель управления глагола.

В языке изолирующего типа лексическое значение определяет набор грамматических функций слова, актуализация кото-

рых происходит на синтаксическом уровне. Изолирующая форма китайского слова на словарном уровне не показывает его грамматическую функцию. Грамматическая функция слова определяется его синтаксической позицией, которая рассматривается как аналитическая составляющая структуры китайского языка. Особенность языка изолирующего типа состоит в том, что грамматическая форма слова китайского языка является необходимой и достаточной для реализации грамматических функций за счёт синтактики лексемы, которая задаёт синтаксическую структуру предложе-

ния. «Одна из существенных особенностей естественного языка состоит в том, что его знаки обязательно включают синтактику, т. е. заданные конкретным языком более или менее произвольные, особенности комбинаторики» [3, с. 121]. «Выделение грамматических классов слов на синтаксической основе предполагает, что слова (знаки) естественного языка различаются по синтактике, и эти различия могут быть установлены» [4, с. 65].

Грамматический маркёр – это индикатор интегрального семантического признака лексико-семантической группы и грамматической функции слова. Грамматический маркёр эксплицируется в толковании слова-гиперонима, объединяя семантический и синтаксический критерии выделения лексико-семантической группы, и указывает на глубинную зависимость между семантическими и синтаксическими отношениями в китайском языке. Грамматическим маркёром глагола речевого действия является «用话» *yòng huà* – «при помощи речи». На уровне глубинной структуры предложения предлог «用» представляет семантическую роль инструмента действия. Грамматический маркёр «用话» *yòng huà* – «при помощи речи» эксплицирует способ совершения действия, указывая на то, что действие совершается при помощи речи.

Синтаксический подход к выделению группы глаголов речи китайского языка представляет решение следующих вопросов: какие слова может подчинять исследуемое слово (комбинаторный подход); каким словам может подчиняться, или в каких функциях выступать (функциональный подход) [4, с. 65]. Данные подходы представляют один и тот же тип анализа, отличаясь только направлением: с позиции главного слова или с позиции зависимого слова.

Для того чтобы установить способность слова выступать в функции глагола речи, необходимо актуализировать лексемы слов, объединённых интегральным признаком «用话来表达意思» («выражать при помощи речи») на синтаксическом уровне.

В китайском языке синтаксическая структура предложения (исходно-синтаксическая конструкция, далее – ИСК) эксплицирует основные компоненты плана содержания предложения или пропозиции: термы и предикаты. Термы – это объекты, являющиеся участниками ситуации, предикаты – это свойства этих объектов и отношения между ними. «Термы, обозначающие обязательных участников ситуации, определя-

емой некоторым предикатом, называются аргументами этого предиката, или его актантами» [2, с. 219–220]. Семантические актаны заполняют семантические валентности лексемы слова, если данное слово описывает ситуацию, в которой есть обязательные участники, выполняющие эти роли. В китайском языке предикат как компонент содержательной глубинной структуры реализуется в поверхностной структуре предложения грамматическую функцию слова. Синтаксическая структура предложения, являясь поверхностной, отражает заданные глубинной структурой семантические роли. Например, 说来谁不懂这个. («Если на то пошло, то кто же этого не понимает») [7, с. 850] – поверхностная структура. 说关于这个事儿, 谁不懂这个. («Если об этом говорить, то кто не понимает это») – глубинная структура.

Синтаксический уровень лексического значения слова – это характеристика типа управления, которая состоит: 1) из указания семантической роли управляемой формы (субъект, объект, адресат, инструмент, средство, место и т. д.); 2) её синтаксической функции (подлежащее, прямое, косвенное, предложное дополнение); 3) морфологического способа её выражения [1, с. 9].

В китайском языке семантические роли значения речевого действия, по мнению китайского исследователя Ван Вэйхуэй, – это говорящий или пишущий (субъект действия), содержание высказывания (объект действия), слушающий или читающий (адресат действия). Субъект и объект для ситуации речевого действия являются обязательными участниками, адресат – не обязательным участником. Семантическая роль объекта действия имеет следующую классификацию и синтаксические функции реализации:

1) 受事类型 – классификация объекта глагола речевого действия:

1. 不带受事, 如 «你不说我说», «快点说»: не принимает объект действия, например: «Ты не говори, я говорю», «Быстрее говори».

2. 受事为直接宾语, 又可根据宾语的性分为5 个小类: семантическая роль объекта действия, выполняет функцию дополнения, которое делятся на пять видов.

(1) 受事指所说的人或事物, 词义为«谈论; 叙说», 如«我们正说你呢», «说一件事/一个做事»; объект действия указывает человека или предмет, в значении слов «рассуждать», «излагать», например: «Мы толкуем тебе», «Излагать суть дела, работы».

(2) 受事指所说的内容, 但不是直接引语, 如 «他说让你去»; объект действия указы-

вает содержание, но не является прямой речью, например: «Он сказал, что разрешает тебе уйти».

(3) 受事为所说的话, 即直接引语, 动词后面一般可加冒号和引号, 如 «他说: 我不去了。»; объект действия – это всё сказанное, а именно прямая речь, за глаголом ставится двоеточие и приводится прямая речь, например: «Он говорит: “Я не пойду”».

(4) 受事为 «话» (包括 «话» 的同义词) 或某种性质的话, 如 «说话» «说实话»; объект действия представлен словом «речь, говорить» (включая синонимы слов «речь, говорить» или различные характеристики речи, например: «говорить», «по правде говоря»).

(5) 受事为语言, 方言, 表示用这种语言, 方言说话, 如 «说英语» «说广东话»; объект действия – это язык, диалект, способность говорить на этих языках, диалектах, например: «говорить на английском», «говорить на гуандунском диалекте»;

3. 受事用介词引进, 又可分为两小类: объект действия вводится предлогом и подразделяется на два вида:

(1) 充当壮语, 如 «张三把这件事说了»: служит обстоятельством, например: «Чжансань об этом деле говорил»;

(2) 充当补语, 如 «王尝语庄子以好乐» (《孟子·梁惠王下》): служит дополнительным членом, например: «Вану приходилось говорить Чжуанцзы о любви к музыке»;

2) 与事类型 – классификация адреса-та глагола речевого действия:

1. 不带与事, 如 «小王说了一个故事»: не принимает адресат, например: «Сяован рассказал одну историю».

2. 与事直接充当宾语, 如 «居, 吾语女» (《论语·阳货》): адресат выполняет функцию прямого дополнения, например: «Сядь, я поговорю с тобой».

3. 与事用介词引进, 又可分为两小类: адресат вводится предлогом и делится на два вида:

(1) 充当壮语, 如 «与之言» «他对小王说了»: служит обстоятельством, например: «кому говорить», «Он Сяовану говорил»;

(2) 充当补语, 如 «言于王» «有什么好消息, 说给我们听听»: служит дополнительным членом, например: «речь для какого-то субъекта», «Если есть хорошие новости, расскажи нам, мы слушаем» [6, с. 330].

Модели управления глаголов речевого действия в китайском языке: S-V-O: субъект – предикат – объект; S-V-Adr: субъект – предикат – адресат; S-V-Content: субъект – предикат – содержание речи.

Таким образом, семантико-синтаксическое управление глаголов речевого действия в китайском языке есть закономерность, определяемая содержанием толкования лексемы, в основе которой лежит зависимость между её существенными семантическими признаками и их синтаксическими возможностями. Содержание значения глагола речевого действия – это объект речевого действия, его адресат или содержание речи. Эти три основных синтаксических актанта, которыми управляют глаголы речевого действия китайского языка, составляют семантическую сущность речи человека как субъекта действия.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры: Вост. лит. РАН, 1995. 472 с.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
3. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М., 1974. С. 52–140.
4. Панфилов В. С. Формализованный подход к выделению грамматических классов слов в китайском языке // Вопросы языкознания. 2003. № 6. 160 с.
5. Реформатский А. А. Введение в языкознание / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1998. 536 с.
6. 王维辉. 汉语 «说类词» 的历史演变与共时分布. 中国语文 2003年 第4期 (总 第295期).
7. 汉俄词典. 上海外国语学院, 1992年, 1250页.

В. А. Ленинцева,
кандидат культурологии, доцент,
Институт иностранных языков,
Московский государственный педагогический университет,
г. Москва, Россия

М. В. Тохта-Ходжаева,
старший преподаватель,
Российский новый университет,
г. Москва, Россия

Анализ особенностей перевода заголовков (на материале статей китайской прессы)

Целью исследования данной работы является анализ особенностей перевода заголовков китайских газет и переводческих преобразований, которые позволяют преодолеть трудности, чтобы достичь адекватности в переводе. Заголовок несёт определённую информацию о содержании публицистического текста, а также привлекает внимание читателя и возбуждает его интерес. Авторы анализируют заголовки в прессе и показывают, что заголовок не только представляет самостоятельный элемент текста, но и является структурным компонентом статьи и может быть адекватно понят только после восприятия целого текста.

Ключевые слова: заголовок китайской прессы, информация, стилистические фигуры, публицистический текст

V. Lenintseva,
Candidate of Culturological Sciences,
Assistant Professor,
Institute of Foreign Language,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

M. Tokhta-Khodzhaeva,
Senior Lecturer,
Russian New University,
Moscow, Russia

Analysis of Features of Headings' Translation (on the Material of the Chinese Press Articles)

The goal of research of this work is analyzing of the headlines of Chinese newspapers and translation changes that allow to overcome difficulties in order to achieve appropriate translation. The title provides some information about the content of the journalistic text, and also attracts the attention of the reader and excites his interest. The authors analyze the headlines in the press and show that the title is not only an independent element of the text, but is also a structural component of the article, which can be fully understood only after the perception of the whole text.

Keywords: headline of Chinese press, information, stylistic devices, publicistic text

Китайская газета, как и газеты других стран, отражает не только изменения в общественном сознании, но и языковые изменения, тенденции и новообразования в жизни общества. Без материалов, извлечённых сегодня из газетных текстов, изучение современного китайского языка не представляется возможным. Неотъемлемой частью газетных публикаций является заголовок. Заголовок актуализирует наиболее важную информацию сообщения и служит действенным способом влияния на её восприятие читателем. Для выработки правильного понимания и

перевода китайских газетных заголовков необходимо выделить их особенности, а также некоторые трудности, которые могут возникнуть в процессе перевода.

Предваряя текст, заголовок несёт определённую информацию о содержании публицистического текста, а также привлекает внимание читателя и возбуждает его интерес. Таким образом, читателю предоставляется возможность получить самое общее представление о происходящих в мире событиях и прочесть полностью только то, что его особенно интересует.

Что же такое заголовок? Заголовок – это своеобразный элемент текста, который имеет двойственную природу: собственную самостоятельность и единство с текстом статьи. С одной стороны, заголовок является вполне самостоятельным элементом текста и может быть прочитан и вне связи с текстом, отчего воспринимается как отдельная речевая единица. Но с другой стороны он является только структурным компонентом статьи, который может быть полностью понят только после восприятия целого текста.

Газетный заголовок – это выделенный графически потенциально свёрнутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантической, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именуется и/или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы [2, с. 8]. Такая особенность делает заголовок довольно специфичным элементом статьи; однако не меньший интерес представляет собой не только создание того или иного заголовка, но и его перевод.

Как известно, газетный заголовок – явление контекстуальное, поэтому его перевод без понимания того, о чём ведётся речь в последующем тексте, невозможен. Газетный заголовок на языке оригинала может произвести сенсацию для носителей языка, тогда как его переведённый аналог может быть абсолютно невзрачным. Различия в лексических и синтаксических средствах выразительности, используемых в разных языках, в звучании слов, их значении и т. д. – эти и многие другие факторы становятся большими препятствиями на пути достижения не только эквивалентности перевода, но и того эффекта, который этот перевод может произвести.

В ходе исследования авторами был проведён анализ нескольких статей, каждой из которых предшествовал определённый заголовок. К тому же, одна из статей под названием «*民国报纸的那些绝妙标题*» [Mínguó bàozhǐ de nàxiē juémiào biāotí] «Блестящие заголовки в газетах страны» представляет собой анализ ряда заголовков, таких, как:

1. 丰子恺画画不要脸 [Fēng Zǐkǎi huà huà bù yào liǎn] «Фэн Цзыкай пишет картины без стыда и совести».

2. 物价容易把人抛, 薄了烧饼, 瘦了油条 [wùjià róngyì bǎ rén pāo, báo le shāobing,

shòu le yóutiáo] «Цены просто подставляют людей, печёные лепёшки становятся тоньше, полоски из теста – уже».

3. 战而时习之, 不亦乐乎? [zhàn ér shí xí zhī, bù yì lè hū] «Воевать и ежечасно повторять усвоенное, разве не радость?».

Выдержка из этой статьи с обзором газетных заголовков в китайских СМИ является одним из ярких примеров, иллюстрирующих то, как газетный заголовок выполняет одну из своих основных функций – рекламную, воздействуя на человека и привлекая его внимание к статье:

Это было в начале 30-х годов. Однажды утром китайский художник Фэн Цзыкай листал шанхайскую газету, и одна из статей с заголовком «Фэн Цзыкай пишет картины без стыда и совести» привлекла его внимание. Он невольно испытал шок, подумав: «Никогда ни с кем не враждовал, за что получил такой нелестный отзыв?», после чего пришёл в ярость. Однако начав читать всю статью, он вдруг улыбнулся, всё осознав. В чём же оказалось дело?».

«Ещё один случай, произошедший в 30-е годы прошлого столетия. Однажды утром китайский художник Фэн Цзыкай листал шанхайскую газету, и одна из статей с заголовком «Фэн Цзыкай пишет картины без стыда и совести» привлекла его внимание. Он невольно испытал шок, подумав: «Никогда ни с кем не враждовал, за что получил такой нелестный отзыв?», после чего пришёл в ярость. Однако начав читать всю статью, он вдруг улыбнулся, всё осознав. В чём же оказалось дело?».

Далее в статье даётся более детальное разъяснение тому, почему авторы дали своему тексту такое заголовки:

«Оказывается, в то время, когда Фэн Цзыкай писал картину «Музыкальный урок в сельской школе», на неё обратил внимание рецензент. Он написал, что на картине дети широко открыли рот, исполняя песню под звуки эрху. Несмотря на то, что у людей, изображённых на картине, не было глаз и носов, читатель, глядя на запрокинутые головы и широко раскрытые рты, по-прежнему может окунуться в ту атмосферу радости и».

«А дело оказалось в том, что некто заострил внимание на рецензии к картине господина Фэна «Урок пения в сельской школе», где каждый ребёнок слишком широко открывал рот, исполняя песню под звуки эрху. Несмотря на то, что у людей, изображённых на картине, не было глаз и носов, читатель, глядя на запрокинутые головы и широко раскрытые рты, по-прежнему может окунуться в ту атмосферу радости и».

веселья, созданную сосредоточенными на пении детьми. Критик Лю Цзисин, лауреат Нобелевской премии по литературе в Азии, а также великий индийский поэт Тагор некогда перевозили картины Фэна Цзыкай следующим образом: «Автор при помощи редких штрихов выписывает характеры людей. Даже если у человека не нарисованы глаза, мы понимаем, на что он смотрит; даже если у человека нет ушей, мы понимаем, что он слышит. Нужно признать, что его достижения в области искусства воистину велики». Таким образом, название статьи «Фэн Цзыкай пишет картины без стыда и совести» указывает на особенности его творчества: хотя люди изображены без глаз и носов, они всё же изображены искусно. Художник по достоинству оценил такую статью. Хотя прошло уже более 30 лет, он всё ещё помнит год издания статьи и автора, написавшего её».

Здесь нужно заметить, что русскому читателю всё равно очень трудно найти связь между смыслом выражения «без стыда и совести» и картиной, где лица людей написаны без глаз и носов. А причина в том, что выражение 不要脸 [bùyào liǎn] «без стыда и совести, бессовестный, наглый» дословно переводится как «не требуется лица, не нужно лица», поэтому название статьи также можно перевести как «Фэн Цзыкай пишет картины без лиц». Автор заголовка использовал фонетический каламбур с целью привлечения внимания читателя.

Большой удачей для переводчика было бы, если бы к каждому заголовку шло подобного рода подробное описание того, что хотел сказать автор и почему именно такую игру слов использовал. К тому же следует отметить тот факт, что игра слов очень часто употребляется как стилистическая фигура в газетных заголовках, причём, помимо всего прочего, она существует на разных уровнях, таких как фонетика, лексика, грамматика [5, с. 76]. По этому принципу каламбур в СМИ также можно разделить на фонетический, лексический и грамматический, каждый из которых имеет следующие характеристики:

Фонетический каламбур: используется в особой языковой среде; в основе лежит умышленное употребление многозначных слов, и чем больше у слова значений, тем лучше: это помогает привлечь внимание, а также вызвать у человека определённый ассоциативный ряд. В качестве примера можно привести рекламный заголовок 看世

界, 打天下———海尔移动电话 [kān shìjiè, dǎ tiānxià – Hǎi'ěr yídòng diànhuà] «Смотреть на мир, завоевывать мир – всё с мобильными телефонами марки Хайэр». Та самая двойственность возникает благодаря словосочетанию 打天下 dǎ tiānxià, которое имеет два значения: 1) захватить власть, завоевать страну; 2) пробить себе дорогу, основать дело. То есть, с одной стороны, смысл заключается в том, что с этим телефоном можно побывать во всех уголках мира, с другой стороны, с телефонами компании Хайэр можно основать свой бизнес, развить собственный мир.

Лексический каламбур: для создания лексической игры слов в китайском языке используются, как правило, омофоны, что позволяет с юмором обыграть заголовок. Например, 防晒也得从头开始 [fáng shài yě děi cóngtóu kāishǐ] «Защита от солнца начинается с головы». В данном случае каламбур завязан на фразе «从头开始» cóngtóu kāishǐ – начинать сначала, с головы». С одной стороны, речь идёт о времени года. Защита от солнца начинается весной, «с головы». С другой стороны, речь идёт непосредственно о специфике товара, который состоит из разных компонентов: средство для защиты волос и кожи лица и головы от солнца и солнцезащитное средство для тела.

Грамматический каламбур: грамматический каламбур строится на грамматической связи между словами и словосочетаниями, что создаёт двусмысленность (часто создают игру слов благодаря аббревиатурам). Такой вид игры слов встречается довольно редко [6, с. 4]. Например, 要想皮肤好, 早晚用大宝 [yào xiǎng pífu hǎo, zǎowǎn yòng Dàbǎo] «Если хотите красивую кожу, утром и вечером используйте “Дабао”». В данном случае «Дабао» – это дневной и ночной кремы для рук. Однако каламбур возникает за счёт употребления слова 早晚 zǎowǎn, которое можно истолковать как «дневной» и «ночной» (о креме), а также в качестве «рано или поздно» в том контексте, что рано или поздно всё равно придется воспользоваться этим кремом для того, чтобы руки стали красивы. Заголовок наравне с рекламным объявлением даёт определённое представление о продукте (тексте), которое рекламирует.

Не стоит также забывать, что в газетном заголовке, как правило, содержится также оценка автором заголовка последующей статьи. Эту оценку важно правильно понять. Перевод заголовка с одного языка

на другой не должен содержать мнение, отличное от авторского, иначе это приведёт к недопустимому отступлению от смысла оригинала. В качестве примера – случай, приведённый в китайской статье анализа газетных заголовков:

Гоминьдановская газета, против蒋介石 (Chiang Kai-shek) 频繁打内战 (fighting frequent civil wars) 深为不满 (deeply dissatisfied), 于是刊登了一篇文章 (therefore published an article), 标题为: 战而时习之, 不亦乐乎? (The title is: 战而时习之, 不亦乐乎?). This title is a cliché from the opening sentence of the *Confucius* (《论语》) 开头的第一句话: “学而时习之, 不亦乐乎” (Xué ér shí zhī zhī, bù yì lè hū). After the article was published, the newspaper was suspended twice within a week.

«В районах, занятых Гоминьданом, была газета, в которой постоянно выражалось глубокое недовольство развёрнутой Чан Кайши гражданской войной, в результате чего был опубликован материал со следующим заголовком: “Воевать и ежечасно повторять усвоенное, разве не радость?”. Этот заголовок является видоизменённой фразой из *Confucius* “Лунь Юй” – “Суждений и бесед” – основополагающего письменного памятника конфуцианства, где было заменено первое слово: “Учиться и ежечасно повторять усвоенное, разве это не радость?”. Благодаря представленному в статье анализу становится достаточно просто перевести заголовок статьи «战而时习之, 不亦乐乎?» [zhàn ér shí xí zhī, bù yì lè hū] «Воевать и ежечасно повторять усвоенное, разве не радость?», однако, если бы не приведённый авторами статьи аналог из «Лунь Юй», у переводчика могли бы возникнуть сложности с подбором эквивалента. В представленном отрывке перевод был осуществлён по аналогии с уже имеющимся в русском языке эквивалентом китайской фразе “学而时习之, 不亦乐乎” [xué ér shí zhī, bù yì lè hū] «Учиться и ежечасно повторять усвоенное, разве это не радость?». При наличии уже готового варианта перевода с одного языка на другой работа переводчика значительно упрощается, при этом достигается почти полная эквивалентность фразе на языке оригинала.

Стоит также отметить тот факт, что данный заголовок не лишён эмоциональности. Заголовок представляет собой довольно дерзкое обращение, что цепляет внимание читателя. Вопросительная форма подобных заголовков призывает задуматься и начать искать ответ на поставленный вопрос, который, вполне вероятно, может скрываться в тексте последующей после заголовка статьи.

Наличие подобного рода фразеологизмов и устойчивых сочетаний особенно

характерно для китайского языка, который славится своей самобытностью. Эти средства выразительности обладают экспрессивностью, а также, вне всяких сомнений, получают от китайского читателя определённый отклик, что играет на руку авторам статей при написании заголовков: считается, что обыгрывание фразеологизмов является не только самым популярным приёмом, но и одним из любимых средств китайских маркетологов [1, с. 65]. Это вызывает ряд сложностей у переводчиков при передаче смысла заголовка с одного языка на другой. Одним из ярчайших примеров является фрагмент из статьи анализа китайских заголовков, осуществить перевод которого оказалось довольно проблематично в связи с тем, что было использовано уже довольно устаревшее выражение:

В период войны, Гоминьдановское правительство в Чунцине, цены на товары резко возросли, качество производства упало, даже печёные лепёшки и полоски из теста начали дорожать. Редактор газеты “Синь Минь Бао” Чэн Дацянь поместил в рамку новость о взлёте цен и, на манер изречения Сунской эпохи “Скоротечность просто подставляет людей, вишни становятся краснее, бананы – зеленее” написал свой заголовок: “Цены просто подставляют людей, печёные лепёшки становятся тоньше, полоски из теста – уже”. После того, как статья была опубликована, читатели, не переставая, выражали своё восхищение». Наибольшую сложность во время работы над отрывком вызвало выражение “流光容易把人抛, 红了樱桃, 绿了芭蕉” [liúguāng róngyì bǎ rén pāo, hóng le yīngtáo, lǜ le bājiāo] «Скоротечность просто подставляет людей, вишни становятся краснее, бананы – зеленее», которое устарело относительно современного китайского языка. Тем не менее, правильный перевод выражения позволяет с лёгкостью не только перевести заголовок, но и передать те оценочные суждения, которые закладывал автор. Таким образом, перевод заголовка “物价容易把人抛, 薄了烧饼, 瘦了油条” [wùjià róngyì bǎ rén pāo, báo le shāobing, shòu le yóutiáo] по аналогии с оригиналом будет

звучать как «Цены просто подставляют людей, печёные лепёшки становятся тоньше, полоски из теста – уже», что вполне передаёт посыл автора.

Очевидно, что в заголовках используется большое количество реалий. Реалии не поддаются переводу «на общих основаниях, требуя особого подхода» [4, с. 58]. Чаще всего при переводе реалий применяются такие приёмы, как транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, приблизительный перевод, способ замены на функциональный аналог, а также смешанные способы. Перевод реалий – очень сложный процесс с большим количеством нюансов, который требует особого внимания переводчика. Однако не менее часто в газетных заголовках можно встретить и другие тропы, такие как метафора, олицетворение, эпитеты и так далее, что связано с их эмоциональной окрашенностью, что, опять же, сказывается на привлечении внимания читателя к заголовку [3, с. 2]. Особое внимание представляют собой эпитеты. В качестве примера можно привести следующий отрывок:

1943年1月17日, 张高峰从河南省叶县向《大公报》重庆馆寄出一篇题为《饥饿的河南》的长篇通讯(6000字)。《大公报》总编辑王芸生看到这篇通讯后深感事关重大, 改题为《豫灾实录》发表于2月1日的《大公报》重庆版上, 通讯的内容只字未动。通讯中写道: “记者首先告诉读者, 今日的河南已有成千上万的人正以树皮(树叶吃光了)与野草维持那可怜的生命。‘兵役第一’的光荣再没有人提起, ‘哀鸿遍野’不过是吃饱穿暖了的人们形容豫灾的凄楚字眼……” 报道详尽记述了河南水、旱、蝗、风、雹等天灾, 也揭露了当局向灾民征兵、征粮等人祸, 惊叹灾民的悲惨生活, 质问当局为何不救灾!

«17 января 1943 года Чжан Гаофэн отправил свою статью в “Дагун бао” (в столицу Чунцин) с заголовком “Голодающая Хэнань” с текстом, насчитывающим более 6000 иероглифов. Главный редактор газеты Ван Юньшэн, проглядев корреспонденцию и осознав всю важность освещаемого дела,

переименовал статью следующим образом: “Вся правда о погибающей Хэнани” и 1 февраля опубликовал статью в газете “Дагун бао”, не изменив в сообщении ни одного иероглифа. В нём писалось: “Журналист, прежде всего, сообщает своему читателю, что на сегодняшний день в провинции Хэнань уже имеются тысячи и десятки тысяч человек, которые выживают за счёт того, что питаются корой деревьев (так как листьев уже не осталось) и сорняками. Больше нет людей, которые бы воодушевлялись ‘первоочередностью воинской службы’; повсюду – лишь страждущие и голодающие, а обеспеченные и тепло одетые люди лишь выражают им своё сочувствие...”

В статье даётся не только исчерпывающее описание бедствия, постигшего провинцию Хэнань, а именно: потоп, засуха, нашествие саранчи, ветер, град, но также освещаются и факты о том, что администрация вводит для беженцев воинскую повинность и взимает продналоги, якобы не замечая тяжёлой жизни этих людей. Возникает вопрос: почему бы власти не оказать им помощь?».

В данном случае заголовок «饥饿的河南» [jǐ'ède Hénnán] («Голодающая Хэнань») содержал в себе черты олицетворения, что, вне всяких сомнений, привлекло бы большее внимание читателя, если бы редактор не изменил название статьи. Лаконичность указанного заголовка в том числе передала бы оценочное суждение автора статьи относительно ситуации, которая описывается в тексте самой статьи.

Итак, переводчик должен всегда помнить о том, какие функции несёт в себе заголовок, для чего он необходим, обращать внимание на все эпитеты, метафоры, олицетворения и особенно на такие средства выразительности, которые являются исконными и не имеют себе аналогов в других языках. Переводчик должен учитывать каждую деталь, каждую запятую и уметь понимать связь между компонентами.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. факультетов вузов. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.
2. Афанасьева А. Р. Метафора в заголовках статей как приём речевого воздействия // Вестник науки ТГУ. 2014. № 4.
3. Бехтева Н. Н. Особенности и способы перевода заголовков глянцевого журналов с китайского языка на русский язык // Филология и лингвистика. 2016. № 2.
4. Власова Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ. (На материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2005.

5. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009.

6. Манькова Л. А. Специфика заголовков в различных газетных текстах // Ученые записки ТНУ. 2005. № 4. С. 1–4.

7. Baidu [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/a7e21764192e45361166f509.html> (дата обращения: 25.09.2018).

УДК 81-13

С. В. Науменко,

кандидат педагогических наук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Вводные слова и конструкции в китайском предложении

В данной статье автор рассматривает вводные слова и конструкции китайского языка как синтаксическое явление, универсальное для всех языков мира. Рассматриваются семантические, грамматические и фонетические особенности вводных конструкций, а также классификация их значений, данная китайскими лингвистами.

Ключевые слова: вводные слова, вводные конструкции, модальность, оценочность

S. Naumenko,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Parenthetic Words and Constructions in Chinese Sentence

The paper is concerned with parenthetic words and parenthetic constructions of the Chinese language. The author examines this phenomenon as universal for all languages. Semantic, grammatical and phonetic features of parenthetic constructions are described as well as their classification given by Chinese language experts.

Keywords: parenthetic words, parenthetic constructions, modality, evaluativity

На синтаксическом уровне в любом языке наблюдается такое явление, как вводные слова и конструкции. В коммуникативно-семантическом аспекте они выполняют функцию оценки сообщения, производимой её автором, и, таким образом, могут включать такие аспекты оценочности, как модальный, эмоциональный и экспрессивный. Что касается грамматической стороны, то подобные слова и конструкции не включаются в грамматический состав предложения, не могут образовывать словосочетания с другими словами этого предложения, грамматически от них независимы и в определённой степени изолированы от них. Здесь можно говорить лишь о грамматической изолированности, поскольку существует зависимость смысловая – выбор той или иной выделительной конструкции полностью определяется содержанием высказывания.

Если рассмотреть данное синтаксическое явление с фонетической точки зрения,

то можно отметить такие его характеристики, как интонационное отграничение от других элементов предложения, особая интонация, отличающаяся часто понижением голоса, паузами и более быстрым темпом речи. Эти интонационные особенности получают своё пунктуационное выражение в виде запятых.

Значения вводных конструкций отличаются значительным многообразием. Например, они могут выражать модальное значение, само по себе достаточно сложное, имеющее различные оттенки: уверенность, неуверенность, сомнение, предположение, возможность и т. д.; обычность описываемого действия; источник сообщения; отношение к способу выражения мысли; привлечение внимания собеседника и внушение ему определённого отношения к сообщаемому; последовательность изложения мыслей в высказывании; эмоциональная оценка; экспрессивная оценка и т. п.

Сходное явление представляют собой так называемые вставные конструкции. Вставные конструкции, будучи близки к вводным по целому ряду грамматических и интонационных характеристик, несколько отличаются от них в смысловом отношении, поскольку представляют собой попутные замечания, дополнительные сведения, своего рода комментариев к содержанию высказывания. При этом они могут относиться как к предложению в целом, так и отдельным членам предложения. Вставные конструкции отличаются значительное структурное разнообразие – от знаков препинания (например, вопросительного или восклицательного знака) до законченного предложения, в том числе сложного, и даже абзаца. Будучи средством передачи дополнительной информации, вставочные конструкции, в силу этого обстоятельства, могут располагаться в середине или конце высказывания, но не в его начале. Это отличает их от вводных конструкций, чья позиция в предложении не имеет подобного ограничения. При существующем позиционном различии в высказывании, в смысловом отношении эти два вида конструкций сближает способность передавать модально-оценочные значения. Можно констатировать тот факт, что вставные конструкции близки в синтаксическом отношении к частям придаточного предложения, однако, в отличие от последних, они нарушают синтаксическую однородность предложения.

В грамматике китайского языка также выделяется такое явление, как *插入词* и *插入语*, для которого китайские лингвисты дают следующее определение: “在现代汉语中, 插入语属于独立语, 其作用是句子表意严密化, 补足句意, 包括说话者对话语的态度, 或引起听话者的注意。 在一个句子中间插入一个成分, 它不作句子的何种成分, 也不和句子的何种成分发生结构关系, 同时既不起连接作用, 也不表示语气, 这个成分称之为插入语。”

«В современном китайском языке вводные слова относятся к обособленным членам предложения (“обособленным речениям”), их функция – это усиление семантической слитности предложения, дополнение его смысла, включая отношение говорящего к его сообщению или же привлечение внимания слушающего. В предложение вводится какой-либо элемент, не выполняющий функцию члена предложения и не вступающий в структурные связи ни с каким членом предложения, в то же время

не выполняющий связывающей функции, не выражающий интонацию, такой элемент называется вводной конструкцией».

Для вводных конструкций китайского языка отмечаются следующие основные типы значений:

1. Некоторые вводные конструкции имеют значение утверждения, акцентирования внимания, уверенности говорящего в своих словах, его желания произвести впечатление на слушающего. Это такие конструкции, как *毫无疑问* – «нет никакого сомнения, что...», *不可否认* – «нельзя отрицать, что...», *不用说* – «стоит ли говорить...», *十分明显* – «совершенно очевидно...», *尤其是, 特别是* – «особенно...», *主要是* – «главным образом» и т. д. (разумеется, в зависимости от контекста возможны и другие варианты перевода). Например, *十分明显, 不大大提高中华民族的科学文化水平, 实现现代化就是一句空话。* – «Совершенно очевидно, что, если не поднимать высоко уровень китайской науки и культуры, то осуществление модернизации станет лишь пустым звуком».

2. Конструкции, выражающие сомнение говорящего в достоверности описываемой ситуации, отсутствие уверенности, возможность манёвра для изменения точки зрения. Примеры таких конструкций: *看来, 看样子, 说不定* – «по-видимому, судя по всему», *算起来* – «по подсчётам», *我想* – «я думаю, по моему мнению», *充其量* – «как максимум; на худой конец», *少说一点* – «по меньшей мере» и т. п. Например, *我看这就是人们为什么把这个地方称为旅游胜地的道理吧。* – «Я думаю, поэтому-то люди и называют это место туристической Меккой».

3. Конструкции, вводящие источник информации, содержащейся в сообщении: *听说, 据说* – «говорят, слышно, по имеющейся информации», например: *据说, 最美好的城市应该在山与湖之间。* – «Говорят, что самый красивый город должен быть рядом с горами и озером».

4. Говорящий хочет ненавязчиво убедить собеседника в своём мнении, используя при этом конструкции типа *请看, 你想, 你瞧, 你说* – «посмотри, послушай-ка, представь себе, как, на твой взгляд» и т. д., например: *你瞧, 西面山沟里那一片柿子树, 红得多么好看。* – «Смотри-ка, какое красивое то красное дерево хурмы у западного ущелья».

5. Конструкции, имеющие значение обобщения, играющие роль связующего звена между предшествующей и последующей частями контекста, типа *总之, 总的来*

说 – «в общем, в итоге; резюмируя; короче говоря; (одним) словом; итак; вообще говоря; в целом», например: 总之, 提高学生读写能力是中学语文教师教学的目的所在。 – «Суммируя, можно сказать, что развитие способности учеников к чтению и письму – это главная цель учителя».

6. Конструкции со значением комментария, дополнительного примера и т. д., такие как 也就是 – «и тем самым, и таким образом; а потому, и отсюда; то есть; также, в свою очередь; только, всего лишь; вполне, совершенно», 包括 – «включительно, включая, в том числе», 不客气地说 – «простите за выражение; с позволения сказать», 正如 – «именно так, как будто, будто; как раз такой как ...» и т. п., например: 他呀, 不客气地说, 一辈子都不会有出息。 – «Он-то, с позволения сказать, сроду ничего из себя не представлял».

Как видно из приведённых выше примеров, классификация вводных слов и конструкций китайского языка по выражаемым значениям примерно совпадает с аналогичной классификацией в русском языке. Вводные слова и конструкции являются необходимым компонентом коммуникативной структуры высказывания, способствуют выражению логической связи между компонентами высказывания, делают его законченным, а также более эмоциональным и интересным. По этой причине изучение подобных слов и конструкций представля-

ется необходимым компонентом учебного процесса уже на начальном этапе изучения китайского языка. Ниже приводится перечень наиболее употребительных вводных слов и конструкций китайского языка: 这意思就是 – «а это значит», 毫无疑问 – «без сомнений», 此外 – «более того», 或多或少 – «более-менее», 这将是很好 – «было бы неплохо», 会更好 – «было бы лучше», 在这种情况下 – «в данном случае», 终于 – «в конце концов, в конечном счёте», 一般来说 – «в общем», 同时 – «в то же время», 没错, 这就是要点 – «в том-то и дело», 特别是 – «в частности», 更确切地说 – «вернее, точнее», 最可能 – «вероятнее всего», 无论如何 – «во всяком случае», 也许 – «возможно, может быть», 首先, 第一 – «во-первых», 然而, 但是 – «впрочем», 开玩笑? – «вы шутите?», 确实 – «действительно, по правде», 显然地 – «должно быть», 就是说 – «другими словами», 说实话 – «если говорить честно, по правде говоря», 如果你想 – «если хочешь», 可惜 – «жаль», 反而 – «наоборот, напротив, вопреки всему», 然后 – «и потом», 不如说 – «или сказать лучше», 只是这样 – «именно так», 就是说 – «иначе говоря», 你可以看到 – «как видите», 如通常所说的 – «как говорится», 其实 – «как это ни странно», 简而言之, 短说 – «короче говоря», 除此以外 – «кроме всего прочего», 并且 – «кроме того», 顺便 – «кстати», 我们之间, 这话得守秘密 – «между нами», 加之, 并且, 此外 – «мало того» и многие другие.

Список литературы

1. Валагина Н. С. Синтаксис современного русского языка: учебник. М.: Агар, 2000. 416 с.
2. Жукова Т. А., Ши Сюэна. Вводные слова со значением эмоциональной оценки: коммуникативно-прагматический подход к обучению китайских студентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.apriori-nauka.ru/media/slovo/13-2017> (дата обращения: 25.09.2018).
3. Shibushi [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shibushi.ru> (дата обращения: 15.09.2018).
4. Speakasap [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://speakasap.com/ru> (дата обращения: 10.09.2018).

С. А. Симатова,
ассистент кафедры китайского языка,
Институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия

Е. И. Литкевич,
студент,
Институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия

Явление полусуффиксации в словообразовании современного китайского языка

Статья посвящена раскрытию содержания понятий полусуффикса и полусуффиксации в современном китайском языке. На конкретных примерах наиболее продуктивных полусуффиксов демонстрируется специфика явления полусуффиксации в современном китайском языке и роль полусуффиксации в процессах словообразования.

Ключевые слова: полусуффикс, полусуффиксация, словообразование, современный китайский язык

S. Simatova,
Assistant Lecturer, Chinese Language Department,
Institute of Foreign Languages,
Moscow City University,
Moscow, Russia

E. Litkevich,
Student,
Institute of Foreign Languages,
Moscow City University,
Moscow, Russia

The Phenomenon of Semi-suffixation as the Way of Word Formation in Modern Chinese

This article reveals the content of semi-suffix and semi-suffixation notions in modern Chinese. The examples of the most productive semi-suffixes, presented in the article, display specific nature of semi-suffixation in modern Chinese and its role in the process of word formation.

Keywords: semi-suffix, semi-suffixation, word formation, modern Chinese

Интенсивное развитие всех сфер человеческой деятельности приводит к активному изменению словарного состава языка, что характеризуется, с одной стороны, постепенным исчезновением малоупотребительных и устаревших слов, а с другой – постоянным возникновением новых слов и выражений. Словообразование выступает одним из основных способов пополнения словарного состава для различных языков мира, в том числе и для китайского языка. Образование новых слов в китайском языке происходит по тем словообразовательным моделям, которые уже были закреплены в языке или же возникли благодаря выделению новых основ и аффиксальных элементов.

Большинство языков мира характеризуется наличием такого способа словообразования, как суффиксация. Он состоит в присоединении к корням или основам специальных словообразовательных морфем, называемых суффиксами (в классической теории языка суффиксы наряду с флексиями представляют собой один из видов аффиксов, называемый постфиксами) [4]. При этом корень или основа дают слову основное лексическое значение. Суффиксы же являются полностью грамматикализованными морфемами, лексическое значение которых в образованных с их помощью словах либо совсем не прослеживается, либо прослеживается слабо [3, с. 117].

Для китайского языка особое значение приобретает такой специфический способ словообразования, как полусуффиксация. Полусуффиксация характеризуется тем, что при ней к корню слова присоединяется полусуффиксальная морфема, утратившая исходное значение лишь частично. Лексические единицы, которые образуются в результате присоединения полусуффикса к корневой морфеме, называются полусуффиксальными словами [1, с. 123].

Одной из особенностей полусуффиксов является то, что они охватывают широкую семантическую область [2, с. 53]. Полусуффиксы могут указывать на группы лиц, которые заняты различными видами деятельности (например, полусуффиксы “匠” и “手”), всевозможные предметы и вещи (“物” и “品”), признаки и чувства (“心” и “度”), а также различного рода изменения и процессы (“化”). При этом, как было сказано, полусуффиксы сохраняют остаточное лексическое значение, прослеживаемое в производных словах. Например, исходное лексическое значение полусуффикса “手” (рука) явно угадывается в производных словах, которые определённым образом связаны с деятельностью при помощи рук: “帮手” (помощник, подручный), “助手” (помощник, ассистент), “砲手” (артиллерист) и т. д. Исходное лексическое значение полусуффикса “物” (вещь, предмет) также наблюдается в производных словах, которые обозначают различного рода предметы: “产物” (продукт), “礼物” (подарок), “矿物” (минерал) и т. д.

Все полусуффиксы китайского языка можно разделить на продуктивные и непродуктивные [3]. Продуктивные полусуффиксы характеризуются активным использованием при создании новых лексических единиц. В современном китайском языке наиболее продуктивными являются полусуффиксы “性”, “心”, “员”, “手”, “化” [3, с. 118] и т. д. Непродуктивными полусуффиксами называются те, которые образовали несколько лексических единиц и утратили свою активность. В китайском языке такими можно считать полусуффиксы “室”, “士”, “然” [3, с. 118].

Для демонстрации специфики явления полусуффиксации в современном китайском языке нам бы хотелось остановиться подробнее на рассмотрении функционирования нескольких продуктивных полусуффиксов.

Полусуффикс “员” образует довольно обширный ряд слов. Слова, в составе кото-

рых имеется данная полусуффиксальная морфема, примыкают к категории существительного и обозначают лиц, занятых той или иной деятельностью. Например, “学员” (слушатель, курсант), “教员” (преподаватель, педагог), “运动员” (спортсмен), “海员” (моряк) и т. д.

Полусуффикс “手” «может оформлять как именные, так и глагольные многосложные и односложные корни (основы)» [3, с. 123]. Этот полусуффикс образует ряд существительных, обозначающих лиц различных профессий и людей, занимающихся разными видами деятельности. Например, “画手” (художник), “帮手” (помощник, подручный), “歌手” (певец), “音乐手” (музыкант). Отдельно можно отметить область военной лексики, где с помощью данного полусуффикса образуются названия лиц, которые ведут огонь из оружия. Например, “机枪手” (пулемётчик), “迫击炮手” (миномётчик) [3, с. 123] и т. д.

Интерес представляют полусуффиксы “虫” и “蛋”, которые вносят в производную лексическую единицу добавочное значение субъективной оценки, имеющей, как правило, негативный характер [1, с. 124]. Находясь в составе производных слов, данные полусуффиксы в значительной степени утрачивают своё исходное значение (“虫” – насекомое, “蛋” – яйцо). Примерами использования данных полусуффиксов могут быть такие слова, как “糊涂蛋” (глупец, простофиля), “浑蛋” (подлец, сволочь), “应声虫” (подпевала, подголосок), “可怜虫” (жалкая тварь, червь).

Полусуффиксация – активно используемое для создания неологизмов современного китайского языка средство. Например, полусуффикс “族” часто можно встретить в словах, указывающих на группы людей, объединённых некоторыми общими качествами: “钟摆族” («класс маятника»: люди, работающие в одном месте, а живущие в другом, т. е. постоянно переезжающие), “住车族” («класс проживающих в машине»: люди, которые не имеют собственной квартиры и живут в автомобиле), “靠老族” («класс опирающихся на родителей»: люди, которых даже после создания собственной семьи в значительной степени опекают их родители) [5] и т. д. Очень продуктивными в плане создания неологизмов являются полусуффиксы “男” и “女”, образующие названия для определённых типов мужчин и женщин: “宅男” (домосед) и “宅女” (домоседка), “剩男” (холостой мужчина после 30 лет) и

“剩女” (незамужняя женщина после 30 лет, возможен перевод как «засидевшаяся в девках»), “肉食男” (активный и целеустремленный мужчина, который идёт к цели сразу, подобно тому, как плотоядное животное бросается за добычей) и “肉食女” (активная и целеустремлённая женщина, которая идёт к цели сразу, подобно тому, как плотоядное животное бросается за добычей) [5] и т. д.

В статье на конкретных примерах было раскрыто содержание понятий «полусуф-

фикс» и «полусуффиксация» в словообразовании современного китайского языка. Показано, что, в отличие от суффикса, полусуффикс сохраняет частичную связь с первоначальным лексическим значением, и эта связь прослеживается в ряде образованных с его помощью слов. Приведённые примеры неологизмов подтверждают, что в настоящее время полусуффиксация остаётся одним из наиболее продуктивных способов словообразования в китайском языке.

Список литературы

1. Боженкова Н. А., Борко О. В., Полескова Э. Е. К вопросу о способах словообразования в современном китайском языке // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. 2012. № 2. С. 121–125.
2. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
3. Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. М.: Вост. кн., 2013. 272 с.
4. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 536 с.
5. 王俊熙. 汉语新词词典: 2005–2010. 上海: 学林出版社, 2011. 263 页.

УДК 81-13

О. Ц. Соктеева,

*кандидат педагогических наук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Цзоу Хун,

*кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Изменения звуков в потоке речи на примере частицы «阿»

Статья посвящена рассмотрению вопроса об изменениях звуковых характеристик слогов в составе группы слов на примере изменения частицы «阿» в китайском языке.

Ключевые слова: теоретическая фонетика китайского языка, структура слога, звуковые изменения в потоке речи, частица «阿»

O. Soktoeva,

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Hong Zou,

*Candidate of Philosophical Sciences,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Sound Stream Changes in the Flow of the Speech in Chinese Language Based on the Example of the Particle «阿»

This article is devoted to the consideration of syllable characteristic changes of pronouncing sound streams in a compound of group of words on the example of the particles «阿» changes in Chinese language.

Keywords: Chinese language theoretical phonetics, syllable structure, pronouncing sound stream changes in the flow of speech, particle «阿»

Фонетика – единственный аспект китайского языка, который необходим при овладении языком почти в равной степени как начинающему, так и тому, кто совершенствуется в своём произношении. Н. А. Спешнев утверждает, что, в отличие от лексики и грамматики, которые можно вводить в процесс обучения постепенно, в разном объёме, расширять и дополнять, постановка произношения требует концентрированного внимания в течение одного семестра. Известно, что ошибки в произношении исправить чрезвычайно трудно [4].

В первую очередь необходимо обратить внимание на фонетический аспект. Чтобы научиться говорить, надо уметь произносить. Чтобы научиться понимать, что говорят другие, нужно разбираться в их произношении, в том числе и в произношении модальных частиц. Такие частицы китайского языка называются также фразовыми или конечными частицами, поскольку ставятся в конце предложения, чтобы придать ему определённое модальное значение, а также позволяют говорящему более экспрессивно выразить свои чувства к содержанию высказывания.

В связной речи звуки произносятся не изолированно, а в виде цепи. При этом звуки могут подчиняться влиянию общих условий произношения или взаимодействовать, влияя друг на друга. В первом случае имеют место позиционные звуковые изменения, во втором – комбинаторные изменения.

Говоря об изменениях звуковых характеристик слогов китайского языка в группе слов, необходимо затронуть такие явления, как ассимиляция, редукция, сандхи тонов, стяжение слогов, изменение звуков частицы «а» и прибавление звука.

В китайском языке качественные и количественные изменения гласных и согласных, прежде всего, связаны с безударным типом слога и нулевым тоном, в гласных при редукции наблюдается превращение их в неопределённые гласные, произносимые в нейтральном положении языка. Открытые гласные становятся более закрытыми, аналогичное ослабление артикуляции наблюдается у согласных, оказавшихся в безударном слоге. В потоке речи звуки взаимодействуют друг с другом, изменяя свою звуковую оболочку.

К числу наиболее распространённых позиционных изменений относится редукция. Качественные и количественные изменения звуков в потоке речи зависят не

только от комбинаторики, но и от других факторов, таких, как ударение и темп речи. Типичным примером явления дополнительного звука на стыке слогов могут служить частицы а в конце предложения.

Далее рассмотрим примеры, в которых из-за влияния последнего звука (аллофона) предыдущего слога часто происходят ассимиляция, добавление звука и другие изменения. В этом случае возникают следующие закономерности этих изменений:

1. Если слог, стоящий перед а «а», заканчивается на гласный «а, о, е, и, ь», произношение а «а» изменится на а «а» (а «а» читается как а «а»).

Например:

你从哪儿来呀!

会不会下雨呀?

说下去呀!

你可要主意呀!

你为什么不把窗户打开呀?

怎么还不下雨呀?

“真绿啊” “真奇啊” “真多啊” “快打啊” “就等你回家啊” “夸啊” “大家快来吃菠萝啊” “都是记者啊” “好新潮的大衣啊” “日子过的真快啊” “快帮我解围啊” “你怎么不吃鱼啊” “这孩子多活跃啊”.

2. Если слог, стоящий перед а «а», заканчивается на гласный «и, ао, ои, уо, ии, иао», произношение а «а» изменится на а «а».

Например:

你在哪儿住哇!

写得多好哇!

你来瞧哇!

这儿有只老虎哇!

你会快读哇! “真秀啊” “手真巧

啊” “是个多面手啊” “您在哪儿住啊” “他普通话说得真好啊” “还这么小啊” “屋顶还不漏不漏啊” “看你一身油啊”.

3. Если слог, стоящий перед а «а», заканчивается на гласный «н», произношение а «а» изменится на а «а».

Например:

这花多新鲜哪!

这道题真难哪!

无限的思念哪!

没有车拿什么运哪!

真是个不知疲倦的人哪!

“真险啊” “要小心啊” “怎么办啊” “这事儿可不简单啊” “笑得真欢啊” “买这么些冷饮啊” “发音真准啊”.

4. Если слог, стоящий перед а «а», заканчивается на гласный «ng», произношение а «а» изменится на а «а», причём прочтение этого сочетания не должно быть с сильным ударением (读音不宜太重) [5].

Например:
大家尽情地唱啊!
这样做行不行啊?
他俩真象啊!
真是英雄啊!
这样做会受到欢迎啊!
原来他是个富翁啊

“真静啊” “真清啊” “一起唱啊” “小心水烫啊” “小点儿声啊” “行不行啊” “不管用啊”

5. Если слог, стоящий перед **啊** «а», заканчивается на гласный «i», после шипящих согласных «zh, ch, sh, r» произношение **啊** «а» изменится на «га».

Например:
多好的同志啊!
你快吃啊!
今天是什么节日啊!
原来你没有事啊!
这究竟是怎么回事啊!

“快吃啊” “没法治啊” “随便吃啊” “什么了不起的事啊” “他是王小二啊” “这儿多好玩儿啊” .

6. Если слог, стоящий перед **啊** «а», заканчивается на гласный «i», после свистящих согласных «z, c, s» произношение **啊** «а» изменится на «за».

Например:
你到北京去过几次啊!
这是谁写的字啊!
原来你也有自己的公司啊!
你学会了几个单词啊!
他是谁的儿子啊?

“这东西真次啊” “烧茄子啊” “这是第几次啊” “他就是老四啊” .

Следует указать, что наблюдаются такие случаи, когда **啊** «а» добавляет другие звуки, например «i», в результате произносится «ya», а пишется **呀**.

Например:
我说的就是他呀!
怎么给我这么多呀!
天气好热呀!
时间不多了? 你快写呀!

В начале предложения тон частицы **啊** также отличается в разных ситуациях:

1. В том случае, если интонация выражает изумление или восхищение, а также в восклицательном предложении частица **啊** читается первым тоном.

Например: “他不禁大声 ‘啊’ 地叫了起来。” “啊, 天气真好!”

2. В вопросительном предложении, когда выражается значение выяснения, частица **啊** обычно читается вторым тоном.

Например: “啊? 明天会下雨?” “啊? 你说什么?”

3. В повествовательном предложении, а также при выражении удивления, частица **啊** читается третьим тоном.

Например: “啊, 我知道了?” “啊, 他竟能干出这等事?”

4. В ответной фразе или при выражении понимания частица **啊** читается четвёртым тоном.

Например: “啊, 我知道了。” “啊, 是这么回事啊?”

Вслед за учёными-китаистами мы приходим к выводу о том, что употребление частицы «**啊**» представляет достаточно распространённое явление в китайском языке. Необходимым является не только знание оттенков значений, которые передаёт данная частица, но и понимание правил её изменения в речи. Частица «**啊**» имеет способность изменять своё произношение и написание, что зависит от финалей предшествующего ей слога.

Список литературы

1. Румянцев М. К. Фонетика и фонология современного китайского языка. М.: Восток-Запад, 2007. 304 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).
2. Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка. Ленинград: ЛГУ, 1980. 142 с.
3. Спешнев Н. А. Введение в китайский язык. Фонетика и разговорный язык. СПб.: КАРО, 2003. 256 с.
4. Спешнев Н. А. Китайская филология: избр. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 232 с.
5. 李權臣 《现代汉语实用手册》，青海人民出版社，2009年。

Т. Е. Шишмарёва,
кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Е. В. Кремнёв,
кандидат социологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Графическая линия развития китайской письменности в осмыслении Ю. В. Бунакова

Статья посвящена анализу трактовки Ю. В. Бунаковым положений традиционной китайской грамматики (汉字学) в отношении графической линии развития китайских письменных знаков.

Ключевые слова: российское китаеведение, идеографическое письмо, грамматология китайской письменности

T. Shishmareva,
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

E. Kremnyov,
Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

Graphic Evolution of the Chinese Writing System in Interpretation of Yu. V. Bunakov

The article analyzes Yu. V. Bunakov's interpretation of ideas of traditional Chinese grammar (汉字学) about graphic development of the Chinese characters.

Keywords: Russian sinology, ideographic writing, grammar of Chinese writing system

В 1940 году увидела свет работа Юрия Владимировича Бунакова «Китайская письменность». Будучи посвящённой специфике письма, она рассматривается нами как грамматологическая [3, с. 4], хотя сам термин «грамматология» вошёл в метасистему лингвистики после появления работы И. Д. Гельба «Опыт изучения письма (Основы грамматики)» (первое издание в 1952 г.) [2] и не употреблялся в работе Бунакова. Одну из проблем, затронутых в его статье, следует обозначить как взгляды традиционной феодальной науки на то, насколько, когда и каким образом изменялась графика китайского знака.

В старых китайских филологических работах имеются указания на то, что в глубокой древности китайцы использовали для записи событий зарубки на деревянных палках – *шу ци* – и узелки на верёвках – *це шэн*. К предпосылкам письменности традиция относит также триграммы мифического государя Фу Си – графические комплексы из трёх чередующихся целых и прерванных

посередине линий. Это положение, как полагает Ю. В. Бунаков, интересно тем, что, действительно, можно провести параллель между триграммами и некоторыми простейшими кинеграммами и пиктограммами, например, древним начертанием знака «вода» (см. табл. 1).

Таблица 1
Сравнения триграммы «воды»
и иероглифа «вода» в начертаниях кайшу
и цзягувэнь

«Шестая триграмма» (воды)	«Вода»	
	水	
	Современный	Надписи на гадальных костях

Однако зависимость здесь обратная той, которую выявляет традиция. По всей

вероятности, эти гадательные графические комплексы имели своим прообразом в отдельных случаях сохранившиеся, в других, возможно, утраченные простейшие письменные знаки [1, с. 368].

Изобретение письма традиция приписывает некому Цань Се, который якобы создал китайские письменные знаки по образцу различных явлений природы, наблюдаемых им (небесные светила, следы птиц и животных на земле и т. д.). Здесь Ю. В. Бунаков отмечает сохранение в легендах воспоминаний о пиктографической, рисуночной основе древнейших письмен. Отрицательным моментом традиции, по его мнению, является приписывание «изобретения» письма одному лицу – «типичный образец несовершенства научного знания в феодальную эпоху» [Там же, с. 368].

Дальнейшая линия развития графической стороны китайской письменности излагается традицией следующим образом. К середине Чжоуской эпохи (VIII в. до н. э.), в результате слабости культурных связей между отдельными частями страны в тот период, в написании изобретённых Цань Се письменных знаков в различных местностях начинает господствовать произвол и разноречие, приводящие к значительным затруднениям в понимании текста. В связи с этим министр государя Сюань-вана – Чжоу или Ши Чжоу (историкограф – *ши*, по фамилии Чжоу) – предпринял в работе «*Ши Чжоу бянь*», впоследствии утраченной, унификацию письменных знаков, связанную с некоторым упрощением ранее существовавшей письменности. Это унифицированное и упрощённое Ши Чжоу письмо называется по его имени *Чжоу вэнь*, или *Чжоу шу* («письмена Чжоу»), или *да чжуань* («большая чжуань»).

Усиливающаяся разобщённость отдельных частей государства к концу эпохи Чжоу снова приводит к разноречию в написании унифицированных Ши Чжоу знаков и требует упорядочения. Оно было произведено под давлением политической унификации в стране при династии Цинь (III в. до н. э.) министрами Ли Сы, Чжао Гао и Ху Муцином, что нашло отражение в утраченных позднее книгах «*Цан Се бянь*», «*Юань ли бянь*» и «*Бо сюе бянь*», написанных ими (общее название «*Сань цань*») и представляющих список 3300 знаков.

Унифицированная и упрощённая Ли Сы и его сотрудниками письменность, в отличие от письма Ши Чжоу, называется *сяо*

чжуань («малая чжуань»). Слово «*чжуань*» означает «вычерчивать письменные знаки, писать, письмо», отсюда *да чжуань* – «большое, сложное письмо», *сяо чжуань* – «малое, упрощённое письмо» [1, с. 369].

Развитие общественной жизни Китая в период централизованной монархии Цинь уже через столетие после Ли Сы предполагает необходимость нового упрощения письменности. Это упрощение производится чиновником Чэн Мяо, и форма письменных знаков, установленная им, получает название *ли шу* – «деловое письмо» (в связи с использованием его в административном аппарате) или *цзо шу* «вспомогательное [к существующему – *сяо чжуань*] письмо».

Между *сяо чжуань* и *ли шу* была предпринята попытка сохранить вытесняемое *ли шу* письмо *сяо чжуань* – это стиль *ба фэнь*, согласно традиции, на 8/10 состоящий из форм *сяо чжуань* и на 2/10 из форм *ли шу*, отсюда его название, означающее «восемь десятых». Однако в сохранившихся образцах часто наблюдается явное преобладание форм *ли шу*.

С введением в обиход волосяной кисти (изобретённой, согласно традиционным представлениям, генералом Мэн Тянем во II в. до н. э.), туши (рубеж н. э.) и бумаги, созданной, в соответствии традиционным представлением, учёным Цай Лунем во II в. н. э., к концу поздней Ханьской династии (I–III вв. н. э.) китайские письменные знаки получают (главным образом в работах знаменитых каллиграфов Ван Си-чжи и его сына Ван Сянь-чжи – IV в. н. э.) своё окончательное оформление, в котором они существуют по настоящее время (*кай шу* – «образцовое письмо», *чжэн шу* или *чжэнь шу* – «настоящее письмо»).

Незначительные изменения как чисто каллиграфический приём эти знаки претерпели в связи с изобретением ксилографического книгопечатания (VIII в. н. э.), при вырезании их на деревянных досках (*сун шу* – «сунское письмо», по имени правившей в X–XIII веках династии, при которой книгопечатание достигло наибольшего расцвета).

Названные события представляют всё то главное, что традиция сообщает о развитии уставной, официальной формы китайских письменных знаков. Создание курсива (*син шу* – «ходовое письмо») традиция приписывает Лю Дэ-шэну, появление скорописи (*цао цзы* – «письменные знаки [похожие на спутанные побеги] травы) – Ши Ю (I в. до н. э.).

В китайской традиции существует целый ряд различных типологий формы китайских письменных знаков, как ограничивающихся перечисленными выше, так и включающих ряд промежуточных – *сы ти, у ти, лю ти, ши ти* – «четыре, пять, шесть, десять» типов начертания знаков и т. д. В современных работах принято разделять эти типы на три группы: древние (*чжуань*), современные уставные (*ли*) и скорописные (*цао*).

Далее автор исследует материалы, на основании которых может быть прослежена последовательность изменения формы китайских письменных знаков, сопоставляет эти данные с предложенными выше взглядами традиционной китайской филологической науки.

Предпосылки китайской письменности, её первичные элементы, как отмечалось

выше, прослеживаются в орнаменте глиняной утвари на месте произведённых Андерсоном (Andersson) в 20-х годах н. в. раскопок так называемой яншаоской культуры (Хэнань, Ганьсу, Фэнтянь, Кукунор), относящейся к эпохе медно-каменного века – энеолита.

Древнейшим памятником письменности Китая являются найденные в конце XIX века в Аньяне (провинция Хэнань) надписи на фрагментах черепаших панцирей и костей жертвенных животных, использованных для гадания, результаты которого записывались на этих фрагментах (см. табл. 2). Памятники эти относятся к периоду бронзового века, к эпохе распада первобытно-общинного строя в Китае и, согласно исторической традиции, к периоду Инь-Шан (XIV–XII вв. до н. э.).

Таблица 2

Сравнение знака «отец» в различных начертаниях

Значение	Надписи на костях	Надписи на бронзе	Сяо-чжуань	Ли шу	Кай шу
Отец («рука, держащая палку»)					

После следующей, Чжоуской эпохи (XII–III вв. до н. э.), также сохранился только один вид памятников – надписи на бронзовых жертвенных сосудах (специфический словарный состав этих надписей также умещался лишь в полутора-двух тысячах знаков) [1, с. 370].

Бамбуковые планки, согласно традиции, широко используемые в эту и следующие эпохи (династия Цинь, III в до н. э. – III в н. э.), до нас не дошли. В дальнейшем для письма используется шёлк, камень и, наконец, бумага. Древнейшие сохранившиеся до нашего времени памятники письменности на бамбуковых планках, шёлковых и бумажных полотнищах, а также на каменных стелах относятся в основном ко II веку н. э. (поздняя династия Хань). Первые три типа памятников получены из раскопок Центрально-азиатских оазисов.

Надписи на костях и бронзе вычерчивались острым металлическим стилем, на камне выдалбливались долотом, на бамбуковых планках выписывались деревянным стилем – заострённой или расщеплённой на волокна палочкой, смоченной в соке особого дерева лаке. Ю. В. Бунаков отмечает, что «специфическая форма знаков, выпи-

сываемых деревянным стилем на бамбуке, характеризующаяся небольшой кляксой, производимой при соприкосновении стила с планкой, и тонкой линией, выходящей из этой кляксы, объясняет, возможно, происхождение одного из упомянутых выше названий древних форм китайских письменных знаков – «головастиковое письмо» [1, с. 373].

Введение в обиход шёлка и бумаги вызвало переход на преимущественное использование волосяной кисти, смачиваемой тушью.

По мнению автора, последовательное введение в обиход новых материалов, с одной стороны, и вызванная развитием общественных связей необходимость в более удобном типе письма, в более удобных формах письменных знаков, – с другой, обусловили прогресс графической стороны китайской письменности [1, с. 374].

Взаимодействие этих факторов, как считает Ю. В. Бунаков, позволяет исторически осмыслить изложенное выше развитие китайской письменности. Например, графические формы надписей на костях (главным образом, письменность иньского племени), соответствующие упоминаемым

в традиции письменные знаки *гу вэнь*, приписываемые изобретению Цань Се, сменяются формами на бронзовых памятниках, формами, которые соответствуют большой *чжуани* и представляют письмо более высокого этапа развития китайского общества – Чжоуского. В этой смене графических форм, как и в дальнейших, прослеживается действие введённых в обиход новых писчих материалов. В качестве одной из важнейших причин, породивших различия в начертании письменных знаков в надписях на костях и на бронзе, автор называет меньшую сопротивляемость последней при вычерчивании линий металлическим стилем [1, с. 375].

Сяо чжуань и частично *ли шу* представляют не что иное, как письменные формы выписанных деревянным стилем на бамбуковых планках надписей периода династии Цинь. Особенности форм *ли шу* объясняются также частично практикой резьбы знаков на дереве – пережиточное использование металлического стилем предшествующей эпохи. Переход *ли шу* к *кай шу* представляет непосредственный результат введения в повседневный обиход волосяной кисти, дающей возможность более быстрого проведения линий любой формы и направления, а также без отрыва орудия письма от материала, что было необходимо (во избежание клякс) при работе с деревянным стилем. С этим же связано появление почти одновременно курсивных и скорописных форм китайских письменных знаков [1, с. 375].

Анализируя воздействие указанных выше факторов развития графической стороны китайской письменности, Ю. В. Бунаков исследует исторически последовательные этапы её унификации и упрощения, приписываемые традицией Ши Чжоу, Ли Сы и Чэн Мяо. В действительности, по его мне-

нию, эти этапы были отражением в традиции закрепления господствующей позиции письменных форм, распространённых у племени Чжоу и позднее у княжества Цинь, которые захватили политическую гегемонию. При этом письменность Чжоу и Цинь соответственно ассимилируют формы письменных знаков, распространённые у политически подчинённых племён и уделов.

Тем не менее, эти формы частично продолжают сосуществовать с основной линией графического развития китайского письма (от иньских форм, через освоившие их чжоуские формы, к письменным знакам, распространённым в циньском княжестве и становящимся основой дальнейшего развития графической линии китайской письменности). Так, согласно традиции, считается, что во II в. н. э. в доме Конфуция в Шаньдуне были найдены книги, написанные якобы древнейшими знаками, возводимыми к Цань Се (*Кун ши гу вэнь*). «Эти знаки, по-видимому, являются копией форм, сохранившихся на территории поглощённых Цинь шести восточных княжеств (*лю го*), форм, не включённых в указанную выше основную линию движения китайской графики и, таким образом, сохранивших большую архаичность. Частично происхождение форм этих знаков, являющихся одним из образцов “головастикового письма”, связано с написанием их бамбуковым стилем на деревянных досках» [1, с. 375].

По мнению учёного, структурная и графическая линии развития китайской письменности, в основном, заканчиваются к рубежу н. э.: первая – к IV–III векам до н. э., вторая – к II–III векам н. э. В дальнейшем качественно новых элементов в китайской письменности как в отношении её структуры, так и в отношении графического оформления, не появляется.

Список литературы

1. Бунаков Ю. В. Китайская письменность // Китай, история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сборник. 1940. № 1. С. 352–384.
2. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М.: Восток-Запад, 2007. 282 с.
3. Готлиб О. М., Кремнёв Е. В., Шишмарева Т. Е. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX в.: В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

Этимология и историческое развитие китайских личных местоимений 1-го лица

Язык – это непрерывно изменяющаяся система, поэтому первоначальное значение многих слов может быть утрачено в результате многочисленных трансформаций. Статья посвящена исследованию этимологии первых личных местоимений китайского языка, деформации их исходного значения и последующего развития.

Ключевые слова: китайский язык, древнекитайский язык, этимология, личные местоимения

E. Ivanova,

Graduate Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

Etymology and Historical Development of Chinese First Person Pronouns

Language is a constant changing system, therefore original meaning of many words can disappear without a trace in the stream of transformations. The article is devoted to the study of Etymology of the first personal pronouns of the Chinese language, the deformation of the original meaning and the subsequent development.

Keywords: Chinese language, ancient Chinese language, etymology, personal pronouns

Местоимения – неотъемлемая часть большинства существующих языков. Появившись вслед за существительными, они переняли некоторые их признаки, поэтому местоимения могут отвечать на одни и те же вопросы, выполнять одинаковую синтаксическую функцию в предложении и изменяться по числам, как и существительные. Однако, в связи с различными условиями зарождения языка и ментальностью каждого народа, становление местоимений происходит по-разному. В качестве примера можно обратиться к личному местоимению «ты», в русском языке данное местоимение имеет ограниченный диапазон использования: в значении единственного числа, в неформальном общении, с нейтральной окраской, используется в отношении людей младшего или близкого возраста. Китайское же местоимение «你» (nǐ – ты, вы) обладает более широким диапазоном использования: в значении единственного числа, в неформальном/формальном общении, с нейтральной окраской, используется без ограничений по возрасту. Понять причину данных несоответствий помогает важная и актуальная наука – этимология. Этимология не только помогает осознать различия между самосознанием различных наций, но и способствует запоминанию значения иностранного слова. Кроме всего вышепе-

речисленного, этимологические исследования отражают взаимодействие человека и окружающей среды, влияние исторических событий на язык, идеологию и менталитет. Обладая знаниями в области этимологии того или иного слова, китаист решает проблему неверного использования диалектизмов и фразеологизмов, а также сложности при чтении классической литературы, при этом появляется более отчётливое понимание значения того или иного слова. Наличие таких знаний оказывает большую помощь и при переводе, делая его максимально точным и понятным [2, с. 550].

С позиции значимости личных местоимений при межкультурной коммуникации этимологические исследования данной части речи представляют собой особый интерес. Китайский язык – это уникальный язык с уникальной письменностью. Китайская иероглифическая письменность отражает ментальность китайского народа, его взаимодействие с окружающим миром, самоидентификацию и восприятие других. Специфические способы восприятия и понимания членами этнической общности различных сторон окружающей действительности, передающиеся из поколения в поколение, зависят, в первую очередь, от психического склада этноса [1, с. 4], влияющего на язык народа. В данной статье мы попытались

рассмотреть появление китайских личных местоимений 1-го лица, таких как «吾», «我», «余», «卬», «朕» и их историческое развитие.

При обращении к статье древнего словаря «说文解字» («Шовэнь Цзецзы»), посвящённой местоимению «我» (wǒ – я, мой, мы, наш, сам), можно увидеть, что первоначальным значением данного иероглифа являлось «жертвовать собой», «убивать», «оружие» [3, с. 291]. В эпоху письма на костях и черепаших панцирях («цзягувэнь») иероглиф изображался в виде длинной палки с острым трезубцем, закреплённым на её верхушке и обращённым влево. В связи с тем, что иероглиф изображает реальный предмет, он относится к иероглифам-пиктограммам. На следующем этапе развития иероглифа, при письме на бронзе («цзиньвэнь»), количество черт увеличилось и они стали более гибкими. В связи с этим в период письма «сяочжаунь» в облике иероглифа уже нельзя было увидеть первоначальный прообраз, обозначающий оружие. Именно в данный период установилась форма написания данного иероглифа, дошедшая до нас. Впервые иероглиф «我» стал использоваться в качестве местоимения лишь в доцинскую эпоху, именно в то время появились такие фразы, как «我方» (наша сторона, мы), «我国» (наша страна) [4, с. 1433]. Однако, с того момента иероглиф стал более часто употребляться в качестве местоимения. Зачастую значение иероглифов, в состав которых входит «我», связано с военным делом, сражением или оружием. Примером служат следующие иероглифы: «峨» (é) – 峨冠博带 (высокая шапка или одежда командующего состава), «鹅» (é) – строй гусей (понятие в военном деле).

Местоимение «余» (yú – я) также относится к иероглифам-пиктограммам. Прообразом данного иероглифа является изображение дома на дереве [3, с. 352]. Значение иероглифа совпадает со значением иероглифа «舍» (shě) «дом, здание» и близко по значению с иероглифом «舒» (shū) «умиротворённый, спокойный, чувствовать себя свободно, быть как дома». В эпоху стиля «цзягувэнь» иероглиф изображался в виде соломенного древнего жилища, которые строились обществом в древности. Почти без изменений осталось изображение иероглифа и в эпоху «цзиньвэнь». Однако в эпоху стиля «сяочжаунь» в его облик были добавлены две черты, подпирющие

«дом». После перехода к применению стиля «лишу» было закреплено традиционное начертание иероглифа. Первоначальное значение иероглифа «дом, постройка» было утрачено очень рано, после оно стало использоваться как личное местоимение 1-го лица. Подтверждает данный факт запись в древнем словаре «尔雅» (ě yǎ): «余, 我也» (余 имеет такое же значение, как и 我, то есть «я, мы»). Однако данный иероглиф относится к иероглифам книжного языка. В настоящее время «余» обозначает «избыток, остаток, резерв». Например: 乘余 (ch é ng y ú), 多余 (du ō y ú) – «избыточный, излишний, ненужный» [4, с. 1658]. Кроме того, данный иероглиф может использоваться самостоятельно, а также входить в состав иероглифов со значением «отдыхать, расслабляться».

Наличие местоимения «吾» (wú – я, мы, мой, наш, сам) на черепаших панцирях не зафиксировано, скорее всего, это объясняется тем, что данный иероглиф представляет собой более позднее сочетание иероглифов 五 (wǔ – пять) и 口 (kǒu – рот). В данном иероглифе ключ «五» выступал как в качестве фонетика, так и в качестве смысловой графемы. Появившись в эпоху стиля «цзиньвэнь», он обозначал: «массовое собрание» (из-за иероглифа 五 в верхней части) + «разговаривать» (из-за иероглифа 口 в нижней части) = «разговаривать долгое время» и изображался в виде песочных часов . Позже, в эпоху стиля «лишу», изображение иероглифа несколько изменилось, исчезли горизонтальные и вертикальные линии, символизирующие переплетение земли и неба. Иероглиф приобрёл следующее начертание – [6]. Приобретая своё нынешнее изображение, иероглиф 吾 утратил значение «много разговаривать». Данные трансформации произошли достаточно быстро, что подтверждает упоминание данного иероглифа со значением «я» в словаре «Шовэнь Цзецзы». В книге «И-ли» (одна из 13 книг конфуцианского канона) также приведена фраза, подтверждающая данное значение слова: 愿吾子之教之也 (Пусть мой сын будет учителем), где 吾子 – мой сын. Иероглиф «吾» со значением «я, мы, мой, наш» использовал великий китайский поэт Цюй Юань, в честь которого отмечается праздник «Праздник Драконьих Лодок», также данный иероглиф встречается в записях легендарного древнекитайского философа Лао-цзы. Как уже отмечалось выше, иероглиф «吾» служил не только

местоимением первого лица единственного числа, но и множественного числа. Например: 吾师 (wú shī – наш учитель), 吾国 (wúguó – наше государство), 吾辈 (wúbèi – мы), 吾侪 (wúchái – мы), 吾家 (wújiā) – наша семья, 吾民 (wúmín) – наш народ [4, с. 1442]. Особенностью данного иероглифа является его принадлежность к письменной речи. Можно предположить, что некоторые производные от данного иероглифа связаны единым смыслом «душевного познания»: 悟 (wù) – постигнуть, пробудиться, 晤 (wù) – просвещение, 寤 (wù) – постигнуть, *捂 (wù) – скрывать правду (душевный процесс).

На черепашьих панцирях начертание местоимения «朕» (zhèn – я, мой, Мы (в значении «император»)) [7] было схоже с изображением иероглифа 般 (bān – как будто, похоже, словно), которое изображало две руки, державшие шест. Изначальный смысл иероглифа определялся как «переправляться через реку, толкая лодку шестом». Затем значение было расширено и использовалось по отношению к лодочнику, судовладельцу, рулевому. В эпоху стиля «цзиньвэнь» начертание иероглифа не претерпело изменений, значительные изменения проявились в письменах в стиле «чжунань», где часть «шест» была заменена на «火» (huǒ – огонь). В данный период изображение иероглифа представляло собой лодку и горящий факел, который держат двумя руками. Так в древние времена обозначали «судоремонтника» [8]. При обращении к статье древнего словаря «Шовэнь Цзецзы» было отмечено, что значение иероглифа «朕» уже толковалось как «я». Однако местоимение «朕» ушло из речи довольно быстро, так как использовалось лишь императором по отношению к себе: «朕乃天子» – «Я, Император, являюсь сыном неба». Данную трансформацию значения можно объяснить тем, что в древние времена именно рулевой на корабле отвечал за судьбу людей, которых он перевозил, император же отвечал за судьбу всего народа государства. Данное сравнение помогает понять изменение значения «朕».

Местоимение «印» (àng – я, мы) относилось к книжному стилю и использовалось

в древности [4, с. 13]. Первоначально его значение было схоже со значениями двух следующих иероглифов: «仰» (yǎng – благоговеть перед, восхищаться: 仰慕 (yǎngmù) – восхищаться; 仰仗 (yǎngzhàng) – опираться; 仰望 (yǎngwàng) – взирать с надеждой [9]) и «昂» (áng – высоко стоять, подниматься: 抬起 (táiqǐ) – подниматься; 扬起 (yángqǐ) – поднять; 高 (gāo) – высокий). В первом древнекитайском словаре «Эрья» даётся следующее определение данного иероглифа: 印, 我也 – то же самое, что и «我», то есть «я, мы» (без примечаний по родовому признаку). Интересно, что в данном словаре нет уточнения родовой принадлежности, поэтому местоимение могло использоваться для обозначения как мужчины, так и женщины. Однако в словаре «Шовэнь Цзецзы» и «Гуаньюнь» (словарь рифм времен династии Сун) данное местоимение уже приобрело родовой признак, став личным местоимением женского рода. В классической литературе первые упоминания об иероглифе «印» в качестве личного местоимения встречаются в основополагающих древних книгах доциньской эпохи, таких как «诗经» (shījīng – Книга Песен) и «尚书» (shàngshū – Книга истории) [5]. В «Книге Песен» данное местоимение встречается в трёх строках, одна из которых приведём в статье: 招招舟人, 人涉印否。人涉印否, 印须我友 – «Греби, лодочник, греби. Другим это нужно, не мне. Другим это нужно, не мне. Я дружка своего поджидаю» («У тыквы-горлянки горькие листья», сборник «Ши цзин», автор Вэй Фен).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что этимологические исследования слов иностранного, в данном случае китайского языка, приоткрывают занавесу древности и помогают пронаблюдать сознание и мироощущение народа. Наглядный характер китайской письменности даёт возможность выявить утраченные смыслы средств этого языка. При изучении истории развития китайских личных местоимений становится возможным воссоздать взаимодействие китайского народа с окружающим миром, его образ мышления и исторические события, которые происходили в стране на протяжении существования письменности.

Список литературы

1. Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2010. С. 4.
2. Чурой А. О. Происхождение и значение китайского иероглифа // Молодой учёный. 2015. № 18. С. 550–551.
3. 说文解字 / (东汉) 许慎著. 长春: 吉林美术出版社, 2015 (3): 291, 352.

4. 现代汉语词典. 北京:高务印书馆, 2010 (5): 13, 1433, 1442, 1658, 1733.
5. 蔡英杰. 女性第一人称代词 [J]. 长江学术, 2015 (4): 123–128.
6. 吾的来源 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vividict.com> (дата обращения: 26.08.2018).
7. «朕, 滕, 弁» 的甲骨文金文篆文字形演变含义 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renlu.net> (дата обращения: 17.08.2018).
8. 朕的来源 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vividict.com> (дата обращения: 21.09.2018).
9. 印的来源 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zidian.911cha.com> (дата обращения: 15.08.2018).

УДК 81-2

Б. Ю. Ойдупова,
студентка,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

История популяризации китайского алфавита: основные этапы и результаты

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием фонетического алфавита в современном китайском языке путунхуа. Иероглифический характер письменности китайского языка объясняет многочисленные трудности, связанные с описанием произношения китайских слов. Литературные источники свидетельствуют об иероглифическом характере объяснения произношения. Однако с течением времени росла необходимость поиска фонетических способов. Разработанные в прошлом столетии проекты по созданию китайского алфавита были успешны. Современные глобализационные процессы позволяют говорить об инновационном фонетическом звукобуквенном стандарте китайского языка.

Ключевые слова: алфавит, транскрипция, транскрибирование, фаньце, алфавитная запись, латинизация, иероглифическая письменность, реформы китайской письменности, ханьюй пиньинь, чжиинь, система Уэйлда-Чжайлза, письмо Пагба-ламы, чжуиньцзыму

B. Oydupova,
Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

History of the Chinese Alphabet Popularization: Milestones and Results

The article discusses issues related to the use of the phonetic alphabet in the modern Chinese language, Putonghua. The hieroglyphic nature of Chinese writing explains the many difficulties associated with the description of Chinese words' pronunciation. In ancient times, the explanation of the content also had a hieroglyphic character. However, over time, the need to use phonetic methods has grown. The projects developed in the last century to create the Chinese alphabet were successful. Today, as a result of globalization taking place in the world, we can talk about an innovative phonetic sound-letter standard of the Chinese language.

Keywords: alphabet, transcription, transcription, fence, alphabetic entry, romanization, hieroglyphic writing, reform of Chinese writing, Hanyu Pinyin, chzhiin, the system Walda-Jalsa, letter Pagba Lama, chzhuitszymy

Китай – страна с древней и богатой культурой. Китайское письмо зародилось ещё во II тысячелетии до н. э. из пиктограмм, записанных на панцирях черепах и костях животных, которые использовались в ритуалах жертвоприношения и гадания. Со временем они изменялись, обретая свой современный вид. Современный Китай ещё не готов расстаться с иероглифической

письменностью, поскольку «иероглиф для китайского народа является материальной основой подтверждения древности этнокультурного мифа этноса Хань» [1]. Но глобализационные процессы, происходящие в мире, оказывают определённое влияние на китайскую письменность.

Серьёзным препятствием для усвоения китайской системы письма является

значительное количество иероглифов, которые следует запомнить, поскольку иероглифическая письменность подразумевает закрепление за иероглифическим знаком определённого содержания. Например, китайские лингвисты отмечают, что на письме применяется около 10 000 иероглифов, часть которых до реформы письменности 1964 года состояла из большого количества черт, не помещавшихся в одну клетку. Однако главной проблемой иероглифической письменности является то, что каждый отдельно взятый иероглиф обладает и звучанием, и значением, в отличие от алфавитных языков. Поскольку, впервые увидев иероглиф, трудно указать его точное произношение, для успешного разрешения данной проблемы в разное время использовались различные методы. Например, на этапе формирования и становления филологической науки, в связи с необходимостью систематизации языка и разработки словарей (которые были преимущественно фонетическими), использовались, главным образом, иероглифические методы, поскольку звукобуквенного обозначения иероглифа просто не существовало.

Созданный во II веке н. э. метод чжиинь *直音 zhiyin* (досл.: прямое уподобление звучанию) состоит в том, что чтение искомого иероглифа передавалось при помощи распространённого иероглифического знака, который был бы идентичным или близким по произношению к искомому иероглифу. Иероглифические знаки, таким образом, приобретали особую объяснительную силу для описания произносительных особенностей слов, однако такой метод был неэффективным, если в качестве используемого для указания произношения омофона использовался малоизвестный иероглифический знак.

Дальнейшее развитие данной методики привело к созданию и распространению в китайской филологической литературе метода фаньце *反切 (fanqie)*, (досл.: обратный срез), получившего распространение в конце II века н. э. Систематическое использование метода фаньце начинается в эпоху Троецарствия (220–265 гг.), когда он стал применяться и для обозначения произношения иероглифов в комментариях к классическим текстам.

Данный метод предполагает для передачи звучания искомого иероглифа использование двух других иероглифов, произношение которых считается общепринятым и

нормативным. В этом случае слог, обозначаемый первым иероглифом, имел одинаковый с искомым начальный согласный (инициаль); слог, обозначаемый вторым иероглифом, имел одинаковую с искомым вокальную часть (финаль). Соединение инициали и финали, представленное двумя иероглифами, в сумме демонстрировало произношение искомого иероглифа. Например, иероглиф *物* можно протранскрибировать при помощи иероглифов *文 (wen)* и *夫 (fu)*. Соединение инициали *w* первого иероглифа *文 (wen)* и финали *u* второго *夫 (fu)* даёт нам *wu*. Метод фаньце, благодаря точности и эффективности описания произношения слов, получил широкое распространение. На его основе были разработаны фонетические таблицы, систематизирующие наиболее частые в таком специальном употреблении слоги.

Дальнейшее развитие данного направления в филологии может быть представлено другим методом описания произношения – письмом Пагба-ламы (*八思巴字 bāsībāzì*, досл.: письмо Пагбы). Данный метод носил несколько названий: *方体字 fāngtǐzì*, (досл.: квадратное письмо); *蒙古[新]字 měnggǔ [xīn]zì*, (досл.: новое монгольское письмо); *国字 guózi* (досл.: национальное письмо); *元国书/字 yuánguó shū/zì*, (досл.: юаньское письмо). Он был разработан во время правления монгольской династии Юань. В основе квадратного письма лежит тибетское письмо, к которому добавляли несколько новых знаков для обозначения разных звуков, не существовавших в тибетском алфавите. Алфавит Пагба-ламы использовался довольно широко во время правления монгольской династии Юань и стал своего рода международным фонетическим алфавитом. Однако со временем он вышел из употребления в Китае, который сохранил свою традиционную иероглифику.

В XIX веке, когда в Китае начинают вести активную торговлю представители западноевропейских стран, появляется острая необходимость в изучении китайского языка. Однако отсутствие в китайском языке привычного для всех стран Европы алфавита привело к необходимости разработки зарубежными исследователями алфавита для китайского языка. Для этого исторического периода характерным является использование системы Уэйлда – Джайлса. Данная система была распространена вплоть до 1970-х годов XX века и стала первым латинизированным алфавитом для китайского

языка. Характерными особенностями этой методики стали, во-первых, сложность, обусловленная содержанием большого количества диакритических знаков, а, во-вторых, отсутствие системы слогоделения. Всё это приводило к значительному количеству ошибок при написании китайских имён и имён собственных. Несмотря на такие трудности, этот алфавит стал самым популярным методом транскрибирования.

Алфавит чжуиньцзыму 注音字母 *zhuyin zimu* (досл.: символы для обозначения звуков), разработанный в 1913 году, в настоящее время используется, главным образом, на Тайване. Он представляет собой 37 знаков несколько видоизменённых простейших иероглифов, которые обозначают буквы и слоги. Данная система с 1930-х и до конца 1950-х годов считалась официальным методом транскрибирования китайских иероглифов. Алфавит чжуиньцзыму стал попыткой перехода к алфавитной письменности с сохранением культурного своеобразия китайского народа.

Рассмотренные методики применялись на различных этапах истории Китая, но все они послужили закономерной основой для разработки современного китайского алфавита. В условиях глобального взаимодействия стран Китая необходимо было как можно скорее разрешить данный вопрос, поэтому на правительственном уровне было принято решение о реформе китайского языка, которая бы существенно облегчила задачу обучения молодого поколения. Одним из результатов реформ 1955–1957 годов, направленных на ликвидацию безграмотности населения, стало создание латинизированной системы транскрипции иероглифов китайского языка – ханьюй пиньинь – 汉语拼音 *hànyǔ pīnyīn* (досл.: запись звуков китайского языка).

Интересные факты из истории процесса утверждения данного метода в качестве китайского алфавита можно найти в работе китайского исследователя Ли Яня «Происхождение и развитие современного алфавита китайского языка». В частности, отмечается, что движение за латинизацию китайского языка началось ещё в 20–30-е годы прошлого столетия, когда в Советском Союзе был разработан латинизированный алфавит, призванный ликвидировать безграмотность китайских рабочих на Дальнем Востоке. После чего данный проект латинизации был представлен в Китае, где получил поддержку у представителей культуры и просвещения.

В 1935 году в Китае была опубликована монография, в которой рассматривались различные мнения 700 выдающихся личностей о внедрении латинизированного алфавита, в частности, отмечалось, что «латинизированный алфавит заслуживает того, чтобы его представили всей стране, с тем, чтобы все могли изучить его, распространять и использовать в качестве главного орудия развития массовой культуры и национально-освободительного движения» [4].

В октябре 1949 года был создан «Комитет реформирования китайской письменности», одной из задач которого было рассмотрение разработанных вариантов транскрипции для китайского языка и выбор наиболее эффективного и простого способа транскрибирования. 15 октября 1955 года на Всекитайской конференции по реформе китайского языка были представлены шесть проектов алфавита, один из которых был составлен на основе латинского алфавита и выбран в качестве официального. Выбор именно латинизированного проекта был обусловлен его распространённостью, а также простотой изучения. Приведём слова Мао Цзэдуна об использовании латинского алфавита: «...поскольку в этом алфавите мало букв, всего лишь 29, пишутся они горизонтально, то он прост для изучения и употребления. С этой точки зрения наши иероглифы с ним не сравнятся» [4].

Ханьюй пиньинь был принят 2 ноября 1958 года на V сессии ВСНП. Теперь его стали преподавать как обязательный предмет в начальных школах Китая. Также ханьюй пиньинь стал международным стандартом латинской транскрипции географических названий, китайских слов в документах.

Новая алфавитная транскрипция привела к созданию различных правил, на которые следовало обращать внимание. Поэтому в проекте 1958 года был представлен не только набор букв, т. е. алфавит, но также вся система записи китайских слогов латинскими буквами, отражённая в таблицах инициалей и финалей путунхуа. Отдельно были представлены объяснения написания так называемых «эризованных» финалей и правила обозначения тонов [2, с. 266–267].

Официальное определение системы ханьюй пиньинь было дано в «Законе о языке и письменности» от 01.01.2009 года. Согласно Закону, ханьюй пиньинь представляет собой единый стандарт алфавитной записи и транскрипции слов путунхуа,

который применяется в тех случаях, когда использование иероглифов является невозможным.

Несмотря на то, что изначальной целью создания алфавита для китайского языка было полное вытеснение из него иероглифического письма, в настоящее время эта цель была отодвинута на второй план. Появилась совершенно новая система китайского языка. А. Н. Алексахин пишет: «Функционирование китайского языка путунхуа как в КНР, так и за рубежом происходит при одновременном взаимодополняющем существовании двух форм письменности китайского языка: иероглифической основной и алфавитной вспомогательной». Новое для китайского языка явление, китайский алфавит, озвучивает «великий немой» китайский иероглиф.

В современной коммуникации взаимодействие алфавитного и иероглифического письма становится всё теснее. По мнению А. Н. Алексахина, «именно алфавит является экономической и рациональной основой компьютерных программ... <...> процесс языкового творчества в форме иероглифических текстов осуществляется

благодаря алфавиту при использовании и других способов компьютерного набора иероглифических текстов» [1]. Другими словами, иероглифическая письменность продолжает существовать благодаря алфавитному письму, которое позволяет осуществить набор иероглифа на компьютере или других цифровых устройствах. Но ещё одна важная причина неполного перехода Китая на алфавитную письменность заключается в крайне обширном количестве слов-омонимов, которые легко различаются при написании их с помощью иероглифов.

Создав свой латинизированный алфавит, Китай создал свою собственную систему письма, которая приобретает особую значимость в контексте развития китайского языка, поскольку отражает тенденции, указывающие на постепенный переход письменности от иероглифической к фонографической. Безусловно, такая унифицированная система транскрибирования китайских иероглифов способствует свободному изучению китайского языка иностранцами и эффективному распространению государственного языка путунхуа не только в Китае, но и в мире.

Список литературы

1. Алексахин А. Н. Взаимодействие иероглифического и звукобуквенного стандартов слова китайского языка [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО Университета. 2010. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-ieroglificheskogo-i-zvukobukvennogo-standartov-slova-kitayskogo-yazyka-putunhua> (дата обращения: 25.09.2018).
2. Завьялова О. И. Большой мир китайского языка. 2-е изд. М.: Вост. кн., 2014. 320 с.
3. Сусов И. П. История языкознания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.homepages.tversu.ru/~susov> (дата обращения: 11.09.2018).
4. 汉语拼音方案/1884432/李岩. 汉语拼音的由来及现代汉语拼音方案发展过程. 搜狐 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baik.baidu.com/item> (дата обращения: 25.09.2018).

СЕКЦИЯ «Художественный образ и текст»

УДК 81-11

Н. А. Антропова,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Новые направления в развитии лингвистики как проявление антропоцентрической научной парадигмы

Начиная со второй половины XX века, лингвистика начала стремительно развиваться в русле антропоцентрической научной парадигмы. Её интересы переместились с объекта исследования (языка) на субъект (носителя языка), и она постепенно заняла свое особое место в «науках о человеке». В статье речь идёт о тех направлениях современной лингвистики, которые стали отражением новых (антропоцентрических) тенденций в истории развития лингвистики.

Ключевые слова: антропоцентрическая научная парадигма, основные направления лингвистических исследований

N. Antropova,
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

New Directions in the Development of Linguistics as a Manifestation of the Anthropocentric Scientific Paradigm

Since the second half of the twentieth century linguistics began to develop rapidly under the auspices of the anthropocentric scientific paradigm. Its interests moved from the object of study (language) to the subject (native speaker), and it gradually took its special place in the "human sciences". The article focuses on those guidelines of modern linguistics, which reflect the new (anthropocentric) trends in the history of linguistics development.

Keywords: the anthropocentric scientific paradigm, the main directions of linguistic research

В эпоху постмодерна лингвистика по праву может считаться «наукой всех наук», поскольку она всё глубже проникает как в гуманитарную, так и в естественно-научную систему знаний, значительно расширив круг предметов лингвистических исследований, часто совсем не пересекающихся друг с другом, но объединённых общим объектом, которым является язык. Цель данного

исследования заключается в анализе основных направлений (мейнстримов) современной лингвистики с целью показать, что «наука о языке» заняла своё достойное место в «науках о человеке».

Истоки лингвистики восходят к далёкому прошлому. Однако наукой в полном смысле этого слова лингвистика стала только после определения объекта её

изучения. Как наука о языке она стала формироваться в 70-е годы XIX века. Главной целью новой науки стало выявление и описание подлинной природы изучаемого ею объекта, т. е. языка.

История развития лингвистики, в соответствии с современным научным взглядом, описывается как смена научных парадигм (доминирующих исследовательских подходов), рассматривающих язык с разных позиций и дающих всё новые представления об объекте исследования [1; 3; 6].

На смену сравнительно-историческому языкознанию, которое рассматривается многими исследователями не как отдельная парадигма, а как один из важнейших началообразующих методов лингвистического анализа, пришла структурная лингвистика, целью которой стало описание естественного языка с позиции точной науки, оперирующей методами, близкими к математическим. Значение структурной лингвистики сложно переоценить, поскольку именно она дала толчок к появлению современных лингвистических учений, а её методы находят применение не только в самых разных отраслях языковедения, но и в других науках.

Структурная лингвистика как «первопроходческая» системно-структурная научная парадигма главенствовала в науке вплоть до второй половины XX века, когда ей на смену пришла антропоцентрическая парадигма, революционным образом переключившая интересы исследователей с объекта познания на субъект, т. е. с самого языка на его носителя. Если же следовать канонам постмодерна, то можно отметить, что фактически границы между объектом и субъектом была размыты, на передний план выдвинулась дихотомия «язык в человеке» и «человек в языке» [4, с. 8].

Антропоцентризм как научно-философское мировоззрение ставит человека в центр всего сущего, переносит внимание на человеческое измерение в любом знании о бытии, природе и обществе [5]. Соответственно, антропоцентрический подход как таковой предполагает рассмотрение вещей исключительно с точки зрения их целесообразности по отношению к человеку, т. е. телеологически. В лингвистике, как и в других науках, происходят коренные изменения: переход от рассмотрения языка как независимой от человека системы к его описанию как антропологического феномена. На передний план выдвигаются исследова-

ния, касающиеся взаимоотношений между языком, обществом и культурой. И, поскольку такие исследования невозможно проводить исключительно методами самой лингвистики, начинается «экспансия» лингвистики в другие области знания, как гуманитарные, так и негуманитарные. Речь идёт о таких науках, как психология, биология, физиология, антропология, этнография, культурология, прагматика, социология, математика и др.

Даже традиционные разделы лингвистики (фонетика, семантика, грамматика, стилистика, типология и т. п.) стали рассматриваться в новом, функциональном ключе. Выявив в целом языковую структуру, исследователи обратились к проблеме функционирования языка. И здесь речь идёт не только о языке в целом, но и о тех языковых явлениях, которые относятся к разным уровням языка. Функциональная лингвистика стала стремительно развиваться, объединив на основе телеологического принципа (принципа целенаправленности) множество направлений, таких как функциональная фонетика, функциональная грамматика, функциональная семантика, функциональная ономастика, функциональная диалектология, функциональная стилистика, функциональная типология и т. п. Результаты исследований в рамках указанных направлений должны ответить на вопросы целесообразности существования конкретных языковых явлений, их роли, их свойств. Полученные данные могут способствовать решению практических задач, значимых для современного общества (например, задач эффективного освоения неродного языка, устранения различных патологий речи).

Проблему функционирования естественного человеческого языка пытается решить генеративная лингвистика (трансформационная порождающая грамматика), в частности, в работах Ноама Хомского и его последователей, совершивших, по мнению многих, революцию в науке о языке, что связано с выходом книги Хомского «Синтаксические структуры» в 1957 году, а также с научными работами 1980-х годов. Н. Хомский по примеру естественных наук предпринял попытку формального описания языка как естественного явления, обратившись к проблемам онтогенеза речи, и ввёл в научный оборот такие понятия, как «универсальная грамматика» и «рекурсивные правила». Главное значение генеративной грамматики заключается в том, что

она, основываясь на экспериментальных данных, предлагает научно обоснованную концепцию усвоения детьми родного языка. Речь идёт о специфической видовой особенности, предполагающей значительный, общий для всех людей, врождённый компонент, на который накладывается внешний стимул, т. е. какой-либо конкретный язык. Хотя данная теория подвергается значительной критике, генеративное направление в лингвистике продолжает развиваться. В отличие от функционалистов, которые делают акцент на использование человеком языкового аппарата, генеративисты занимаются исследованиями самого языкового аппарата. Эти направления не исключают, а дополняют друг друга, рассматривая один и тот же объект с разных сторон.

Процессы порождения и восприятия речи изучает также психолингвистика, которая рассматривает речевую деятельность как способ актуализации языка вкупе с психическими способностями субъекта (т. е. язык рассматривается как феномен психики). Если с начала 1960-х годов это направление лингвистики находилось под сильным влиянием генеративной грамматики Н. Хомского, то со второй половины 1970-х годов психолингвистика обрела независимость, что проявилось при изучении речевой деятельности в качестве одной из форм человеческой деятельности в целом. Моделируя психофизиологические процессы, психолингвистика пытается определить место речевой деятельности в поведении человека. Современная психолингвистика призвана решить ряд прикладных задач, которые ставит перед ней инженерная психология (взаимодействие человека и технических устройств), нейро- и патопсихология, теория обучения иностранным языкам.

Революцией в лингвистике можно назвать когнитивное направление, которое было сформировано под влиянием генеративной лингвистики и, в большей степени, – психолингвистики. В настоящее время это направление, зародившееся в 1970–1980-е годы в США, развивается в русле междисциплинарной когнитивной науки, объединившей в себе теорию познания, когнитивную психологию, нейробиологию, когнитивную лингвистику, математическую логику, философию, теорию искусственного интеллекта, генетику и другие области знания [2]. В целом когнитивная наука занимается исследованием разума и «разумных систем» с целью выявления их возмож-

ностей и последующего использования во благо человека. Когнитивная лингвистика, в свою очередь, рассматривает язык как средство доступа к мыслительным процессам. Её интерес переместился на теоретические конструкты, недоступные прямому наблюдению. Соответственно, её цель состоит в том, чтобы лингвистическими методами исследовать проблемы соотношения языка и сознания, раскрыть роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, установить связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и выявить формы их взаимодействия.

Благодаря получаемым знаниям разрабатываются всё более сложные компьютерные системы, создаются всё более совершенные детекторы лжи, проводятся операции на мозге с целью устранения дефектов воспроизведения и восприятия речи, связанных, в том числе, с генетическими нарушениями. Последнее (речевые механизмы мозга) является объектом изучения нейролингвистики – междисциплинарной области, возникшей на стыке психологии, лингвистики и неврологии и предложившей собственные методы исследования (наблюдение за речевым поведением, стереотаксический метод, дихотическое прослушивание, электростимуляцию, запись биоэлектрической активности мозга и др.). Нейролингвисты проводят исследования мозговых механизмов речевой деятельности совместно с неврологами, биофизиками, биохимиками, психолингвистами, нейропсихологами, нейрофизиологами, нейрохирургами, логопедами.

В рамках когнитивной науки стремительно развивается лингвокультурологическое направление, которое заявило о себе в 90-е годы XX века. Цель лингвокультурологии – целостное изучение взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования [4]. Лингвокультурологи исследуют язык как отражение культурных ценностей, а культуру рассматривают как высший уровень выражения языка. В центре их внимания находятся человек как языковая личность, национальная и языковая картины мира, языковое сознание, культурная семантика языковых знаков, ключевые концепты национальных культур, речевое поведение, речевой этикет, лингвокультурные барьеры. Данное направление лингвистики связано с куль-

турологией, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвострановедением, когнитивной лингвистикой, лингвофилософией и другими областями знания. В рамках лингвокультурологии в настоящее время сформировалось несколько направлений: лингвокультурология отдельной социальной группы/этноса в определённый период; диахроническая лингвокультурология; сравнительная лингвокультурология; сопоставительная лингвокультурология; лингвокультурная лексикография.

На стыке наук возникли и другие направления лингвистики, подробное рассмотрение которых невозможно ввиду ограниченного объёма статьи. В частности, к ним относят социолингвистику, которая исследует проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями и воздействием социальных факторов на язык (Большой толковый словарь по культурологии, 2003); этнолингвистику, под которой понимают направление, изучающее отношения между языком и его носителями, а также взаимодействие языковых и этнических факторов в языковой деятельности (Энциклопедия социологии, 2009).

Многие направления лингвистики обусловлены потребностями общества, что указывает на их прикладной характер. Например, лингвокриминалистика представляет помощь для работников право-

охранительной системы в решении вопросов идентификации личности на основе анализа речевого материала и выявления достоверности информации при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Следует указать, что в настоящий момент наблюдается формирование юрислингвистики как междисциплинарной области, исследующей взаимоотношения языка и права (юридическое регулирование конфликтов, связанных с использованием языка, регулирование социально-языковых внутри- и межгосударственных отношений в федеративном государстве и т. п.). Изучением языковой сферы обитания человека и роли языка при решении проблем окружающей среды занимается эколингвистика. Создание искусственного интеллекта невозможно без объединения кибернетики и лингвистики, поскольку искусственный интеллект представляет кибернетическую модель человеческого мышления, осуществляемого посредством языка.

В заключение следует отметить, что активное развитие новых направлений лингвистических исследований в русле антропоцентризма, в том числе не упомянутых в статье (гендерная лингвистика, политлингвистика и др.), подтверждает тезис о междисциплинарном и полипарадигмальном характере современной лингвистики.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
3. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Смирнова Н. М. Антропоцентризм. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018. Режим доступа: <https://www.gtmarket.ru/concepts/7223> (дата обращения: 25.09.2018).
6. Философия языка в границах и вне границ / Ю. С. Степанов [и др.]. Харьков: Око, 1993. 192 с.
7. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 74–117.

И. Н. Костина,
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Особенности реализации концепта «любовь» в романе Гюнтера Гёрлиха «Неудобная любовь»

Данная статья посвящена рассмотрению реализации концепта «любовь» на примере романа известного немецкого писателя Гюнтера Герлиха «Неудобная любовь». В статье показано, что концепт реализуется на лексическом уровне, а также путем определённого членения текста романа, расстановки логических ударений, знаков препинания.

Ключевые слова: любовь, концепт, немецкая литература

I. Kostina,
Candidat of Cultural Studies, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Special Aspects of “Love” Concept in Gunther Gorlich’s Novel “Unbequeme Liebe”

The article examines the special aspects of realization of “love” concept in the novel of a well-known German writer Gunther Gorlich “Unbequeme Liebe”. The paper indicates that the concept is actualized on lexical level as well as by means of specific text segmentation, logical emphases, and punctuation marks.

Keywords: love, concept, German literature

Концепт «любовь» является неотъемлемой частью человеческой культуры, его роль и значение сложно переоценить. Актуальность рассмотрения данного концепта подтверждается современными исследованиями, согласно которым слово «любовь» является одним из наиболее употребительных не только в русском, но и в большинстве современных языков [5]. Статистические данные поисковой интернет-системы Google показывают, что поисковые запросы, содержащие слово “Liebe” (любовь), входят в число наиболее популярных запросов среди проживающих в Германии пользователей данного сервиса. Среди пользователей на территории России наблюдается такая же статистика – поисковые запросы, содержащие слово «любовь», находятся на пике популярности [4].

Концепт «любовь» отражает представления об общечеловеческих ценностях, убеждениях, принципах, жизненных целях. По своей значимости данный концепт сопоставим с концептами счастья, веры, надежды, свободы и, по нашему мнению, находится с ними в тесной взаимосвязи. Поскольку любовь, а также все поступки, ситуации, слова, знаки, в которых выражается концепт любви, знакомы каждому человеку, независимо от его национальности,

социального статуса, уровня образования, данный концепт относится к универсальным концептам.

В классификации концептов, предложенной С. Г. Воркачёвым, концепт «любовь» определяется как концепт высшего уровня [1]. Типология В. А. Масловой относит концепт «любовь» к эмоциональным концептам, которые переживаются каждой языковой личностью, независимо от культурных различий (базовые эмоции), но варьируются и интенсивность этих эмоций у разных народов и у каждого человека различна, что придаёт ему уникальность [2].

Концепт «любовь», согласно классификации З. Д. Поповой и И. А. Стернина, относится к «устойчивым», то есть вербализованным концептам. Согласно С. Г. Воркачёву, в семантическом составе лексических единиц, вербализующих концепт «любовь», выделяются три уровня признаков: дефиниционные семы, совокупность которых совпадает с дефиниционной частью полного определения и позволяет выделить предмет из класса ему подобных; признаки избыточные, несущие информацию, превышающую необходимый и достаточный минимум сведений для такого выделения, являющиеся энциклопедическими; ряд семантических признаков, зани-

мающих промежуточное положение между дефиниционными и энциклопедическими, представляющих собой переформулировку дефиниционных или логические следствия из них и являющихся имплицативными [3].

Ключевым элементом, представляющим концепт «любовь» в немецком языке, является слово “die Liebe” (любовь). Интернет-портал “Wortschatz Universität Leipzig” (словарь лексики немецкого языка) в качестве синонимов к слову “die Liebe” приводит: Amor (любовь, Амур – бог любви), Anhänglichkeit (привязанность, преданность, приверженность), Eros (бог любви Эрос, чувственная любовь), Freundschaft (дружба), Herzenswärme (сердечное тепло, тепло всего сердца), Herzlichkeit (сердечность, душевность, нежность, искренность), Hingabe (преданность, самоотверженность, готовность (женщины) отдаться (мужчине), Hinneigung (склонность, симпатия), Innigkeit (искренность, задушевность, глубина (чувств), проникновенность), Leidenschaft (страсть, пристрастие, увлечение), Liebesgefühl (чувство любви), Liebesverlangen (любовное желание), Sinnlichkeit (чувственность), Verbundenheit (тесная связь, союз, единение), Verliebtheit (влюблённость), Wohlwollen (благожелательность, расположение, доброжелательность), Zärtlichkeit (нежность, ласка), Zuneigung (склонность, симпатия, расположение). Антонимами к слову “die Liebe” выступают “der Haß” (ненависть) и “heftige Abneigung” (сильная антипатия) [7, с. 18].

Однокоренные слова к слову “die Liebe” представлены следующим рядом: Lieb (возлюбленная, возлюбленный, любимая, любимый), Liebchen (милая, дорогая, возлюбленная), lieben (любить), verlieben (влюбляться), Verliebtheit (влюблённый), liebeln (флиртовать, любезничать, ухаживать), lieblich (миловидный, хороший, ласковый любезный), Liebling (любимец, любимица), Liebschaft (любовная связь, роман), liebenswert (достойный любви), liebenswürdig (любезный), Liebeserklärung (объяснение в любви, любовное признание), Liebhaber (любовник, возлюбленный, любитель), Liebhaberei (страсть, пристрастие), lieblos (бессердечный, жёсткий, чёрствый, равнодушный), Liebreiz (миловидность, привлекательность, прелесть, очарование, обаяние), liebreizend (прелестный, очаровательный, обворожительный) [10, с. 28]. С их помощью концепт «любовь» находит своё выражение в немецком языке.

Семантический анализ ключевого слова “die Liebe”, отражающего концепт «любовь» в немецком языке, даёт возможность выявить его значение, смысл, понять, что подразумевают под ним носители языка.

«Толковый словарь немецкого языка» определяет любовь следующим образом:

– starkes Gefühl der Zuneigung für jmdn., besonders eine Person anderen Geschlechts; für eine Sache, Idee – сильное чувство симпатии к кому-либо (особенно лицу противоположного пола); к какой-либо идее, делу;

– Barmherzigkeit, Mildtätigkeit – милосердие, сострадание, благотворительность; – Gefälligkeit, Freundlichkeit (umgangssprachlich) – дружелюбность (разговорный стиль);

– Person, der jmds. starkes Gefühl der Zuneigung zuteilwird (umgangssprachlich) – человек, который разделяет чьё-либо сильное чувство симпатии (разговорный стиль) (перевод наш) [7].

В статье из словаря Bertelsmann “Wörterbuch” дано следующее толкование слова «любовь»:

– starkes Gefühl der Zuneigung (Eltern-, Kindes-, Mutter-) – сильное чувство привязанности (родительская, детская, материнская любовь);

– geschlechtsgebundene, starke erotische Neigung – сильное эротическое влечение, обусловленное принадлежностью к определённой полу;

– sexuelle Beziehungen – сексуальные отношения;

– bestimmte Beziehung zu einer Sache – определённое отношение к делу (перевод наш) [10].

Анализ данных значений и значений этого слова позволяет сделать вывод о том, что любовь понимается немцами как сильное физическое, психическое, эмоциональное притяжение к конкретному человеку в сочетании со стремлением к близости, преданности, заботе; как эмоциональное отношение к делу, идее и т. п.

Для установления основных черт концепта «любовь» следует также изучить лексическую сочетаемость ключевого слова “die Liebe” (любовь).

В словаре Дудена в качестве наиболее часто встречающихся лексических единиц, сочетающихся со словом “die Liebe”, представлены:

– прилагательные: romantisch (романтический), unglücklich (несчастный), wahr (ис-

тинный, верный, подлинный), verboten (запретный), körperlich (физический), unerfüllt (несбывшийся), enttäuscht (разочарованный), groß (большой);

– глаголы: erzählen (рассказывать), singen (петь), sprechen (говорить), sehnen (тосковать, стремиться), träumen (мечтать), handeln (действовать), begegnen (встречать, находить), heiraten (вступать в брак);

– существительные: Glück (счастье), Lust (желание), Freundschaft (дружба), Ehe (брак), Sex (секс), Leid (страдание, огорчение), Leidenschaft (страсть, увлечение), Sehnsucht (страстное желание, тоска) [8, с. 18].

Любовь для представителей немецкоязычной среды – это, в первую очередь, сильная симпатия к другому человеку. Любовь подразумевает желание быть рядом, быть вместе, знать, что чувства взаимны. В противном случае любовь приобретает негативный характер, причиняет страдания. Существует любовь между мужчиной и женщиной, материнская любовь, родительская любовь и т. п. Кроме того, концепт «любовь» включает в себя положительное отношение к обществу, возможна любовь к родине, любовь к делу и т. п. Тема любви является одной из наиболее обсуждаемых в обществе, поэтому можно сказать, что концепт «любовь» имеет огромное значение для немцев. Он находит отражение в повседневной жизни, в общении людей, а также в искусстве, художественных произведениях. Любовь может выражаться невербально (взгляд, мимика, жесты, поцелуи, близость, забота, опека) и вербально (комплименты, объяснения в любви, признания, любовные письма).

Для рассмотрения особенностей реализации концепта «любовь» обратимся к роману известного немецкого писателя Гюнтера Гёрлиха «Неудобная любовь». Основная идея романа «Неудобная любовь» заключается в изображении повседневной жизни людей, трудностей, с которыми им приходится сталкиваться, успехов, которых они достигают, общественного настроения в целом, влияния государства на жизнь каждого человека. Тема романа – взаимоотношения между людьми (любовь, дружба, измена).

О том, что в романе реализуется концепт «любовь», можно судить по его названию, в котором присутствует слово “Liebe”, являющееся ключевой лексической единицей, передающей понятие «любовь» в немецком языке.

Главные герои произведения – Ингрид Вайдт (Ingrid Weidt) и Томас Вельм (Thomas Wellm). Взаимоотношения между ними образуют основную сюжетную линию романа. Действие романа начинается в закуской, где читателю представляется Томас Вельм. Он сидит в одиночестве и просит официанта принести ему уже пятую рюмку водки: “Eigentlich war alles so, wie man es sich in solchen Situationen vorstellt: Ein halbleeres Lokal, draußen Regen, der Held ertränkt seinen Liebeskummer im Schnaps” («Собственно, всё было так, как многие себе и представляют в таких ситуациях: полупустая закуская, на улице дождь, герой топит свою любовную тоску в водке») (*перевод наш*) [9, с. 3]. Данное предложение свидетельствует о том, что концепт «любовь» может быть связан с отрицательными эмоциями, которые причиняют страдание. Этим объясняется существование таких лексических связей ключевой лексемы “Liebe“, как, например, “unverantwortliche” (безответная), “unerfüllte” (несбывшаяся). Носители культуры имеют свои представления о реализации различных «граней» концепта, в данном случае контекст «полупустая закуская, молодой парень, дождь, водка» символизирует любовную тоску. Отметим также, что слово “Liebeskummer” («любовная тоска») является однокоренным со словом “Liebe”.

Из размышлений героя мы узнаём, что описываемая ситуация действительно связана с любовными переживаниями: «Двое были почти три года вместе, говорят, они любили друг друга, спали друг с другом, им было хорошо и приятно. И сейчас всё позади» (“Zwei waren fast drei Jahren zusammen, man sagt, die haben sich geliebt, haben miteinander geschlafen, es war schön und angenehm. Und nun ist alles vorbei”) (*перевод наш*) [9, с. 4]. Любовь как сексуальные отношения и желание быть вместе находит выражение на лексическом уровне: “Das Herz ist wie eine offene Wunde” («Сердце – словно открытая рана») – яркое сравнение, связывающее любовь и страдание главного героя. Сердце, изображение в форме сердца повсеместно используется для обозначения любви. Рана на сердце – любовные переживания, страдания.

В рассуждениях героя автор отображает тенденцию к изменению отношения общества к любви. Любовь чаще понимается не как духовные переживания, а как нечто, что может поддаваться расчёту, измере-

нию, прогнозированию. Для передачи этой мысли автор использует слово “Sachverhalt” («положение вещей, обстоятельства дела»). На наш взгляд, концепт «любовь» как отношение между мужчиной и женщиной включает в себя и материальную сторону (объект любви, знаки внимания, букеты, подарки), но при этом основывается на духовных переживаниях, эмоциях. Две тенденции понимания любви, по нашему мнению, во все времена существовали и существуют в обществе параллельно.

Очевидно, что отношения главного героя с его девушкой изначально основаны на нескольких принципах: «Любовь не должна принуждать, любовь должна быть свободной от недоверия, ревность пронзительна и оскорбительна» (“Liebe läßt sich nicht erzwingen, Liebe muss frei sein von Mißtrauen, Eifersucht ist spießig und verletzend”) (*перевод наш*) [9, с. 7]. Данные принципы совпадают отчасти с представлениями общества о любви.

Далее автор возвращает нас в прошлое, к моменту знакомства Томаса с его девушкой. Томас – солдат, решивший провести свой отпуск у моря. На пляже он познакомился с группой студентов педагогического института, среди которых была девушка Ингрид. У героев возникает взаимный интерес, они бросают друг на друга изучающие взгляды. В художественном произведении концепт «любовь» может выражаться завуалированно, то есть не с помощью конкретных языковых репрезентаций, но при описании ситуации. Автор создаёт нужный эмоциональный эффект благодаря описанию действий героев, окружающей обстановки.

Деление на абзацы играет важную роль, акцентирует внимание на определённом фрагменте, который является значимым. Например, фрагмент, когда герой узнаёт имя девушки: “Er merkte sich ihren Namen. Ingrid”. («Он услышал её имя. Ингрид») (*перевод наш*) [9, с. 8]. Такой акцент на имени подтверждает, что оно значимо для главного героя.

Спустя неделю после знакомства окружающие замечают, что «отпускник влюбился в Ингрид» (“Der Urlauber hat sich in Ingrid verliebt”) (*перевод наш*) [9, с. 8]. Далее по тексту мы прослеживаем, что реализация концепта «любовь» осуществляется на лексическом уровне, с использованием слов и словосочетаний, вызывающих ассоциации с этим чувством, а также в описании

отдельных моментов (случайных прикосновений, комплиментов, стремления героев быть рядом).

Ингрид и Томас проводят время вместе, но идиллия в отношениях длится недолго. Томас понимает, что у Ингрид другие интересы, учёба, друзья. Он приглашает Ингрид провести вместе выходные. Она отвечает отказом. Так Томас оказывается в закуской.

Отказ Ингрид объясняется тем, что её пригласили на работу в школу, где она знакомится с директором Фредом Хорландером (Fred Horlander). Между ними возникает роман. Концепт «любовь» в очередной раз реализуется в форме отношений между мужчиной и женщиной. Построение сюжета даёт читателю возможность понять, что два этих человека не равнодушны друг к другу: они вместе проводят вечер в ресторане, ищут повод для встреч на работе. Ингрид рада каждой встрече с Фредом (“die Freude, ihn wiederzusehen, machte sie verlegen...” – «Радость увидеть его снова смутила её») (*перевод наш*) [9, с. 31]. Отдыхая вдвоём с Фредом в его загородном доме, Ингрид вспоминает о Томасе, но понимает, что с Фредом ей никогда не будет скучно. Фред просит Ингрид не покидать его: «Не оставь меня одного...» (“Laß mich nicht allein, du...”) (*перевод наш*) [9, с. 39].

Томас часто вспоминает об Ингрид, он помнит каждую мелочь, каждое слово из их разговоров. Томас размышляет о любви: «Любовь, которая принесла разочарование, можно преодолеть, только полюбив вновь» (“Enttäuschte Liebe kann man nur mit einer neuen Liebe überwinden”) (*перевод наш*) [9, с. 41]. Здесь можно провести параллель с русским выражением «лучшее лекарство от любви – новая любовь», что также свидетельствует о единстве понимания любви и всего, что с ней связано, у разных народов.

Во время поездки с Фредом к Чёрному морю Ингрид понимает, что в их отношениях появились трудности. Ингрид – живая, активная молодая девушка, ей нравится веселье, она не любит скуку. Фред, напротив, человек, очень основательно подходящий к любому делу, член партии, для него работа играет важную роль в жизни. Читателю ясно, что работа для Фреда в определённый момент становится важнее отношений с Ингрид. Фред планирует свадьбу на корабле, но не говорит ничего Ингрид, а когда она узнаёт об этом, она отказывается выйти за него замуж во время путешествия.

Из-за конфликта Ингрид с одним из работников школы её поведение считается непристойным, Фред не понимает Ингрид, не принимает её позицию. Они расстаются. Ингрид ждёт ребёнка. Сексуальные отношения, в представления людей также входящие в концепт «любовь», косвенно представлены в романе. Глаголы “küßten” («целоваться»), “umarmen” («обнимать») иллюстрируют физическую близость.

Можно отметить, что в романе присутствует и такой аспект концепта, как любовь к работе, т. е. желание достичь успехов в карьере, однако этот аспект на лексическом уровне практически не раскрывается.

Родительская любовь, любовь ребёнка к матери и отцу раскрывается на примере взаимоотношений фрау Мике (Frau Micke) с её мужем и сыном Робертом (Robert). Отец для сына является безусловным авторитетом, на мнение которого можно сослаться: «Мой отец посмеялся бы» (“Mein Vater würde lachen”) (*перевод наш*) [9, с. 19].

Настоящая дружба, как один из компонентов концепта «любовь», присутствует в романе и выражается в описании взаимоотношений Томаса и его друга Руди Грамбова (Rudi Grambow). Они – армейские дру-

зья, Грамбов принимает активное участие в жизни Томаса, он знает об отношениях с Ингрид, оказывается рядом с Томасом, когда тот переживает расставание с любимой, помогает найти Томасу работу, даёт дружеские советы.

Во время одной из рабочих поездок Томас попадает в больницу, куда к нему приходят действительно любящие его люди – Ингрид и Руди.

При рассмотрении концепта «любовь» подробный анализ сюжетной линии в данном произведении представляется необходимым, поскольку в описываемой жизненной ситуации присутствуют основные компоненты этого понятия. Помимо этого, концепт реализуется путём определённого членения текста романа, расстановки логических ударений, знаков препинания, а также на лексическом уровне. Проанализированные способы воплощения концепта «любовь», среди которых выделяются употребление лексических единиц, вербализующих данный концепт, а также построение сюжетной линии, описание конкретных ситуаций, являются знаковыми для представителей культуры и вызывают ассоциации, входящие в концепт «любовь».

Список литературы

1. Воркачёв С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования. Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189–208.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
4. Красная И. Психология семейных отношений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.igkrasn.narod.ru/page2.htm> (дата обращения: 25.09.2018).
5. Статистика поиска Google [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.google.com/insights/search> (дата обращения: 10.09.2018).
6. Deutscher Wortschatz – Portal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 25.08.2018).
7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dwds.de/?qu> (дата обращения: 11.09.2018).
8. Duden online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Liebe> (дата обращения: 25.09.2018).
9. Görlich G. Unbequeme Liebe. Berlin: Verlag Neues Leben, 1986. 226 s.
10. Wörterbücher bei wissen.de [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wissen.de/wde/generator/wissen/ressorts/bildung/woerterbuecher/index.html> (дата обращения: 30.09.2018).

А. В. Татарникова,

студентка,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
г. Санкт-Петербург, Россия

Л. Р. Татарникова,

кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Анализ коммуникативных ситуаций в фильме «Моя прекрасная леди»

Коммуникация в различных формах занимает важное место в жизнедеятельности человека. Разнообразные коммуникативные ситуации встречаются как в повседневной жизни, так и в культуре. В данной статье на примере художественного фильма «Моя прекрасная леди» рассматриваются такие элементы коммуникативной ситуации, как характеристика коммуникантов, вербальные и невербальные коды, коммуникативный барьер, а также успешность или неуспешность коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: коммуникация, массовая коммуникация, коммуникативная ситуация, коммуникативная удача

A. Tatarnikova,

Student,
Saint-Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design,
Saint-Petersburg, Russia

L. Tatarnikova,

Candidate of Philology,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Analysis of Communicative Situations in the Film “My Fair Lady”

Communication in different forms occupies an important place in human existence. Various communicative situations occur both in everyday life and in culture. In this article, on the example of the feature film “My Fair Lady”, we consider such elements of a communicative situation as the characteristics of communicants, verbal and non-verbal codes, a communicative barrier and the success of a communicative situation.

Keywords: communication, mass communication, communicative situation, communicative success

Коммуникация – неотъемлемая часть жизни людей, она вплетена в ткань современного общества, в его экономику, политику, культуру, повседневную жизнь, охватывает международные, межгрупповые и межличностные отношения. Как отмечает А. П. Моисеева, «Коммуникация – это обмен информацией между взаимодействующими субъектами при помощи системы знаков, слов. Субъектами могут выступать социальные институты, индивиды, социальные группы, общественные движения, социальные сообщества» [2, с. 6].

Особенности социального поведения человека зависят от многих причин и факторов. Совокупность этих факторов называется **коммуникативной ситуацией**. «Пси-

хология воздействия предполагает, что партнёры обладают единой системой кодирования, однако могут возникнуть барьеры общения: социальные, политические, профессиональные, религиозные» [1, с. 30].

Для типичной коммуникативной ситуации характерны следующие элементы: наличие коммуникантов; вербальные и невербальные коды; наличие или отсутствие коммуникативного барьера; коммуникативная удача или неудача.

В данной статье мы рассмотрим данные элементы на примере коммуникативных ситуаций в художественном фильме «Моя прекрасная леди». Художественный фильм – это сообщение, распространяемое по каналам массовой коммуникации, так

же, как и другие жанры массовой культуры (телесериал, роман, газетная статья, популярная песня и т. д.). Следовательно, для такого сообщения характерны признаки, нашедшие отражение в теории массовой коммуникации.

«Моя прекрасная леди» (англ. "My Fair Lady") – музыкальный фильм режиссёра Джорджа Кьюкора, созданный на основе пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» и одноимённого мюзикла Фредерика Лоу в 1964 году. Знаменитый профессор фонетики Генри Хиггинс заключает пари со своим другом, что сможет обучить безграмотную замарашку, уличную цветочницу Элизу правильной речи и светским манерам и выдать её за настоящую леди. Рассмотрим коммуникативные ситуации, которые представляются нам ключевыми: начало и финал истории, рассказанной в мюзикле.

Коммуникативная ситуация 1. Профессор Хиггинс встречается Элизу.

Это межличностная, групповая коммуникативная ситуация. Коммуникантами являются Элиза и Хиггинс, помимо них к разговору присоединяется полковник Пикеринг, а также публика, которая вышла из театра после спектакля и укрывается от дождя перед входом в здание. Также это – циркулярная коммуникация, так как коммуниканты являются источниками и получателями информации.

Профессор фонетики Хиггинс, который изучает произношение различных слоёв населения, может точно определить место рождения любого человека по особенностям его речи. Неправильная, но выразительная речь девушки-цветочницы заинтересовала его, и он стал записывать, что и как она говорит. Элиза, узнав об этом, встревожена, ей кажется, что это полицейский, которых она, выросшая в лондонских трущобах, боится. Таким образом, начало коммуникации между героями основано на неравенстве и непонимании. Профессора Хиггинса Элиза интересует как объект для изучения. Её неправильная речь («деушка», «фиялки», «спасибо», «жентельмен», «покажите», «во даёт!» и др.) [3] вызывает у лингвиста профессиональный интерес. Но при этом он, всю жизнь посвятивший изучению английского языка и зарабатывающий большие деньги, обучая людей правильно произношению, не видит в девушке ни личность, ни женщину, так как она не развита, не образованна, имеет ужасные манеры, плохо одета, ничего не знает о красоте и величии родного языка.

Для Элизы встреча с удивительным профессором похожа на сказку. Она понимает, что, если научится правильно и красиво говорить («как леди»), для неё откроются возможности лучшей работы и жизни. Так, данная коммуникативная ситуация разрешается тем, что в душе Элизы происходит сдвиг, она решает разыскать профессора и уговорить его заниматься с ней.

Несмотря на то, что Элиза и Хиггинс имеют разное происхождение и образование, у них есть общая черта: это открытые, эмоциональные люди, увлечённые своим делом, испытывающие интерес к окружающему миру.

В ситуации задействованы как вербальные, так и невербальные коды. К последним относятся жесты, позы говорящих, которые не стоят на месте во время разговора. Вымогая деньги у Хиггинса, которому вовсе не нужны цветы, Элиза швыряет на землю корзину и пинает её ногой. Хиггинс при этом вежливо снимает шляпу перед девушкой, и демонстративно кидает в корзину монеты. Данные жесты являются ещё и невербальными средствами манипулирования сознанием адресатов с обеих сторон.

В ситуации присутствует коммуникативный барьер, так как герои просто не способны адекватно понять друг друга в силу принадлежности к разным классам общества. Элиза не понимает ничего из того, что Хиггинс говорит о красоте и величии английского языка, она понимает лишь, что, научившись красиво говорить, улучшит своё материальное положение. Наличие барьера осознаёт Хиггинс:

Простая речь у англичанина
сословье выдаёт.

И тот, кто лучше говорит,
его презреньем обдаёт.

Нам не одолеть, как видно,
языка барьер [3].

Коммуникативный барьер говорит и о наличии межкультурных различий: во всех странах мира элита и большинство населения, богатые и бедные часто имеют противоположные взгляды, обычаи, традиции и т. д., что проявляется в процессе коммуникации.

В ситуации использованы эффекты межличностного восприятия: эффект новизны, стереотипизация. Эффект новизны проявился в том, что в душе Элизы произошёл переворот знаний о мире. Эффект стереотипизации ощущается со стороны

Хиггинса, для него Элиза – типичная представительница бедного и необразованного класса, если бы она не пришла к нему за знаниями, он бы и не вспомнил о ней.

На наш взгляд, в этой ситуации присутствует коммуникативная удача Хиггинса и коммуникативная неудача Элизы. Причина коммуникативной удачи профессора в том, что он сумел донести до адресата необходимость просвещения, ценности языка как средства общения и хранилища культурных традиций Англии. Сила убеждения, ораторские приёмы, любовь к своему делу, профессионализм – всё это способствовало коммуникативной удаче.

Причина коммуникативной неудачи Элизы в том, что, собственно, она и не стремилась донести до адресата какое-либо сообщение. Она только пристаёт к прохожим, не очень вежливо предлагая купить цветы, повторяя один и тот же набор фраз. Неудивительно, что цветы покупают плохо, к тому же неопрятный внешний вид цветочницы не способствует торговле.

Таким образом, можно сделать вывод, что для коммуникативной удачи нужно иметь чёткое представление о том, что вы хотите сказать, как вы это говорите, как себя ведёте, как при этом выглядите.

Коммуникативная ситуация 2. Объяснение Хиггинса и Элизы в доме его матери.

Эксперимент профессора Хиггинса удался: Элиза не только научилась красиво и правильно говорить, но превратилась в другого человека, очаровательную, воспитанную, остроумную девушку с прекрасными манерами, имеющую множество поклонников.

Профессор же не желает этого признать, по-прежнему обращаясь с ней, как с невежественной уличной замарашкой, которую он «подобрал», не желает признать, что она для него стала чем-то большим, чем ученица.

В сцене объяснения присутствуют два коммуниканта – Элиза и Хиггинс, поэтому данная коммуникативная ситуация межличностная. Модель коммуникации, как и в первом случае, циркулярная, оба говорящих не только многое сказали друг другу, но и многое узнали друг от друга.

Профессор и бывшая цветочница как бы меняются местами, Элиза предстаёт воплощением изящества и хороших манер, а Хиггинс грубым, невоспитанным, не стесняющимся в выражениях («чёрт знает что»; «дура»; «идиотка»; «пусть меня повесят!»; «пустомеля», и т. д.) [3].

Невербальные средства общения также задействованы в ситуации. Во время разговора Элиза непринуждённо передвигается по оранжерее, изящно опирается на спинку кресла, поливает цветы. Хиггинс или сидит в кресле, или неуклюже бегает по комнате, что выдаёт его смятение и растерянность.

Большое значение имеет цветовое решение сцены. Элиза одета в воздушное бледно-розовое платье, что на фоне белоснежных цветов, зелёных листьев и белой мебели производит впечатление молодости, свежести, лёгкости.

В ситуации, как и в первом случае, использованы такие эффекты межличностного восприятия, как эффект новизны и стереотипизация. Эффект новизны связан не только с тем, что профессор наконец-то понимает, что перед ним новая Элиза. Для самой девушки тоже окончательно становится ясно, что впереди у неё новая жизнь, независимо от отношений с Хиггинсом. У неё теперь есть поддержка друзей, перспективы работы, так что её разговор с Хиггинсом – разговор двух людей, в межличностном общении которых открывается новая страница.

Эффект стереотипизации снова ощущается со стороны Хиггинса, для него Элиза, несмотря на все положительные изменения, осталась той же бедной цветочницей, что и в начале. Также добавляется ещё стереотип отношений «учитель – ученик», по мнению профессора, у учеников не может быть своего мнения, они во всём должны слушать учителей.

В данном случае мы видим безусловную коммуникативную удачу Элизы и неудачу Хиггинса, что связано с их изменившимися ролями, а также с тем, что Элиза осознаёт эти изменения, а профессор – нет. Коммуникативная удача Элизы закрепляется тем, что именно она завершает разговор и выходит из комнаты, а не очень молодой солидный профессор на минуту превращается в маленького растерянного мальчика и громко восклицает: «Мама!».

Коммуникативный барьер также присутствует в ситуации, но он уже носит не социально-культурный, а субъективный характер. Предубеждения Хиггинса насчёт Элизы как личности не самостоятельной, как исключительно его «творения», были столь велики, что только угроза её потери заставила его пересмотреть своё отношение.

Таким образом, проанализировав две коммуникативных ситуации, имеющие ключевое значение и отражающие отношения главных героев – цветочницы Элизы Дулиттл и профессора Хиггинса – в начале фильма и в конце, мы пришли к следующим выводам:

1. Коммуникативное поведение Элизы, как вербальное, так и невербальное, изменилось в лучшую сторону, что связано с её способностью учиться, изменяться не только внешне, но и внутренне, расти духовно.

2. Коммуникативное поведение Хиггинса, как и он сам, остались неизменными, что привело к коммуникативной неудаче и переосмыслению взглядов на Элизу и их отношения. Отметим, что это нашло отражение в заглавиях фильма и пьесы. В пьесе «Пигмалион» заглавие говорит о том, что главным героем является Хиггинс, творец, «сотворивший» Элизу, как мифологический Пигмалон Галатею. В мюзикле и затем в

фильме заглавие смещает акцент на героиню, делает её более важной, что не случайно.

3. В коммуникативной ситуации между представителями разных общественных групп, принадлежащих к разным культурам (даже в рамках одной нации) возникает коммуникативный барьер. Для преодоления этого барьера необходимо обоюдное желание коммуникантов услышать и понять друг друга.

В современном обществе люди часто принимают те социальные нормы поведения, этические требования, эстетические принципы, которые убедительно пропагандируются СМИ как положительный стереотип. Так происходит социализация индивида в соответствии с нормами, желательными для общества в данный исторический период. Большое значение в данном плане имеет кинематограф, особенно классические, проверенные временем ленты, к каковым принадлежит «Моя прекрасная леди».

Список литературы

1. Виноградова С. М., Мельник Г. С. Психология массовой коммуникации. М.: Юрайт, 2014. 512 с.
2. Моисеева А. П. Основы теории коммуникации. Томск, 2004. 128 с.
3. Текст фильма «Моя прекрасная леди» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vvo.ru/tekst-filma/Moya-Prekrasnaya-Ledi_1/2 (дата обращения: 21.09.2018).

УДК 82-3

В. А. Дубровский,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Роль музыкальных цитат в произведении Харуки Мураками «Дэнс, дэнс, дэнс»

В настоящей статье рассматривается проблема значения музыкальных отсылок в романе японского писателя Харуки Мураками «Дэнс, дэнс, дэнс». Дается определение понятий «интертекст» и «интертекстуальность» относительно музыкальных цитат в тексте. Определяется возможное значение названия произведения.

Ключевые слова: Харуки Мураками, музыка, отсылка, интертекст, танец

V. Dubrovsky,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Role of Musical Quotations in the Work of Haruki Murakami “Dance, Dance, Dance”

This article addresses the issue of the significance of musical references in the novel by Japanese writer Haruki Murakami “Dance, dance, dance”. The paper defines the concept of “intertext” and “intertextuality” in relation to musical quotations in the text. A possible interpretation of the title of novel is determined.

Keywords: Haruki Murakami, music, reference, intertext, dance

Для литературы постмодернизма весьма характерно «цитатное мышление». Цитаты или аллюзии в тексте подразумевают наличие у читателя определённой эрудиции. Для наиболее точного восприятия такого современного произведения необходимо знание текстов отечественной и зарубежной литературы, а также понимание исторического процесса и различных проявлений поп-культуры. Можно предположить, что практически вся современная литература и публицистика являются как частью текста мировой классики, так и частью межкультурных коммуникаций.

Основой для постмодернистской литературы и важным элементом создания современного художественного и публицистического текста является интертекст. Термин «интертекст» был предложен французским филологом Ю. Кристевой, и его следует понимать как соотношение одного текста с другим, их диалогическое взаимодействие, обеспечивающее проявление в тексте заложенного автором смысла [3, с. 427]. Теоретик литературы И. П. Смирнов даёт следующее определение явлению интертекстуальности: «Интертекстуальность – это слагаемое широкого родового понятия, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается или в творчестве того же автора, или в смежном искусстве, или в предшествующей литературе» [6, с. 12]. Элементами интертекста являются цитаты, аллюзии, реминисценции.

Интересным примером проявления особой «музыкальной» интертекстуальности являются произведения японского писателя Харуки Мураками (1949 г.р.). Книги писателя переведены на 50 языков и являются бестселлерами во всём мире. Наиболее известными произведениями Мураками являются: «Охота на овец» (1982), «Норвежский лес» (1987), «Дэнс, дэнс, дэнс» (1988), «Кафка на пляже» (2002).

Произведения Харуки Мураками буквально пронизаны ссылками на творчество различных музыкальных групп и исполнителей. Чем бы герои его романов или рассказов ни занимались, обычно в тексте присутствуют названия музыкальных произведений или имена исполнителей. Тема музыки для Харуки Мураками не случайна, так как, по его словам, музыка всегда занимала в его жизни значительное место, подтверждает это и одна из самых больших в

мире коллекций джазовой музыки, принадлежащая писателю и состоящая примерно из 40 тысяч пластинок.

В данной статье рассматривается проблема значения многочисленных ссылок на музыкальный материал в творчестве Харуки Мураками. Российский переводчик-востоковед Дмитрий Коваленин, переведивший произведения Мураками на русский язык, именуется одним из писательских приёмов Мураками как «музыкализация текстового потока» [1, с. 368]. Данный приём характеризуется частыми отсылками писателя на музыкальные группы, имена исполнителей, названия композиций, и в большинстве случаев это западные исполнители (The Beach Boys, The Rolling Stones, Bob Dylan, Ray Charles и др.). Музыкальные цитаты в текстах произведений Харуки Мураками являются художественным приёмом, направляющим внимание читателя на внутренний мир героя, а также на его взаимоотношения с окружающей действительностью.

Рассмотрим значение музыкальных цитат в творчестве Харуки Мураками на примере его шестого романа «Дэнс, дэнс, дэнс». Данный роман является продолжением романа «Охота на овец» последней части «Трилогии Крысы». Первое, что привлекает внимание к роману – это его название: «Dance, dance, dance» (с англ. – «Танцуй, танцуй, танцуй»).

Искусствовед Э. А. Королева интерпретирует значение танца в жизни человека следующим образом: «Танец есть способ познания объективно складывающейся в обществе системы ценностей, как способ духовной информации о социально организовавшихся их связях с миром, об общественной ценности природы и бытия самого человека» [2, с. 75]. Хайнц фон Фёрстер – основатель эпистемологического конструктивизма, объясняя, в какой связи с окружающим миром состоит человек, предлагает интересную метафору: «Человек не только живёт и познаёт мир, созидает и творит его, но он как бы находится в танце с миром, где оба являются партнёрами, причём оба являются ведущими. То человек ведом, его ведёт мир, то он ведёт мир, а мир подстраивается под его па» [4, с. 53]. Также известно, что в первобытные времена танец являлся неотъемлемой частью культуры человека, которая носила синкретический характер.

Таким образом, «танец» в заглавии произведения символизирует не что иное, как «жизнь» главного героя. «Жизнь» следует

понимать не как безусловное существование, жизнедеятельность, а как отношения героя и окружающей действительности, т. е. поиск себя через диалог с социумом, или, в широком смысле, диалог со вселенной, поиск гармонии. Рассказчик вступает в этот диалог, после полугодового застоя: «*Жутким духом отсутствия всякой жизни пропитало мою квартиру. Полгода провёл я здесь, скрываясь от мира*» [5, с. 20]. Именно на сопоставлении «жизни» и «небытия» строится повествование романа.

Музыкальные цитаты в данном произведении следует понимать как частные элементы «жизни». Музыка звучит тогда, когда рассказчик живёт, и в эти моменты происходит диалог с действительностью, он поддерживает связь с окружающим миром: «*И всё-таки – в токийских кофейнях я такого ужасного одиночества не испытываю. В токийских кофейнях я просто пью кофе, читаю книги – в общем, убиваю время, не напрягаясь. Ведь там это – часть моей повседневности, о которой я предпочитаю не задумываться слишком глубоко*» [5, с. 39]. Сюжет романа можно разделить на две стороны (повседневность и мистика). Повседневность занимает большую часть произведения: рассказчик существует в повседневной реальности, он путешествует на машине, готовит, ест, спит и т. д., в эти моменты преимущественно звучит музыка: «*Я почти ни о чём не думал. Поджаривался на солнце, купался, пил пиво и разъезжал по острову на машине под Брюса Спрингстина и “Роллинг Стоунз”*» [5, с. 357]. Следует отметить, что определённая музыка звучит и в моменты, когда главный герой находится вместе с второстепенными персонажами (Юки – девочка-подросток, случайный

попутчик, а впоследствии и друг главного героя, Готанда – одноклассник главного героя, кинозвезда). Музыка в контексте общения персонажей является важным средством коммуникации.

«Тёмная» мистическая сторона романа отличается отсутствием музыкального наполнения: «*День за днём я жил так – наверное, целых полгода... Да, так и есть: с января по июнь семьдесят девятого. Книг не читал. Не раскрыл ни одной газеты. Не слушал музыку. Не включал ни радио, ни телевизор*» [5, с. 21]. Уходя в себя, рассказчик изолируется от избыточной информации, поступающей извне. Музыка замолкает в моменты проявления мистической составляющей повествования: «*И тут я наконец осознал: вокруг меня – крошечная тьма. Ни лучика света. Двери лифта всё так же беззвучно затворились у меня за спиной – и эта тьма стала чёрной, как битумный лак. Музыка тоже исчезла...*» [5, с. 102].

Таким образом, роль музыкальных цитат в произведении Харуки Мураками «Дэнс, дэнс, дэнс» довольно обширна. Музыка сопровождает главного героя сквозь общий сюжетный поток, и как бы разукрашивает повторяющиеся ситуации, придаёт им особое настроение, которое делает схожие события в сюжете довольно разнообразными, за счёт различных эмоциональных оттенков. Кроме того, музыка держит читателя в определённом ритме, в котором происходит действие романа, не позволяя переходить к лирическим отступлениям. Так или иначе, выбор стиля, образов и ассоциаций, связанных с музыкальными цитатами, определяет сам читатель, как, впрочем, и в других подобных ситуациях в прочтении литературных произведений.

Список литературы

1. Коваленин Д. В. Лучший способ потратить деньги, или Что делать в период острой джазовой недостаточности // Охота на овец / Х. Мураками. СПб.: Амфора, 2003. С. 367–369.
2. Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишинев: Штиинца, 1977. 215 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М., 2000. 543 с.
4. Князева Е. Н. Автопоззис мысли // Вестник ТГПУ. 2008. № 1. С. 53.
5. Мураками Х. Дэнс, дэнс, дэнс. СПб.: Амфора, 2002. 571 с.
6. Смирнов И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. СПб., 1995. 205 с.

И. А. Дармаева,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Способы создания юмористического образа в произведении Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки»

При создании образа в тексте используются различные художественные и лингвистические средства. В статье рассматриваются способы создания юмористического образа (на примере произведения «Трое в лодке, не считая собаки»).

Ключевые слова: дискурс-анализ, пресуппозиция, антитеза

I. Darmaeva,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Ways of Creating Humorous Character Image in Jerome K. Jerome's novel "Three Men in a Boat"

Different artistic and linguistic tools are used to create character's image in text. The article deals with the ways to create humor character's image in Jerome's novel "Three men in a boat".

Keywords: discourse analysis, presupposition, antithesis

Целью данной статьи является определение способов создания юмористического образа в повести Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Джером Клапка Джером – английский писатель-юморист, автор знаменитой книги «Трое в лодке, не считая собаки», а также её продолжения «Трое на четырёх колесах», которые не только сделали автора известным во всём мире, но и по сей день служат «энциклопедией» английского юмора.

Сюжет повести – это путевые записи главного героя о лодочной поездке по реке Темзе его с двумя друзьями и собакой. Роман построен сюжетно как пересказ Дджея – главного героя, в образе которого угадывается намёк на самого Джерома. Известно, что в оригинальном тексте имя обозначено первой буквой от имени автора (J от Jerome). Два действительно существовавших друга – Джордж Уингрейв и Карл Хентшель – послужили прообразами героев в романе, тогда как пёс Монморанси является персонажем вымышленным.

Интерес для учёного представляют языковые средства, которыми пользовался автор для создания юмористического эффекта [2, с. 32–34]. Речевой портрет комичного персонажа фокстерьера Монморанси создан Джеромом К. Джеромом настолько «живым» и обаятельным, что требует своего рассмотрения в аспекте дискурс-анализа.

Автор романа строит образ собачки Монморанси на основе особого английского юмора, которым отличаются все произведения Джерома К. Джерома. Английский юмор отличается неуловимым характером, тонкостью создания и восприятия, состоит из недомолвок, аллюзий и намёков. Это качество служит базой для исследования англоязычного текста в рамках дискурс-анализа.

В этом аспекте определённую ценность представляет определение с помощью дискурс-анализа как тех лингвистических элементов, которые были избраны автором для создания юмористического эффекта, так и тех, посредством которых читателю удастся осмыслить текст, включая и средства создания юмористического. Например, к ним можно отнести пресуппозицию.

Пресуппозиция как дискурсивный элемент представляет собой один из смысловых компонентов текста, вербализованный «общий фонд знаний отправителя и получателя текста» [3, с. 11]. Однако при этом следует учитывать авторские стратегии по созданию юмористического образа. Важно ответить на вопрос о том, какие стратегии, подразумевающие при этом набор смысловых признаков героя или персонажа, были избраны автором.

Известно, что «характер содержания текста зависит от смысловых установок текстопорождающего субъекта, которые

ещё называют интенциями, замыслом, коммуникативными намерениями (от фр. *intention* < лат. *intendere* – «затевать», «замышлять»)» [3, с. 10]. В данной статье эти коммуникативные намерения автора можно назвать стратегией авторского дискурса. Эти смысловые установки или стратегии передаются в тексте разными средствами: лексическими, синтаксическими, фонологическими, графическими.

В тексте «Трое в лодке, не считая собаки» специальному исследованию подверглись те смысловые установки или стратегии автора, которые переданы лексическими средствами: “*And in the midst of the riot that sweet young lady returned, and snatched up that sweet little dog... into her arms, and kissed him, and asked him if he was killed, and what those great nasty brutes of dogs had been doing to him ...*” [5, с. 156]. («... и неизвестно, когда бы это кончилось, если бы в самый разгар не вышла из магазина молоденькая хозяйка фокстерьера. Она схватила его на руки, начала целовать и спрашивала, не загрызли ли его и что сделали с ним эти ужасные большие псы») [1, с. 117]. Смысл данного абзаца по замыслу автора приводит читателя к одному из базовых концептов английской лингвокультуры – концепту «питомец»/“pet”.

Как пишет известный английский антрополог Кейт Фокс: «Для англичан содержание домашних питомцев – это не вид досуга, а образ жизни» [4]. Автор рисует словесный портрет фокстерьера Монморанси как образ типичного английского домашнего любимца. По мнению владельца любого домашнего животного, этот любимец, несомненно, обладает всеми свойствами и чертами характера самого хозяина, олицетворяя таким образом «дух семьи». Джером, описывая сцену драки маленького фокстерьера с другими собаками, которых он представляет как “*great nasty brutes of dogs*”, создаёт тем самым у читателя образ хозяина собачки. Автор «присваивает» фокстерьеру такие черты, как отвага, храбрость и изобретательность: “*... without a word of warning, without the shadow of a provocation, he bit him that poodle’snearfore-leg... the little dogs fought among themselves, and filled up their spare time by biting the legs of the big dogs*” [5, с. 155–156]/(«И вдруг терьерчик, без малейшего предупреждения, сильно укусил пуделя за переднюю лапу... а маленькие собачонки (дрались) с маленькими, употребляя свободные минутки на то, чтобы кусать за ноги больших») [1, с. 116–117].

Типично английскими чертами характера традиционно считаются храбрость, смелость и отвага, которыми должен обладать каждый британский воин – *Warrior*: “*Montmorency gave a cry of joy – the cry of a stern warrior who sees his enemy given over to his hands – the sort of cry Cromwell might have uttered when the Scots came down the hill and flew after his prey*” [5, с. 156]. («Монморанси издал восторженный клик – клик грозного бойца, который видит, что неприятель в его власти; клик, похожий на тот, который вырвался у Кромвеля, когда шотландцы привели к нему Карла I») [1, с. 118].

Автор намеренно сравнивает фокстерьера Монморанси с такой личностью эпохи протектората, как Оливер Кромвель, проводя параллель между отвагой пса и личностными качествами человека. Кромвель известен не только как лидер Английской революции, но и как политик, жестоко подавивший восстания в Ирландии и Шотландии, разбивший в битве при Данбаре в 1650 году шотландскую армию, вдвое превышавшую силы англичан. Джером сопоставляет реального героя эпохи Протектората, отличавшегося храбростью и смелостью на грани безумия, и маленькую собачку, бросившуюся в неравный бой, почти как легендарный Кромвель на шотландцев.

Полагаем, что автор использовал такой литературоведческий приём, как антитеза, или противопоставление. Эта фигура речи реализована автором в преднамеренно антонимичном сопоставлении образов терьера Монморанси и лорда-протектора Оливера Кромвеля.

Значимую роль играет определение в тексте дискурсивного элемента – пресуппозиции, благодаря которой автор и читатель достоверно понимают содержание таких чисто лингвокультурных понятий, как “pet”/«домашний питомец» и “Cromwell”/«Кромвель». Очевидно, что пресуппозиция как один из дискурсивных элементов важна при изучении текста с точки зрения определения авторского дискурса. Добавим, что автором был использован референциальный вид языковой пресуппозиции. Сравнения и сопоставления, приводимые автором, при отсутствии комментариев, будут информационно неполными для читателя, недостаточно знакомого с историей Великобритании.

Итак, можно констатировать, что автор для создания юмористического эффекта

в своём произведении выбрал такие события, как литературоведческий приём антитезы, что проявилось в сопоставлении

логически несопоставимых понятий или образов, и лингвистический приём пресуппозиции.

Список литературы

1. Джером К. Джером. Трое в лодке, не считая собаки: пер. с англ. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
2. Жамсаранова Р. Г., Дармаева И. А. Филологическое образование и современный мир: материалы XIII Молодёжной науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. А. Э. Михина. Чита: ЗабГУ, 2017. 171 с.
3. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н. Ф. Алефиренко, М. А. Голованева, А. Г. Озерова, И. И. Чумак-Жунь. М.: Флинта: Наука, 2012. 232 с.
4. Фокс К. Англия и англичане. О чём молчат путеводители [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/angliya-i-anglichane-o-chem-molchat-putevoditeli-read-376296-1.html> (дата обращения: 23.09.2018).
5. Jerome Klapka Jerome. Three Men in a Boat (To say nothing of the Dog): на англ. яз. М.: Юпитер-Интер, 2005. 240 с.

УДК 82-1/9

М. Е. Панина,

магистрант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Элементы легенд и обрядов как характерные черты магического реализма «Шоколада»

Статья посвящена изучению такой характерной черты магического реализма, как элементы легенд и обрядов. В ней рассматриваются данные черты магического реализма на примере романа «Шоколад» английской писательницы Джоанн Харрис.

Ключевые слова: магический реализм, элементы легенд и обрядов, характерная черта

M. Panina,

Graduate Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

Elements of Legends and Rituals as Characteristic Features of Magical Realism in “Chocolate”

The article is devoted to the study of such a characteristic feature of magical realism as elements of legends and rituals. This article examines this feature of magical realism by the example of the novel by the English writer Joanne Harris “Chocolate”.

Keywords: magic realism, elements of legends and rituals, a characteristic feature

В настоящее время магический реализм получил широкую известность благодаря литературным произведениям латиноамериканских авторов, но интерес к магическому реализму постепенно возрос и среди современных писателей других стран. По мнению В. И. Божковой, «магический реализм – это отражение межкультурного взаимодействия и конфликта, что обуславливает актуальность данной темы в связи с глобализацией в современном мире» [1, с. 326].

В современной литературе Великобритании магический реализм нашёл своё отражение в романе Джоанн Харрис «Шоколад» (2000), который стал её визитной карточкой. Роман «Шоколад» получил мировую известность благодаря одноимённому фильму (2000) шведского режиссера Лассе Халльстрема. Следует отметить, что магический реализм представляет из себя «скрытую от наивного взгляда сторону действительности, которую писатель “реалистически” изображает в своём произведе-

нии» [2, с. 488]. Следовательно, в данной статье мы проанализируем роман британской писательницы «Шоколад» при помощи таких характерных черт магического реализма, как элементы легенд и обрядов.

С шоколадом связано множество сказок и легенд. «Мать знала множество легенд и преданий про Иисуса, про Остара, про Али-Бабу» [3, с. 129]. Интересным представляется в романе смешение легенд и преданий о библейском персонаже – Иисусе, и одновременно упоминание об Остаре, древнегерманской языческой богине весны и пробуждения природы. Также следует отметить, что в цепочку разнородных божеств (Иисуса и Остары) включён сказочный персонаж из восточной арабской сказки – Али-Баба, знаменитый на весь мир.

В романе главная героиня, Вианн Роше, рассказывает легенду о том, как почитательно древние люди относились к какао-бобам, из которых готовили шоколадные сладости. «Напиток из них потягивали на ступеньках жертвенных храмов; какао-бобы повергали в неистовое наслаждение» [3, с. 71]. Эта легенда помогает нам понять, насколько сильно древние люди поклонялись шоколаду и объясняет, почему шоколад в романе играет ключевую роль. Шоколад наделён целебными магическими свойствами, которыми обладают какао-бобы, и помогает сделать жизнь людей счастливой.

Ещё одной отсылкой на легенду в романе является рассказ Вианн Роше о своих магических путешествиях. «Я путешествую как ацтеки в своих священных ритуалах» [3, с. 70]. Джоанн Харрис специально сделала отсылку на легенды о путешествиях ацтеков, поскольку ацтеки являются мексиканскими путешественниками-магами. Взаимосвязь путешествия Вианн Роше и ацтеков в очередной раз доказывает, что роман – яркое отражение магического реализма, который берёт свои истоки из латиноамериканской литературы.

Кроме легенд роман наделен описанием разнообразных обрядов предков Вианн Роше. Например, обряд очищения комнаты от злых духов. «Металлической ложкой о старую кастрюлю, и так на протяжении десяти минут мы обходим каждую комнату» [3, с. 14]. Ритуал представляется странным, но Вианн и её дочке Анук он необходим для обретения душевного спокойствия. Также в романе присутствует древний обряд подношения домашним духам. «У порога хлеб

с солью, чтобы умиловать обитавших здесь богов» [3, с. 15]. Для того чтобы жить на новом месте было комфортно и счастливо, необходимо было принести дар домашним богам. В каждом доме живут боги, и если кто-то переезжает на новое место, то необходимо сделать подношения богам, тогда жизнь каждого жителя дома будет счастливой.

Другим обрядом в романе выступает ритуал защиты дома от разъярённого мужа подруги Вианн – Жозефины Мускат. «Прочь отсюда, злой дух. Прочь. Как ни странно, я сразу почувствовала себя в безопасности» [3, с. 231]. Подобный способ защиты, которым и пользовались предки Вианн, в результате, помогает защитить дом и избежать негативных последствий в отношении героинь романа.

Следующим ритуалом в произведении является круг защиты от злых сил. «Очерчиваю круг – стакан воды, тарелка с солью, горящая свеча на полу. И мне сразу становится спокойней на душе» [3, с. 199]. Для защиты хрупкой женщины и её семьи в романе использованы магические обряды, характерные для предков главной героини. Обряды защиты в романе помогают успокоиться героиням романа и отогнать от себя злые силы. Кроме ритуалов в романе удалось выделить приметку, характерную для всех народов мира – чёрный кот (ознаменование беды). «Дорогу мне перебегают чёрный кот» [3, с. 102]. После напева французской песенки чёрный кот успокаивается и зло, которое он должен был принести, уходит от Вианн и её дочери, поскольку песенка наделена защитными заклинаниями и магией предков.

К обрядам, описанным в романе «Шоколад», мы отнесли гадание на шоколаде. После принятия шоколадного напитка или после дегустации какого-либо вида шоколадного лакомства к Вианн Роше приходят видения, в этом и заключается смысл всего древнего гадания на шоколаде. «Гадать на шоколаде трудно. Видения расплываются, клубятся в туманящих мозг парах» [3, с. 71]. Гадания в романе встречаются не только на шоколаде, но и на картах. Гадания на картах с древности помогают людям узнать их судьбу. Вианн гадает на картах, потому что, как и её мать, старается спасти свою жизнь от страшного «Чёрного человека» – духа, который хочет испортить жизнь Вианн с дочкой, прогнать их в другое место; сделать все, чтобы они вели кочевой образ жизни и

не смогли спокойно жить на одном месте. Гадание на картах для главной героини является для неё спасением своей жизни и жизни дочери. «Гадание – это всего лишь способ открыть для себя то, что нам уже известно. То, чего мы боимся» [3, с. 98].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к элементам легенд, обрядов в романе Джоанн Харрис мы отнесли легенды про какао-бобы, различных религиоз-

ных, языческих и сказочных персонажей, обряд очищения комнаты от злых духов, ритуал защиты дома от разъярённого мужа, круг защиты от злых сил, гадание на картах и шоколаде. Элементы легенд и обрядов, как характерные черты магического реализма, привносят в роман магию, раскрывают смысл древних легенд, отражают культуру героев и делают роман уникальным и интересным для широкого круга читателей.

Список литературы

1. Божкова В. И. Национальные культуры в межкультурной коммуникации. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2017. 358 с.
2. Гугнин А. А. Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: ИС РАН, 500 с.
3. Харрис Д. Шоколад. М.: Эксмо, 2017. 384 с.

УДК 82-3

М. А. Степанова,
магистрант,

Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Проблема гендерной идентификации в романе Урсулы Ле Гуин «Левая рука тьмы»

В статье рассматривается не теряющая своей актуальности проблема гендерной идентификации человека в обществе на примере произведения в жанре научной фантастики, романа американской писательницы Урсулы Ле Гуин «Левая рука тьмы».

Ключевые слова: гендерная идентификация, научная фантастика, проблема гендера, маскулинность, феминность, Урсула Ле Гуин

M. Stepanova,

Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Problem of Gender Identity in Ursula Le Guin's Novel "The Left Hand of Darkness"

This research looks at the problem of gender identity of a person inside a society. We offer to contemplate the problem through the genre of science fiction, specifically through Ursula Le Guin's novel "The Left Hand of Darkness".

Keywords: gender identity; science fiction; gender issue; masculinity; femininity; Ursula Le Guin

Проблема гендерной идентификации в настоящее время является актуальной в совершенно разных сферах деятельности людей. Стремление к фактическому равноправию уже не является радикальной идеей, более того, тенденции развития современного общества часто показывают нам необходимость реального равноправия людей, которое не зависело бы от биологических особенностей человека.

Гендер, описанный как социальный конструкт, является частью теории социального конструционизма [11, с. 892]. Социальный конструционизм постулирует идею, согласно которой всё, что люди «знают» как «реальность», является полностью или частично социально сконструированным элементом [Там же, с. 893]. С позиций социального конструционизма гендерная проблематика выходит за рамки категорий

и рассматривается как пересечение множественных идентичностей и размывание границ между традиционными категориями [11, с. 895] Это особенно верно в отношении категорий «мужчины» и «женщины», которые рассматриваются как бинарные и противоположные. Социальный конструкционизм стремится размыть бинарность и запутать эти две категории, которые так часто считаются необходимыми [6].

Гендерная идентичность – это базовая структура социальной идентичности, которая определяет индивида с точки зрения его принадлежности к женской или мужской половой группе. Формируется эта структура в ходе социализации и в результате приобретения «мужских» и «женских» черт и особенностей. При этом часто значимым является то, как человек характеризует себя сам [9].

Анализ литературного произведения даёт нам возможность оценить разнообразные социальные проблемы, в том числе и проблему гендерной идентичности, поскольку, согласно социологическому подходу к рассмотрению текста, литература, являясь результатом деятельности человека в обществе, отражает взгляды и проблемы людей внутри него [10, с. 136].

Вполне закономерно, что в работе Ле Гуин поднимается вопрос гендера, поскольку творчество её зачастую относят к феминистскому фэнтези [2, с. 116]. Сама Ле Гуин говорит об этом: «Мой первый текст феминистической направленности был “Левая рука тьмы”, работу над которым я начала в 1967 году. Это был один из первых экспериментов над перестройкой гендера. Все спрашивали меня: “Что значит быть мужчиной? Что значит быть женщиной?”. А это сложные вопросы, так, в “Левой руке тьмы” я избавилась от гендера полностью, чтобы посмотреть, что останется. А жанр фантастики – это великолепная возможность поиграть в такие игры» [8, с. 99].

Рассматривая в целом жанр научной фантастики в контексте гендерного аспекта, стоит отметить, что если он и не является всецело мужским, то, как правило, представляет собой маскулинный тип литературы [4, с. 117]. Как пишет Е. С. Огородникова, объясняется это тем, что персонажи таких произведений, как правило, мужчины. Более того, женские персонажи чаще являются второстепенными, не влияют на события, не являются главными действующими лицами [Там же, с. 116].

В исследовании М. С. Галиной [1, с. 184–192] приведены такие примеры произведений, где гендерная бинарность подвергается сомнению, а женские персонажи представлены в нестандартном свете: А. Азимов, «Сами боги» (1972), К. Саймак, «Мираж» (1950), работы Р. Хайнлайна и И. Ефремова.

В романе У. Ле Гуин «Левая рука тьмы» описывается будущее, в котором люди освоили космическое пространство и межпланетные путешествия. Поскольку Земля оказывается не единственной обитаемой планетой, люди вселенной начинают взаимодействовать и общаться на благо друг друга. Главный герой книги – Дженли Ай, человек с Земли, прибывший на планету Гетен, чтобы предложить её обитателям присоединиться к межгалактическому союзу людей. Однако обитатели данной планеты несколько отличаются от привычной человеку концепции. На планете Гетен, или, как её ещё называют, Зима, построено общество людей, которые являются транссексуалами или гермафродитами. Большую часть своей жизни обитатели этой планеты проводят в состоянии «андрогинности» или отсутствия всякого пола. Лишь в периоды сексуальной активности каждый человек может принять мужскую или женскую роль для воспроизведения потомства, однако какова будет эта роль, неизвестно, и каждый человек в течение жизни может стать как матерью, так и отцом или и тем, и другим [3].

Как пишет Мона Фэйяд [7] в своем исследовании, Дженли Ай представляется нам научным наблюдателем, с помощью которого мы можем проследить социальную и культурную конструкцию гендера [Там же, с. 62]. Поскольку Ай является мужчиной, он далёк от позиции «нейтрального наблюдателя», а потому на протяжении всего романа пытается применить категории маскулинности и феминности к бесполом обитателям Зимы. Однако здесь кроется позиция Ле Гуин касательно этого вопроса. Раз за разом автор показывает нам, что бинарная система гендерного конструкта не применима к бесполом существам, а потому их «андрогинность» не является балансом между маскулинностью и феминностью, наоборот, она является разрушением стереотипных женских и мужских противоположностей.

Кроме того, Ле Гуин описывает бесполое общество как общество, в котором отсутствует доминирование. Люди в нём

могут быть кем угодно и ценятся за свои достижения, без предубеждения относительно пола. Более того, история планеты не наполнена войнами и конфликтами, поскольку Ле Гуин считает агрессию маскулинной чертой, а обитателям Зимы не свойственны исключительно «мужские» или «женские» качества [3].

К концу произведения становится ясно, что персонаж Дженли, критический наблюдатель бесполого общества, осознаёт очевидность преимуществ такой системы и недостатки бинарности гендерного деления. Таким образом, прослеживается позиция самого автора.

Как и многие авторы жанра научной фантастики, Урсула Ле Гуин предлагает взглянуть на привычные нам вещи под иным углом. Описывая возможное будущее, автор проводит связи с имеющимся у нас настоящим и его недостатками. Роман «Левая рука тьмы» предлагает пересмотреть отношение к вопросу гендерной идентичности. Как показывает анализ романа, автор раскрывает возможные плюсы изменения сложившейся системы и фактические минусы ее наличия. Таким образом, Ле Гуин критикует бинарную систему гендерной идентичности и даёт возможность читателю пересмотреть свои взгляды на эту проблему.

Список литературы

1. Галина М. С. Гендер в зеркале фантастики // *Общественные науки и современность*. 1998. № 1. С. 184–192.
2. Кочеткова А. А. Литература фэнтези. Проблема классификации // *Вестник Московского государственного университета печати*. 2012. Вып. 6. С. 114–117.
3. Ле Гуин У. Хайнский цикл. Кн. 2. Левая рука тьмы. М.: Азбука-Аттикус, 2016.
4. Огородникова Е.С. Гендерная специфика научно-фантастических художественных текстов // *Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: межвуз. сб. науч. тр.* 2005. Вып. 8. С. 115–118.
5. Павлухина О. В. Литература фэнтези в контексте современной культуры: предпосылки, особенности жанра, читательская аудитория // *Вестник Волжского университета*. 2013. С. 10.
6. The Social Construction of Gender [Электронный ресурс] // Boundless. Creative Commons. n.d. Web. 2014. 30 March. Режим доступа: <https://www.boundless.com/sociology/understanding-gender-stratification-and-inequality/gender-and-socialization/the-social-construction-of-gender> (дата обращения: 14.09.2018).
7. Fayad M. Aliens, androgynes, and anthropology: Le Guin's critique of representation in *The Left Hand of Darkness* // *Mosaic: a Journal for the interdisciplinary Study of Literature*. 1997. P. 59–73.
8. Freedman C. H. *Conversations with Ursula K. Le Guin*. Univ. Press of Mississippi, 2008. P. 227.
9. Ghosh Sh. Gender Identity [Электронный ресурс] // *Medscape*. 2015. Режим доступа: <http://www.emedicine.medscape.com/article/917990-overview> (дата обращения: 14.09.2018).
10. Harrington A. Art and Social Theory: Sociological Arguments in Aesthetics // *Utopian Studies*. 2005. Vol. 16, No. 1. P. 248.
11. Leeds-Hurwitz W. Social construction of reality // *Encyclopedia of communication theory*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc., 2009. P. 892-895.
12. Schnelbach L. Imaginative Anthropology: In Celebration of Ursula K. Le Guin [Электронный ресурс] // *Tor.com*. 2013. 21 Oct. Macmillan. 2014. Web. 2014. 20 Feb. Режим доступа: <http://www.tor.com/blogs/2013/10/on-this-day-ursula-k-le-guin> (дата обращения: 20.09.2018).

УДК 82-3

Т. Г. Васильева,

магистрант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Столкновение человека и искусственного интеллекта в рассказе Генри Каттнера «Робот-зазнайка»

Статья посвящена проблеме искусственного интеллекта в литературе. Автор статьи рассматривает столкновение человеческого и искусственного интеллекта в юмористическом рассказе.

Ключевые слова: *робот, искусственный интеллект, искусственный человек*

The Clash of Man and Artificial Intelligence in Henry Kuttner's Story "The Proud Robot"

The article is devoted to the problem of artificial intelligence in literature. The author considers the collision of human and artificial intelligence in a humorous story.

Keywords: robot, artificial intelligence, artificial man

Данная статья посвящена проблеме искусственного человека в мировой литературе и культуре. Следует отметить, что появление искусственного человека в настоящее время представляется более осуществимым в реальности, нежели в недавнем прошлом. Это обуславливает актуальность выбранной темы. Кроме того, актуальность также заключается в широком отклике, который получила проблема в многочисленных литературных и кинематографических произведениях.

Изначально находясь в рамках проблем научно-технического прогресса, вопрос искусственного человека и искусственного интеллекта закономерно переходит в плоскость философских, социальных, этических, нравственных проблем. Создание мыслящего, зачастую человекоподобного существа в настоящий момент рассматривается не с позиции потребительства, предполагающей эксплуатацию этого создания подобно любому техническому устройству, а в русле гуманистической парадигмы, в соответствии с которой возникают закономерные вопросы об этичности такой эксплуатации, правах, возможных чувствах искусственного создания. В современной культуре образ искусственного человека часто вводится с целью раскрытия человеческой сущности, определения границ между человеческим и нечеловеческим, проверки базовых человеческих ценностей.

Идея о том, что человек может создать себе подобное либо по внешности, либо по образу мышления и действия существо, зародилась раньше, чем наука об искусственном интеллекте. Широко известны такие легенды, как создание средневековыми алхимиками искусственного человека – гомункула, предания о големе – человекоподобном существе из глины, различные истории об оживших куклах, статуях или механизмах. Однако понятие робота или искусственного интеллекта появляется значительно позже.

Понятие «робот» появилось в 1920 году. Его ввёл Карел Чапек в своей книге «Россумские универсальные роботы» где впервые назвал роботами человекоподобные механизмы, занимающиеся тяжёлым трудом [1]. С тех пор значение трансформировалось. Появились уточняющие определения, такие как андроид, киборг. В разных источниках их изображали по-разному: как работающий механизм, как заводную игрушку, сходную с человеком, как абсолютную внешнюю копию человека. В реальности же первые роботы выглядели как аппараты. Однако писатели и деятели культуры в своём воображении представляли такое будущее, где возможно появление человекоподобного робота (А. Азимов, А. и Б. Стругацкие, Ф. Дик, С. Лем, Р. Желязны, Л. Бреккет, Е. Велтистов и др.). Именно тогда появились проблемы не только научно-технической направленности, но и морально-этических категорий, философии. Возникли вопросы о том, может ли человек эксплуатировать себе подобное существо, зачастую мыслящее и чувствующее, распорядиться его жизнью. С другой стороны, философы задаются вопросами о том, в чём заключается отличие человека от машины, где проходят границы человеческого и нечеловеческого, что делает человека человеком. Следовательно, понятие «искусственный человек» со временем усложнилось.

Обратимся к термину «искусственный интеллект», который представляется более однозначным. Искусственным интеллектом (ИИ, англ. Artificial intelligence, AI) в исследовательской литературе принято называть технологию изобретения особых механизмов – так называемых «интеллектуальных машин» или особых видов компьютерных программ – интеллектуальных программ [2]. Впервые термин «искусственный интеллект» был использован учёными США в 1956 году. В связи с активным развитием искусственного интеллекта (создание

программы для игры в шахматы, создание языка программирования ИПЛ1, первые нейросети, проект создания нейрокомпьютера) в литературе и культуре, в основном в кинематографе также появляется образ некоего искусственного разума, изначально не обладающего никакими человеческими качествами, априори обладающего превосходящими человека мыслительными способностями и потенциально опасного для человечества (Д. Бишоф, Д. Симмонс, Р. Хайнлайн, А. Кларк, Д. Адамс и др.). Следует отметить, что в произведениях культуры и литературы понятия «искусственный человек» и «искусственный интеллект» не всегда совпадают.

Однако в целом следует указать, что постановка и разрешение того комплекса проблем, который связан со всеми названными понятиями, в произведениях разных авторов характеризуются заметными отличиями, что обусловлено мировоззрением каждого конкретного писателя.

В данной статье проблема искусственного интеллекта рассматривается на материале рассказа Генри Каттнера «Робот-зазнайка» (серия «Гэллегер», 1943 г.). В рассказе находит своё отражение проблема искусственного человека и искусственного интеллекта, которые воплощаются в образе робота Джо. В тексте читатель видит образ робота, намеренно сделанного автором не похожим на человека:

«Его корпус был сделан из прозрачного материала, внутри быстро-быстро крутились какие-то колесики» [4].

Внешне робот мало похож на человека, однако описание его характера отражает самые худшие черты человека. Личность показана неглубокой, так как в ней присутствуют только отрицательные черты. Робот показан высокомерным, самовлюблённым, с презрением относящимся к людям:

«– Я вижу вас насквозь, – холодно заметил робот. – Понимаю, вы подавлены моей красотой и обаянием моего голоса – такой потрясающий тембр! Вы притворяетесь, будто я вам не нужен, надеюсь заполучить меня по дешёвке. Не стоит, я ведь сказал, что не заинтересован» [4].

По сюжету его создал человек по имени Гэллегер, который сам себя называл нечаянным гением. Предполагалось, что робот будет слушаться своего создателя. Однако робот по имени Джо не только отказывается подчиняться, но и указывает учёному как себя вести, а также оскорбляет изобретателя:

«– Не разговаривайте так громко, – предупредил он. – Диссонанс просто оглушает. К тому же вы урод, и я не желаю вас видеть» [4].

«– Пусть приходят и любуются мною, если им так хочется, но в моём присутствии пусть разговаривают шёпотом» [4].

Независимость робота подчёркивает и тот факт, что создатель не помнит предназначение собственного творения, так как в процессе его создания был пьян.

«– Робот. Но, знаете, он никуда не годится. Я сделал его спяну, понятия не имею, отчего и зачем. Стоит тут перед зеркалом и любит сам собой. И поёт. Завывает, как пес над покойником. Сейчас услышите» [4].

«– Как бы вам понравилось, если бы вы, проснувшись, обнаружили, что по неизвестной причине создали робота и при этом понятия не имеете о его назначении?» [4].

Искусственный интеллект в образе робота изначально кажется превосходящим человеческий. Робот Джо манипулирует людьми. Под гипнозом внушает представителям крупной компании, что они видят Гэллегера, а не Джо, и заключает с ними ненужный и невыгодный учёному контракт.

«– Я притворился тобой.

– Вот теперь ясно, – сказал Гэллегер со свирепым сарказмом в голосе. – Это все объясняет. Мы же близнецы. Похожи как две капли воды.

– Я их загипнотизировал, – разъярил Джо. – Внушил им, что я – это ты» [4].

Роботу предложили «сто тысяч единовременно и две тысячи в неделю, контракт на пять лет». Но он соглашается на менее выгодные условия: «Я сказал, что хватит двенадцати тысяч, и они были очень довольны» [4].

Таким образом, робот Джо – это уже не потенциальный помощник, а настоящий враг, который вредит создателю намеренно.

«Дело было не в принципе, а в деньгах. Теперь Гэллегер связан по рукам и ногам, он как стреноженная лошадь. Если “Сонатой” обратится в суд с иском и выиграет дело, Гэллегер будет обязан отработать свои пять лет. Без дополнительного вознаграждения. Надо как-то выпутаться из этого контракта...» [4].

Джо отказывается помогать учёному решить эту проблему и тому приходится действовать хитростью, к которой робот был не готов. Гэллегер, играя на самовлю-

блённости робота, хитростью вынуждает того загипнотизировать самого себя. У Джо это получилось, благодаря чему учёный выяснил его предназначение, которое оказалось очень прозаичным.

«– Припомни. Вернись к тому часу, когда я начал тебя создавать. Что тогда происходило?»

– Ты пил пиво, – тихо заговорил Джо. – Плохо работал консервный нож. Ты сказал, что сам смастеришь консервный нож, побольше и получше. Это я и есть.

Гэллегер чуть не свалился с тахты.
– Что?

Робот подошёл к нему, взял банку с пивом и вскрыл с неимоверной ловкостью. Пиво не пролилось. Джо был идеальным консервным ножом» [4].

Таким образом Гэллегер доказывает, что человеческий интеллект превосходит искусственный за счёт изворотливости ума, хитрости, гибкости, которой робот не обладает.

Благодаря своей хитрости человек получает контроль над машиной, управляет искусственным интеллектом.

«– Открой вон ту банку! – приказал он.

Чуть помедлив, робот подчинился.

– Ага. Вы, значит, догадались. В таком случае я попал в рабство».

Робот замечает, что он «потерял свободу воли», поскольку «запрограммирован на повиновение»: «До сих пор я был запрограммирован на выполнение единственной команды – на открывание банок с пивом. Пока мне никто не приказывал открывать банки, я был свободен. А теперь я должен повиноваться вам во всём» [4].

После этого робот, подчиняясь Гэллегеру, решает его проблемы, в том числе и те, которые создал сам.

В этом рассказе искусственный интеллект показан с юмористической точки зрения. Однако в нём присутствуют ограниченные черты человеческой личности и он в итоге не превосходит своего создателя, оставаясь всего лишь полезным механизмом.

Список литературы

1. Интересные исторические факты о роботах [Электронный ресурс] // Портал искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://www.neuronus.com/stat/1062> (дата обращения: 15.09.2018).
2. Искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа: <https://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1423> (дата обращения: 23.09.2018).
3. Искусственный человек в образах литературы и кино [Электронный ресурс] // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. Режим доступа: http://www.medanthro.ru/?page_id=1076 (дата обращения: 23.08.2018).
4. Каттнер Генри. Робот-зазнайка: сборник [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Режим доступа: <https://www.RoyalLib.comhttps://royallib.com/book> (дата обращения: 21.09.2018).

СЕКЦИЯ
«Инновации в языковом образовании»

УДК 372.881.161.1

О. В. Трофимова,
кандидат педагогических наук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

**Обучение учащихся алгоритму работы
над пунктуационным анализом на ЕГЭ по русскому языку**

Теория этапов деятельности является одной из ведущих в современной лингводидактике. В статье предлагается методика обучения учащихся алгоритму работы по решению одного из новых заданий ЕГЭ по русскому языку – пунктуационного анализа предложений.

Ключевые слова: пунктуационный анализ, деятельность, этапы деятельности, ЕГЭ, алгоритм

O. Trofimova,
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

**Teaching Students the Punctuation Analysis Algorithm
in the Unified State Examination in Russian**

The theory of stages of activity is one of the leading in modern linguodidactics. The article proposes a method of teaching the algorithm of work on solving one of the new tasks of the Unified State Exam in the Russian language – punctuation analysis of sentences.

Keywords: punctuation analysis, activity, stages of activity, Unified State Exam, algorithm

В демонстрационном варианте ЕГЭ по русскому языку 2019 года [2] и методических письмах к нему представлены новые изменения в количестве, формате и структуре заданий, диапазоне проверяемых орфографических и пунктуационных умений, требованиях к написанию сочинения и критериях его оценивания. Одним из введённых в структуру теста в этом году является задание № 21, посвящённое пунктуационному анализу текста. В «Кодификаторе элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для прове-

дения единого государственного экзамена по русскому языку» [5] данному заданию присвоен номер элемента 7.19 (7. Пунктуация). В соответствии со «Спецификацией контрольных измерительных материалов для проведения единого государственного экзамена по русскому языку в 2019 году» [7] данное задание относится к базовому уровню сложности и призвано проверить следующие умения:

во-первых, проводить различные виды анализа языковых единиц, языковых явлений и фактов (код требования 1.1. в «Кодификаторе...»).

во-вторых, применять в практике письма орфографические и пунктуационные нормы современного русского литературного языка (код требования 3.3. в «Кодификаторе...»).

Обратимся к формулировке и содержанию самого задания. Так, в демонстрационном варианте предлагается следующий текст:

З а д а н и е 21. Найдите предложения, в которых тире ставится в соответствии с одним и тем же правилом пунктуации. Запишите номера этих предложений.

(1) *Чегемское ущелье – одна из настоящих жемчужин Кабардино-Балкарии.* (2) *Оно тянется с северо-востока на северо-запад, пронзая Скалистый, Лесистый, Боковой и Пастбищный хребты.* (3) *В месте, где ущелье проходит сквозь Скалистый хребет, находится теснина – наиболее узкая его часть длиной 5 км.* (4) *Дно ущелья местами сужается до 15–20 м, зажатое по бокам отвесными стенами, которые возвышаются на 100–200 м и нависают над тропой и несущимся рядом Чегемом.* (5) *Река промыла здесь известняковый хребет, поэтому стены теснины окрашены в красивые оттенки: от белого и кремового до оранжевого.* (6) *За Скалистым хребтом сохранились древние башни, а в самом конце ущелья возвышается, пожалуй, самая живописная гора Главного Кавказского хребта – Тихтенген (4611 м), западнее которой находится перевал Твибер (3780 м).* (7) *Здесь путешествие обычных туристов заканчивается: дорогу перегораживает мощный ледник – передвижение по нему очень опасно.*

Как видно из задания, учащемуся для успешного его решения необходимо выполнить ряд последовательных действий.

Во-первых, прочитать, понять и осознать задание, которое необходимо выполнить.

Во-вторых, подумать, что необходимо актуализировать и вспомнить для успешного выполнения задания (*например, что такое тире, в каких случаях оно ставится*).

В-третьих, прочитать предлагаемый текст, обратив внимание на все имеющиеся в нём случаи постановки тире (*1, 3, 6, 7-е предложения*).

В-четвёртых, определить правила постановки тире в каждом из этих случаев. В 1-м предложении тире стоит между подлежащим и сказуемым, выраженными именами существительными (*ущелье – одна*

из жемчужин). В 3-м предложении тире выделяет распространённое приложение (*теснина – наиболее узкая его часть длиной 5 км*). В 6-м предложении тире также отделяет приложение (*хребта – Тихтенген (4611 м)*), только оно нераспространённое. Наконец, в 7-м предложении тире стоит между частями сложного бессоюзного предложения (*Здесь путешествие обычных туристов заканчивается: дорогу перегораживает мощный ледник – передвижение по нему очень опасно*), указывая на следствие из того, о чём говорится в первой части. В таком случае между частями бессоюзного сложного предложения можно поставить слова *поэтому, тогда*.

В-пятых, определить, какие из правил употребления тире совпадают, и выписать номера соответствующих предложений (*в данном случае это предложения 3-е, 6-е, в которых с помощью тире отделяется приложение*).

В-шестых, записать полученный ответ по правилам оформления бланка (*без пробелов и запятых: 36 или 63*).

Как видим из описанных выше действий, такая работа на решение подобных задач по сопоставлению аналогичных в применении пунктуационного знака предложений специально на уроках русского языка не проводится и не планируется учителем, потому что крайне редко в учебниках встречаются тексты, в которых есть ряд предложений с одинаковой причиной постановки знаков препинания. Как правило, пунктуационный анализ или его элементы вводятся при решении правописных задач, при работе с перфорированными текстами, где надо не только вставить пропущенные буквы и знаки препинания, но и объяснить их выбор. Считаем, что для обобщения и актуализации имеющихся у учащихся знаний по пунктуации и для успешного решения задания № 21 в ЕГЭ по русскому языку этого недостаточно. Думается, что целесообразно внести в работу на уроке и дома специальные задания с обучением поэтапной работе по алгоритму решения задач на пунктуационный анализ текста по типу задания № 21 в ЕГЭ по русскому языку. Для этого необходимо, во-первых, дополнять уже имеющиеся в учебнике упражнения специальными заданиями-прототипами № 21, во-вторых, разрабатывать специальные задания по прототипу № 21 или пользоваться готовыми из сборников по подготовке к ЕГЭ и с сайтов соответствующей тематики.

В основу работы с данными задачами положена теория деятельности и этапов деятельности, согласно которой любая деятельность, в том числе и учебная, состоит из следующих этапов: 1) ориентировки и планирования; 2) реализации; 3) контроля и коррекции результатов (И. И. Зимняя [3], В. И. Капинос [4], А. Н. Леонтьев [6] и др.).

Отметим, что деятельностный подход к обучению предполагает не только наличие у учащегося мотива, желания узнать, научиться, но и понимание, зачем это нужно, т. е. умение, способность видеть конкретную учебную цель. Кроме того, выполнение учащимися определённых действий по ходу решения задачи помогает приобретать недостающие знания (например, вспоминать, повторять или изучать правила пунктуации по использованию знаков препинания в конкретном случае) и выявлять и/или осваивать тот способ действия, который позволит осознанно применять приобретённые знания.

Покажем, как это реализуется в деятельности учителя на примере уроков русского языка в 10-х классах многопрофильного лицея ЗабГУ. Рабочая программа на параллели 10-х классов обеспечена учебно-методическим комплексом по русскому языку И. В. Гусаровой [1].

В упражнении № 51 [1, с. 70–71] дано следующее задание: *спишите текст, раскрывая скобки, вставляя пропущенные буквы. Объясните орфограммы на месте пропусков.* Отметим, что в тексте для работы все знаки препинания проставлены. Среди них есть ряд знаков препинания, используемых по одному правилу. Так, в 3-м предложении: *Лорд Сандвич был страстный игрок в карты: засев за карточный стол, он уже был не в силах оторваться от карточной игры, что бы ни случилось* и в 8-м предложении: *И вот в таком безвыходном, отчаянном положении благородный лорд сделал необыкновенное мозговое усилие, которое привело к замечательному открытию: между двумя тонкими ломтиками белого хлеба можно положить очень разнообразные вещи...* – двоеточие используется для разделения частей бессоюзного сложного предложения. В 5-м предложении: *Подавать настоящие блюда – значило загромоздить стол тарелками...* и в 6-м предложении: *Идти в столовую – значит, прервать игру* – тире используется между подлежащим и сказуемым, выраженными инфинитивами. Данное

упражнение можно использовать при подготовке к пунктуационному анализу в соответствии с заданием № 21 ЕГЭ. Приведём ряд формулировок заданий, которые разработали специально для дополнительной работы на уроке и дома.

– Прочитайте текст, найдите все тире и двоеточия, которые есть в тексте. Подумайте, по какому правилу они поставлены.

– Выделите основы в предложениях с тире и двоеточием. Подумайте, на основании чего стоят эти знаки препинания в каждом случае.

– Вспомните пунктуационное правило, согласно которому стоят данные знаки препинания, сформулируйте его и приготовьтесь рассказать в классе, аргументируя текстом.

– Посмотрите на текст, подумайте, как могла бы выглядеть инструкция к прототипу задания № 21 ЕГЭ. Сформулируйте её.

– Проанализируйте текст и найдите запятые, которые используются по одному пунктуационному правилу. Выполните графический разбор предложений, где есть такие запятые, чтобы доказать свою правоту. Назовите эти правила.

Поэтапная работа по решению таких пунктуационных задач ведётся с использованием следующих промежуточных вопросов и заданий.

Этап ориентировки и планирования действия: подумайте, какие знания вам необходимы для решения задачи, вспомните нужные правила, подумайте, как сделать данное задание более успешно. Что для этого необходимо?

Этап реализации: прочитайте задание и текст задачи. Подчеркните те знаки препинания, которые вам необходимо найти. Выделите основы в предложениях, где есть нужные вам знаки препинания. Подумайте, по какому пунктуационному правилу расставлены данные знаки препинания.

Этап контроля и корректировки: пересмотрите текст ещё раз, обратите внимание на найденные вами предложения с нужными знаками препинания. Ничего не пропустили? Правильно ли поработали с текстом графически? Запишите верный ответ.

Отметим, что в учебнике И. В. Гусаровой план пунктуационного анализа текста не предусмотрен. Поэтому при решении прототипа задания № 21 ЕГЭ по русскому языку учащиеся работают по плану, который был разработан совместно с учителем на одном из уроков русского языка.

Примерный план пунктуационного разбора предложения

1. Пронумеруйте каждый знак пунктуации.

2. Объясните завершающие знаки.

3. Выделите основы предложения, найдите элементы, осложняющие предложение (вводные слова, вставные конструкции, причастные и деепричастные обороты, сравнительные обороты).

4. Найдите отделяющие и выделяющие знаки препинания.

5. Объясните условия постановки каждого знака препинания, приводите пунктуационное правило в доказательство своего мнения.

6. При необходимости составьте графическую схему.

Таким образом, считаем, что обучение учащихся алгоритму работы над пунктуационным анализом на ЕГЭ по русскому языку с учётом этапов деятельности, использования промежуточных вопросов и заданий для формирования необходимых способов действия, плана пунктуационного анализа предложений позволит решить вопрос об успешной подготовке учащихся не только к решению задания № 21 в ЕГЭ, но и всех пунктуационных заданий, так как направлено на формирование универсальных способов действия при анализе пунктограммы. Перспективами данной работы может стать разработка творческих заданий на составление задач, поиск заложенных ошибок и т. п.

Список литературы

1. Гусарова И. В. Русский язык и литература. Русский язык: 10 класс: базовый и углублённый уровни: учебник для общеобразов. организаций. 4-е изд. М.: Вентана-Граф, 2019. 448 с.

2. Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена по русскому языку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fipi.ru/egе-i-gve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 16.09.2018).

3. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2001. 432 с.

4. Капинос В. И. Работа по развитию речи учащихся в свете теории речевой деятельности // Русский язык в школе. 1978. № 4. С. 58–66.

5. Кодификатор элементов содержания и требований к уровню подготовки выпускников образовательных организаций для проведения единого государственного экзамена по русскому языку [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fipi.ru/egе-i-gve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 20.08.2018).

6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд., стер. М.: Смысл: Академия, 2005. 352 с.

7. Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения единого государственного экзамена по русскому языку в 2019 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fipi.ru/egе-i-gve-11/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 16.09.2018).

УДК 008:37

А. Э. Михина,

*кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Фактор поликультурного образования и актуальность преподавания английского языка в эпоху глобализирующегося мира

В статье затрагиваются вопросы актуальности поиска эффективных методик воспитания и обучения в условиях глобализации при сохранении собственной идентичности. Одной из возможных решений выступает использование фактора поликультурности в образовании. Автор подчёркивает, что поликультурность и методики сохранения культурного своеобразия являются ответом на вызовы глобализации. При этом языковое образование является главным фактором для обеспечения взаимопонимания представителей разных языков и культур, для воспитания поликультурности, для осуществления межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: поликультурное образование, глобализация, английский язык, глобальный английский, эффективные методики обучения и воспитания

The Factor of Polycultural Education and the Relevance of English Language Teaching in the Era of the Globalizing World

The article deals with the search for effective methods of education and teaching in the context of globalization while maintaining one's own identity. Possible solution here is the use of the factor of polyculture in education. The author emphasizes that polyculture and methods of cultural identity maintenance are the responses to the challenges of globalization. At the same time, language education is the main factor for mutual understanding of the representatives of different languages and cultures, for the polycultural education and intercultural communication.

Keywords: *polycultural education, globalization, English language, Global English, effective methods of teaching and education*

Глобализация как одна из доминирующих общемировых тенденций выступает ключевым фактором при осмыслении изменений, происходящих во многих сферах нашей жизни. Настоящий период глобализации характеризуется уникальностью потому, что он сопровождается возникновением ранее несуществующих электронных и компьютерных технологий, которые с ускорением способствуют распространению многих процессов, достигающих отдалённые территории и части планеты. Это ведёт к более тесному взаимодействию стран, народов и, соответственно, культур. Развивающиеся контакты способствуют совместной деятельности, проектам, заимствованию и передаче опыта в экономике, науке, образовании, технологиях, туризме, то есть глобализация охватывает различные сферы и аспекты жизнедеятельности человека и накладывает отпечаток на общество в целом.

Для анализа последствий глобализации, учёта отрицательных и использования положительных её тенденций необходимо наблюдать проявление данного феномена в самых различных сферах человеческой деятельности: в межнациональном общении, в образовании, культуре и т. д.

Процесс глобализации является движущей силой в объединении стран и народов для поиска эффективных методик воспитания, образования, в построении общего образовательного пространства. Однако вопрос сохранения при этом собственной идентичности и своеобразия, вопрос сохранения самобытности культур при построении многополярного, поликультурного мира стоит также достаточно остро. «Именно в диалектическом взаимодействии глобализационных процессов и регионализации социокультурной жизни в конце XX века про-

явилась стратегия развития образования, связанная с поиском новых образовательных ориентиров, учитывающих многообразие культурно-образовательных систем современной России...» [1].

В данной связи возникает вопрос о той мере, в какой построение общего образовательного пространства, вхождение глобальных ценностей на территорию России не окажет пагубного влияния на отечественную социокультурную картину, то есть «...в какой мере единство может реализовываться в качестве поликультурного. В ответ на вызовы глобализации и омассовления культуры окрепла убеждённости в том, что именно поликультурность, сохранение культурного своеобразия каждой из общностей людей позволит человечеству стать единым не на основе насилия» [2]. Важно не допустить ситуацию превалирования одной нации над другой, одной культуры над другой.

Однако языковое образование, преподавание предмета «Иностранный язык» имеет свою специфику. Содержание обучения при изучении иностранного языка в школе и вузе предполагает глубокое знакомство с культурой, географией, историей «чужой» страны – страны изучаемого языка. Особое место в учебном плане вузов по направлению подготовки «Педагогическое образование», профиль «Иностранные языки» занимает дисциплина «Страноведение и лингвострановедение», на освоение которой отводится 216 часов, а также курс «Теория и практика межкультурной коммуникации» (144 часа), в рамках изучения которых приветствуется глубокое погружение в другую культуру для лучшего понимания языковых реалий в текстах и успешного осуществления межкультурного общения.

То есть для данного профиля подготовки вопрос доминирования в изучении одной культуры над другой не стоит.

На фоне глобализации в многонациональных странах проводится поиск и разработка эффективных образовательных методик для различных этнических групп: ставятся вопросы обучения на родном языке, отражения интересов национальных культур в содержании образования, возрождения традиций народной педагогики. Наряду с развитием собственной культуры отдельного народа, основные задачи образовательной системы видятся в необходимости научить подрастающее поколение понимать и ценить своеобразие других культур, воспитывать подрастающее поколение в русле уважения других национальностей, искоренять порой существующие негативные представления о других народностях.

Первоначальная идея глобализации как универсализации жизни, которая происходит благодаря распространению технических новинок, западной моды, сходству способов проведения досуга, организации деловой жизни и ведения бизнеса, тенденциям урбанистики, консьюмеризма, как характеристики системы потребления единых товаров и брендов, и прочее, может привести к преобладанию ценностей глобального мира и нивелированию региональных, специфических категорий. Однако можно заметить и тенденцию в том, что часто на фоне стремления к заимствованию ценностей глобального мира происходит усиление тяги к обособлению, возрождению самобытности, культивированию региональных характеристик как в сфере культуры, так и относительно языка, тенденций обучения и воспитания. В условиях глобализации при завоевании мира транснациональными корпорациями, при экспансии мировых брендов и способов жизнедеятельности может оказаться полезным *принцип рациональности* для соблюдения баланса в содержании образования и недопущения перекосов в сторону доминирования одной культуры над другой.

Данный принцип перекликается с принципом отбора информации, определения действительно необходимых к усвоению в бесконечном пространстве накопившейся информации и культурного материала. В глобализирующемся мире условия и реальность требуют всесторонней образованности и эрудированности, однако захлестнувшая школьников информационная лавина

в некоторых случаях привела к понижению качества знаний и возникновению психологических приёмов избегания усвоения большого количества материала, в том числе к появлению такого феномена как «клиповое сознание». То есть вопросы отбора материала, определения значимых для данной ситуации методических принципов приобретают особую важность в условиях глобализации образования и культуры.

В. П. Большаков указывает на необходимость выделения набора ценностей, которые могут составить основу поликультурного образования в условиях глобализирующегося мира и позволят личности не быть поглощённой общемировыми тенденциями, не раствориться в них, суметь контролировать степень экспансии инкультурного – это ценности универсального порядка, имеющие общечеловеческое содержание. Среди таких ценностей исследователь выделяет ценность человеческой личности, так как с точки зрения культуры именно она приоритетна по отношению к ценностям общества, государства, конфессии и прочее [3].

В свете обеспечения взаимопонимания представителей разных языков и культур, для воспитания поликультурности, для осуществления межкультурной коммуникации на первый план выступает языковое образование. Многими учёными исследуется проблема ориентации языкового образования как процесса формирования у учащихся способности к межкультурной коммуникации, понимаемой как «адекватное взаимодействие носителей разных языков и культур, отличающихся в той или иной мере несовпадением национальных стереотипов мышления и коммуникативного поведения» [3]. Для формирования у учащихся способности к межкультурной коммуникации необходимо соблюдение *методических принципов*, среди которых на первый план выступают следующие: принцип функциональности, ситуативности, диалога культур, речеповеденческих стратегий, познания и учёта культурных универсалий, культурно-связанного соизучения иностранного и родного языков, принципы этнографичности, управляемости, эмпатии.

С развитием современных технологий и мобильности общества социальное взаимодействие усилилось, приобрело характер очевидной глобальности. Мировые процессы и межнациональные проекты (например, в сфере культуры, образова-

ния) невозможны без использования языка мирового общения, которым явился и продолжает оставаться английский язык. Но так как глобализация – явление двустороннее, то, кроме распространения английского языка и англо-американской культуры, с одной стороны, предполагается и взаимное влияние на английский язык принимающих языков и культур. Таким образом, из английского языка, который существует в сознании образованных людей в привычном представлении, стал формироваться ещё и глобальный английский – *Global English*, то есть английский язык, который функционирует отдельно от носителей языка и исконных территорий его применения, употребляется в иных лингвистических и культурных условиях и контекстах, таким образом обрастая новыми особенностями, трансформируясь и приобретая специфические черты других языков и культур. *Global English* представляет собой богатый эмпирический материал, достойный наблюдения, описания и анализа функционирования на различных территориях.

В России иностранный язык является обязательным предметом школьной и вузовской учебной программы. В скором времени иностранный язык станет обязательным при сдаче Единого государственного экзамена для получения аттестата о среднем школьном образовании. Таким образом, российским школьникам в некотором смысле приходится изучать иностранный язык, и чаще всего их родители желают, чтобы этим языком был английский. Статистика по количеству участников экзамена по выбору по предмету «Английский язык» (АЯ) в Забайкальском крае (Российская Федерация) свидетельствует о повышении числа желающих сдавать экзамен по АЯ за последние 4 года. Сдали экзамен (то есть преодолели минимальный порог) 97,8 % от сдававших, что в свою очередь, демонстрирует незначительный прирост числа справившихся с экзаменом по сравнению с 2017, 2016, 2015 и 2014 годами. Устойчивая положительная динамика в процентном соотношении по количеству сдавших экзамен свидетельствует как о повышении уровня знаний и подготовки по предмету, так и о способности успешно продемонстрировать знания и умения на экзамене. Другими положительными тенденциями явились стабильность показателя среднего балла по предмету и уменьшение количества не справившихся

с экзаменом, то есть получившим неудовлетворительные баллы (ниже пороговых значений по предмету) [4].

Программа обучения в вузе строится на преподавании английского для бытовых, учебных, разговорных целей и английского для специальных целей, то есть определяется лексика и тематика применения языка в профессиональной и научной сфере. Преподавание английского языка позволяет формировать лингвистическую компетенцию, развивать кругозор, применять его для чтения иностранных источников информации с научной целью, при обучении по программам магистратуры и аспирантуры.

В России посещение курсов иностранного языка (в подавляющем большинстве английского) не только популярный способ свободного времяпрепровождения, но и модный тренд. Многие школьники и студенты желают посетить англоговорящие страны с целью обучения на языковых курсах и знакомства с местными обычаями и традициями. Знание английского языка в России ассоциируется с благосостоянием, процветанием бизнеса и получением престижной работы.

Россия интегрирована в процессы глобальной международной коммуникации. Культурные связи, интеграция, интернациональные мировые процессы невозможны без использования языка мирового общения, которым по многим причинам стал английский язык. В России английский язык имеет свою специфику употребления – он не является вторым языком общения населения или языком, на который с лёгкостью переходят при общении с иностранцами, как в большинстве европейских стран, но он является усвоенным языком для общения молодёжи, имеющей специализированное образование, используется молодыми людьми в определённых кругах и ситуациях (молодёжные форумы, слёты, летние лагеря, научные конференции и фестивали науки). Однако, на не разговорном уровне, на уровне дублирования информации в виде отдельных слов или минитекстов он встречается повсеместно: на дорожных указателях, баннерах, в меню, в магазинах, клубах, в виде надписей на одежде, на автомобилях, в интерьере, рекламе, в СМИ, во время проведения международных мероприятий и т. д., что подтверждает международный статус английского и присутствие *Global English* в России в той или иной мере [5].

Более того, в России английский язык популярен не только среди молодёжи. С повышением мобильности населения развиваются не только личные контакты между людьми разных стран, но и контакты в профессиональной сфере, на политическом, экономическом, культурном уровнях. В связи с этим знание английского языка – преимущество для тех, кто использует международные контакты в личной и профессиональной деятельности. Чтение литературных произведений или научных статей в оригинале в электронных библиотеках с предоставлением полных текстов в сети Интернет, изучение инструкций или описаний использования современных гаджетов, общение с друзьями или коллегами-иностранцами по скайпу или электронной почте, участие в научных международных форумах и конференциях – вот неполный

перечень ситуаций, в которых английский язык может быть актуален для российской действительности, и которые стали возможны при глобальном распространении научно-технического прогресса.

Таким образом, развитие ранее недоступных электронных и других технологий и возможностей глобализирующегося мира способствует увеличению социального взаимодействия, и, как следствие, повышению интереса к изучению английского языка и распространению такого феномена как *Global English*, что приобрело характер очевидной глобальности. При этом языковое образование является главным фактором для обеспечения взаимопонимания представителей разных языков и культур, для воспитания поликультурности, для осуществления межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Икоева И. Т. Сущность и специфика поликультурного образовательного процесса // Наука и современность. 2011. Вып. 9–1. С. 204.
2. Большаков В. П. Глобализация, поликультурность и универсальные ценности культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/002_Sekcia_2/006_V.P.Bolshakov.pdf (дата обращения: 26.09.2018).
3. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. М.: АКАДЕМА, 2005. 336 с.
4. Михина А. Э. Методический анализ и аналитический отчёт о результатах Единого государственного экзамена по английскому языку в 2018 году в Забайкальском крае // Информационно-аналитический сборник Министерства образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края. Чита, 2018.
5. Воронченко Т. В., Михина А. Э. Global English как фактор гибридности литературного текста // Фундаментальные исследования. 2013. Вып. № 11–2. С. 356–361.
6. Замалетдинова З. И. Формирование межэтнической толерантности младших школьников в поликультурной образовательной среде: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Казань, 2015. 296 с.

УДК 372.881.1

М. И. Варакина,
кандидат философских наук, доцент,
Самарский филиал Московского городского
педагогического университета,
г. Самара, Россия

Е. С. Трофимова,
старший преподаватель,
Новокузнецкий (институт) филиал
Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия

Особенности проведения дистанционных олимпиад по китайскому языку для школьников на примере школы-интернета № 19 ОАО «РЖД» г. Новокузнецк

В статье рассматриваются особенности проведения дистанционных олимпиад по китайскому языку для школьников (на примере школы-интерната № 19 ОАО «РЖД» г. Новокузнецк), а также факторы, влияющие на эффективность проведения.

Ключевые слова: китайский язык, методика преподавания китайского языка, дистанционная олимпиада

M. Varakina,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Samara Affiliated Branch of Moscow City Teacher Training University,
Samara, Russia

E. Trofimova,
Senior Lecturer,
Novokuznetsk Affiliated Branch of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russia

The Problem of Distance Olympiads among the Students Learning Chinese Language (on the Example of the Boarding School N. 19 of Russian Railways, Novokuznetsk)

The article deals with the problem of distance olympiads among the students learning Chinese language (on the example of the boarding school N.19 of Russian Railways, Novokuznetsk), as well as the factors of its successful organization.

Keywords: Chinese language, methods of teaching Chinese, distance olimpiads

Реалии современного общества ставят перед педагогами новые проблемы и призывают их решать эти проблемы, опираясь на современные средства обучения. В рамках отраслевых целевых программ осуществлено проведение комплексной информатизации школ страны, которая призвана повысить уровень информационной активности детей, который им необходим как в основной школе для успешного обучения, так и в жизни для активного участия в познавательной деятельности и самообучении с использованием новых информационных технологий в зоне своих интересов.

По мнению В. В. Гриншкун, при разговоре о современных аспектах информатизации начального обучения основное внимание обычно уделяется использованию дистанционных технологий в обучении школьников. Так как предметная подготовка школьников является главной задачей школьного образования, положительные свойства и оправданность применения дистанционных средств оказывают огромное влияние на эффективность образования [2, с. 9]. Дистанционные олимпиады школьников – это способ для выражения и самореализации внутреннего мира ребёнка. Если школьник интересуется соревнованиями на проверку своего интеллекта, необходимо оказать ему в этом поддержку. Тогда он сможет почувствовать и принять себя как часть общества, сможет сопоставить свои результаты с успехами одноклассников [1, с. 118].

В школе-интернате № 19 ОАО «РЖД» преподавание китайского языка ведётся, начиная с 2013 года. Следует уточнить, что китайский язык не является обязательным для изучения образовательным предметом,

который включён в программу школьного образования. Китайский язык в школе-интернате № 19 ОАО «РЖД» изучается факультативно, но преподавателями китайского языка уже накоплен достаточно серьёзный опыт как в методическом плане, так и в плане практических результатов. Важнейшим результатом нашей работы, на наш взгляд, является успешная сдача международного экзамена на знание китайского языка, знаменитого на весь мир HSK, четыре ученика в группе сдали экзамен на высший балл (200). Этому результату предшествовала различная, многоплановая подготовительная работа. Одним из аспектов этой работы явилось проведение и участие в дистанционных олимпиадах по китайскому языку. В 2017–2018 годах школьники, изучающие китайский язык, приняли участие в Международном языковом конкурсе «Какаду» и получили дипломы 1-й и 2-й степени; в Международном конкурсе-игре на знание китайского языка «长城» получили сертификаты участников. Это был наш первый опыт дистанционного участия в олимпиадах по китайскому языку. Учитывая интерес и активность учащихся, руководством школы-интерната № 19 ОАО «РЖД», было принято решение о проведении дистанционной олимпиады по китайскому языку. В этой олимпиаде приняли участие не только учащиеся школы-интерната № 19 ОАО «РЖД», изучающие китайский язык факультативно, но и школьники городских школ, которые изучали китайский язык самостоятельно или на курсах китайского языка. В результате обсуждения вышеуказанного мероприятия были намечены основные цели дистанционной олимпиады:

1) стимулирование познавательной деятельности участников олимпиады; проверка знаний участников;

2) предоставление возможности участникам в соревновательной форме продемонстрировать свои интеллектуальные способности;

3) вовлечение школы в построение единого информационного пространства;

4) развитие творческого самостоятельного поиска, анализа и оценки информации, овладение навыками использования информационных технологий;

5) развитие внимания, памяти, воображения, восприятия, мышления, сообразительности [1, с. 118].

В качестве примера приведём возможные задания для дистанционной олимпиады, для начального уровня овладения китайским языком.

Задание № 1

Составьте двусложное слово: 1) рабочий; 2) друг; 3) ученик; 4) Китай; 5) учебник; 6) китайский язык; 7) тетрадь; 8) линейка; 9) портфель.

1. 工(吃; 课; 的; 汉; 母; 父; 作; 去; 发; 志; 肯; 书; 同; 大; 买; 这; 人; 然)

2. 朋(老; 钢; 师; 的; 这; 汉; 俄; 词; 典; 本; 是; 我; 们; 友; 迷; 日; 笔; 作)

3. 学(图; 日; 书; 本; 馆; 录; 去; 音; 想; 室; 是; 我; 的; 父; 欢; 生; 典; 授)

4. 中(图; 日; 书; 本; 馆; 录; 国; 音; 想; 室; 是; 我; 的; 父; 欢; 生; 典; 授)

5. 课(图; 日; 书; 本; 馆; 录; 去; 音; 想; 室; 是; 我; 的; 父; 欢; 生; 典; 授)

6. 汉(过; 不; 词; 出; 茶; 想; 在; 这; 啊; 助; 好; 和; 语; 录; 里; 老; 买)

7. 本(然; 词; 出; 成; 退; 两; 楼; 学; 哦; 噢; 喔; 嘎; 朋; 怕; 拟; 撒; 子)

8. 尺(现; 姐; 在; 吗; 三; 那; 年; 国; 级; 两; 的; 学; 亮; 声; 生; 子噢)

9. 皮(努; 图; 同; 样; 拖; 土; 图; 吐; 她; 踏; 它; 包; 塔; 塌; 沓; 铲; 助)

Задание № 2

Составьте предложения только из данных слов:

1. 看我妈妈书爱
2. 有的爸爸皮包大他
3. 皮包妹妹小的她
4. 奶奶我有没皮包大
5. 是学生我

Задание № 3

Обведите предложения: я и старшая сестра отправляемся к бабушке; моя младшая сестра любит читать книги; у меня есть

две красивые линейки; у моего старшего брата есть большой учебник; у моего младшего брата есть пять тетрадей; мы отправились в Китай.

张同志我们大学的教师。张同志是我们大学的教师。那个是中学生是他的弟弟。我们的中学教师王是同志。我们的中学教师是王同志。是我的姐姐中文教师。我的姐姐是中文教师。那个好看的女是学生我的朋友。那个好看的女学生是我的朋友 她的男朋友留学生。她的男朋友是留学生。他父亲和他哥哥是都工人。他父亲和他哥哥是都是工人。我的女朋友大学生。我的女朋友是大学生。这位同志是我父亲的朋友,另一位我不认识。这些报纸都是老的,我要看看。现在我想写汉字,做练习。那位中国人是什么人?这两个画儿是我画的,别的画儿都不是我画的。我和姐姐到奶奶家去。我妹妹爱看书。今天你在哪儿吃饭?我的父亲在工厂里工作。现在三年级的学生在录音室听录音。你在图书馆里看报纸和杂志马教授经常丢东西,有时丢了眼镜,有时丢了雨伞。他还常常把夫人告诉的事忘了。我有两个好看的尺子。我哥哥有大课本。

一天早上,马教授去上班,离开家的时候他夫人把一封信放在他口袋里,说:“邮票已经贴好了。你进办公室以前一定要把信寄出去,这样我姐姐明天上午就能收到,这封信里有要紧的事情,你别忘了呀!”“好,一定不忘。”马教授答应着,穿上大衣走了。从家里出来,他还想着“别忘寄信!”可是一上公共汽车,他就想别的事情,把寄信的事忘了。下了汽车,他刚走一会儿,就有一位不貌7b识的人从后面走过来,对他笑了笑说:“别忘了您的信。”教授这时才想起夫人的信还在口袋里,他很感谢这位好心人,要不是他提醒,有差(一)点忘了,于是他赶快向附近的邮筒跑去,他把信放进邮筒里。可是他不明白,这个人怎么知道应该寄信一封信呢?过了一会儿,又一个人从后边过来说:“您没忘了寄信吧?”“没有,没有,谢谢你。”教授连忙说,他非常吃惊:他们怎么都知道寄信的事呢?我弟弟有五本本子。我们到中国去。我认识不少我做在学校门口,他的老朋友张教授从后边走到他跟前说:我看,汉字“老弟,你的信寄了吗?”上体育课我有病,所以我不能我做前说

Задание № 4

Вставьте счётное слово:

1. 六。。。书
2. 八。。。工人

Задание № 5

Напишите даты: 8 февраля; 4 марта; 5 мая; 1 сентября; 31 декабря; 4 апреля; 5 июня; 1 августа; 7 ноября; 18 июля; 26 октября.

Задание № 6

Напишите цифры: 11; 23; 35; 47; 56; 68; 79; 81; 99; 100

Задания олимпиады, конечно же, могут варьироваться от поставленных целей и от уровня знаний участников. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что объективными результатами олимпиады могут быть толь-

ко в том случае, если задания выполняются участниками олимпиады самостоятельно. На наш взгляд, фактор самостоятельности выполнения заданий играет в данном случае основополагающую роль, и только самостоятельность выполнения учащимися заданий дистанционной олимпиады оправдывает её проведение и объективную результативность.

Список литературы

1. Варакина М. И., Трофимова Е. С. Обучение китайскому языку в школе: начальный этап // Актуальные вопросы преподавания китайского языка и других восточных языков в XXI веке: материалы междунар. форума восточных языков и культур. Казань, 2017. С. 47–52.
2. Вергасова Е. В. Особенности проведения дистанционных олимпиад по иностранному языку для младших школьников // Актуальные проблемы современной лингвистики: материалы четвёртой межвуз. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–21 апр. 2015 г.). СПб., 2015. 208 с.
3. Гриншкун В. В. Области эффективного применения информационных и телекоммуникационных технологий в школе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Информатизация образования. 2007. № 4. С. 5–21.

УДК 372.881.1

Ж. В. Шмарова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

В. П. Рассадина,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Анализ приёмов обучения чтению на китайском языке в методической литературе КНР

В отечественной методической литературе слишком мало внимания уделяется зарубежному педагогическому опыту, в то время как он может быть весьма полезен, особенно в обучении китайскому языку. Статья посвящена приёмам обучения навыкам чтения на китайском языке. Данная работа основана на анализе научных трудов китайских учёных. Авторы статьи считают целесообразным изучать продуктивные зарубежные методики обучения и по необходимости заимствовать их в учебном процессе российских образовательных учреждений.

Ключевые слова: китайский язык, чтение, методика преподавания, приём (метод) обучения

Zh. Shmarova,
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

V. Rassadina,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Analysis of Teaching Reading in Chinese Methods in the Methodological Literature of the PRC

In the domestic methodological literature too little attention is paid to foreign pedagogical experience, while it can be very useful, especially in teaching Chinese. The article is devoted to the methods of teaching reading skills in Chinese. This work is based on the analysis of scientific works written by Chinese scholars. The authors of the article consider it expedient to study efficient foreign teaching methods and, if necessary, use them in the educational process in Russian educational institutions.

Keywords: Chinese language, reading, teaching methodology, teaching method

Овладеть навыками чтения чрезвычайно полезно и важно для изучающих иностранный язык. В процессе развития навыка чтения у учащихся появляется языковое чутьё, улучшается навык овладения разговорным языком. По мнению Лю Сюня, преподавателя Пекинского лингвистического университета, при чтении учащийся соприкасается с большим объёмом языкового материала, понимание содержания происходит при помощи иллюстраций и самого текста. Чтение позволяет произвести обобщение уже изученной грамматики, через изучение текстов, а не методом простой зубрёжки, естественным образом происходит накопление словарного запаса [2, с. 245].

Преподаватели Восточно-китайского педагогического университета города Шанхай Сюй Цзылян и У Жэньфу в своей книге «Практическая методика преподавания китайского языка как иностранного» подразделяют чтение на экстенсивное и интенсивное и определяют методы обучения для каждого [3, с. 115].

В отечественной методике обучения иностранным языкам также выделяют эти два вида чтения. Интенсивное (изучающее) чтение ориентировано на приобретение знаний, на умение полно и точно понимать содержание текста, преодолевая трудности получения информации, и при необходимости обращаясь к помощи словаря и учителя. При интенсивном чтении внимание учащегося должно быть сосредоточено как на содержании данного текста, так и на его форме. В изучающем чтении обычно используются тексты небольшого объёма, работа с которыми сопровождается выполнением предтекстовых и притекстовых упражнений. Большое внимание уделяется осознанию содержащихся в тексте неизвестных единиц языка, происходит формирование навыков чтения и умения понимать и осмысливать содержание читаемого [1].

Экстенсивное же чтение предполагает чтение текстов больших объёмов с охватом общего содержания за ограниченный промежуток времени. Внимание должно быть сосредоточено на содержании текста, а не на его форме, а синтез при этом преобладает над анализом [Там же].

Сюй Цзылян и У Жэньфу предлагают три вида урока интенсивного чтения:

1) сначала провести обучение лексическим и грамматическим особенностям, устранив внешние препятствия (новая лексика и грамматика), а затем приступить к чтению текста;

2) сначала изучить текст, затем подробно проанализировать его лексические единицы и обобщить грамматические правила;

3) по ходу прочтения текста, давать пояснения новым лексическим и грамматическим явлениям [3, с. 140].

Методика проведения урока экстенсивного чтения по книге Сюй Цзылян и У Жэньфу включает три основных приёма:

1) языковая догадка;

2) быстрый поиск конкретной, необходимой информации по тексту;

3) ответно-вопросная форма [Там же, с. 153].

Известный китайский учёный Чэнь Фэн, который занимается исследованиями в области преподавания китайского языка иностранцам, делает акцент, прежде всего, на экстенсивном чтении, считая его наиболее продуктивным и эффективным. В методике обучения навыкам чтения на китайском языке он выделяет следующие методы, способствующие развитию навыков экстенсивного чтения:

1. Акцентировать особое внимание учащихся на привычке чтения про себя. После того, как учащийся на раннем этапе обучения научился громко и чётко читать вслух, как этого требует изучение любого иностранного языка, его обязательно нужно приучать к осознанному чтению про себя. При этом, автор отмечает такие важные детали: при чтении нужно избегать даже движений губами, а также избавиться от привычки следить рукой или карандашом по тексту, поскольку, по его мнению, это может сильно повлиять на саму скорость чтения, а это очень важно на экзамене или тестировании, когда время для выполнения заданий существенно ограничено.

2. Уделять внимание тому, чтобы учащийся полностью концентрировал внимание на основном содержании текста, не возвращаясь к уже прочитанному.

3. Обращать внимание на важные указатели в тексте, союзы и вводные слова.

4. Расширять фоновые знания учащихся, а также знания о культуре и истории страны изучаемого языка.

5. Развивать умение угадывать значение слов из контекста [4, с. 253–262].

Авторы книги «Методы преподавания курса китайского языка как иностранного» Цуй Юнхуа и Ян Цзичжоу приводят несколько видов упражнений, которые, по их мнению, помогут повысить способность учащихся в понимании читаемого текста. К таким упражнениям относятся выбор пра-

вильного варианта ответа, определение правильности утверждений, заполнение пропусков (дан общий список слов и задание состоит в том, чтобы правильно расставить эти слова в тексте).

Выбор адекватного слова (для заполнения пропуска) из числа синонимов также является весьма полезным для учащихся. Данное упражнение хорошо развивает важное умение распознавать сочетаемость слов в китайском языке [5, с. 166].

Отмечают авторы и необходимость использования наглядности, например, карт, чтобы после прочтения текста учащиеся попробовали найти на карте описанный в тексте маршрут. Если текст содержит достаточное количество числовых данных, можно предложить после прочтения заполнить таблицы. Подобные задания могут повысить интерес к читаемому тексту, по-

скольку перед ними будет поставлена важная практическая задача [Там же, с. 168].

Китайские методисты считают эффективным задание для учащихся: в одном-двух предложениях выразить основную мысль прочитанного текста. Они рекомендуют пересказывать текст после прочтения и обсуждать его в группе [Там же, с. 169].

В данной статье нами были рассмотрены приёмы обучения чтению на китайском языке со стороны носителей языка. Китайские учёные предлагают большое количество разнообразных и эффективных упражнений в обучении чтению. Опыт, предложенный китайскими специалистами, поможет разнообразить работу и повысить уровень преподавания китайского языка в российских школах и вузах. Данная тема, касающаяся изучения опыта китайских учёных, требует своего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Электронный ресурс] / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. Режим доступа: https://www.methodological_terms.academic.ru (дата обращения: 20.09.2018).
2. 对外汉语教育学引论 / 刘珣著—北京: 北京语言大学出版社, 2016, 423 页. = Введение в педагогику. Преподавание китайского языка как иностранного / Лю Сюнь. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2013. С. 245–247.
3. 实用对外汉语教学法 / 徐子亮, 吴仁甫著/—3版.—北京: 北京大学出版社, 2013. = Практическая методика преподавания китайского языка как иностранного / Сюй Цзылян, У Жэньфу. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2013. С. 115–152.
4. 对外汉语教学法/陈枫主编. —北京: 中华书局, 2008. = Методика преподавания китайского языка как иностранного / Чэнь Фэн. Пекин: Чжунхуа, 2008. С. 253–262.
5. 对外汉语课程教学技巧/崔永华, 杨寄洲主编. —北京: 北京语言大学出版社, 2008. = Методы преподавания курса китайского языка как иностранного / Цуй Юнхуа и Ян Цзичжоу. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2008. С. 162–173.

УДК 372.881.111.1

М. Э. Загерсон,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Инновационные методы формирования лексической компетенции на уроках английского языка

Методика обучения лексической компетенции развивается, с каждым годом процесс обучения становится всё более разнообразным. В статье рассматривается вопрос применения интернет-ресурсов и компьютерных программ для формирования лексической компетенции на уроках английского языка.

Ключевые слова: лексическая компетенция, инновационные методы, интернет-ресурсы, компьютерные программы

Innovative Methods for the Formation of Lexical Competence at English Lessons

The teaching methods for developing lexical competence do not stay still; every year the learning process becomes more and more diverse. The article discusses the use of Internet resources and computer programs for the formation of lexical competence at English lessons.

Keywords: lexical competence, innovative methods, Internet resources, computer programs

В настоящее время традиционные методы для обеспечения должного уровня знаний по английскому языку представляются недостаточными. Современное образование характеризуется разработкой и использованием новых подходов и технологий (инноваций), которые нацелены на повышение как мотивации учебной деятельности, так и уровня владения языком.

Под инновацией в педагогике понимается «комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства, новшества, нововведения в области техники, технологии, педагогики, научных исследований» [1, с. 497]. В свою очередь, под лексической компетенцией понимается «способность человека определять контекстуальное значение слова, сравнивать объём его значения в двух языках, определять структуру значения слова и выделять специфически национальное в данной структуре» [2, с. 29]. В связи с такой постановкой вопроса, на основе комплексного исследования инновационных методов, попытаемся выделить те методы, которые способны повысить качество обучения лексическому аспекту речи.

Уроки, включающие в себя информационно-компьютерные технологии (ИКТ), являются одним из самых значимых результатов инновационной деятельности в школе. Применение ИКТ значительно увеличивает продуктивность работы учеников. Помимо широко используемых средств ИКТ, таких как мультимедийные презентации, интерактивные электронные доски, презентации PowerPoint, электронные учебники, обучающие CD- и DVD-программы, следует обратить внимание на возможности глобальной сети Интернет.

Использование интернет-ресурсов в учебных целях – новое направление общей дидактики и частной методики. Следует от-

метить, что в настоящее время все школы имеют достаточное техническое оснащение, ученики всё чаще используют планшеты, которые, в свою очередь, имеют доступ в интернет. Глобальная сеть Интернет удобна с позиции лингводидактики для поиска и закрепления определённых речевых функций. Кроме того, на сайтах, как правило, размещаются разделы персонального обращения, чего лишены учебники.

Применение компьютеров на уроках значительно повышает интенсивность учебного процесса. При компьютерном обучении усваивается значительно больше материала, чем в условиях традиционного обучения, также повышается эффективность запоминания [3, с. 110].

Обратимся к сайту Ligual Leo. Данный сайт представляет широкий выбор различных методик для изучения языка. Элементом игры выступает львёнок, которого слушатель «кормит» своими успешными языковыми тренировками.

Обучение начинается с прохождения теста на знание языка и заполнения списка своих интересов. Основной акцент делается на изучении лексики и работе над словарным запасом. Ligual Leo создаёт персональный план обучения, за выполнением которого пользователь следит в личном кабинете. Каждое новое слово заносится в словарь для того, чтобы напомнить о необходимости тренировки.

Перечислим возможности Ligual Leo:

- выбор перевода;
- личный словарь с транскрипцией и переводом;
- тематический словарь с иллюстрацией;
- разнообразные подходы к тренировкам;
- эффективные тренировки;
- наблюдение за прогрессом в обучении в реальном времени;
- возможность изучать английский язык бесплатно.

Ligual Leo – образовательная платформа для изучения и практического освоения языка, которая не имеет аналогов и продолжает развиваться и совершенствоваться.

Максимально эффективный способ запоминания слов и выражений предлагает веб-интерфейс Memrise. Зайдя в систему, пользователь выбирает курс и начинает выполнять задания.

В каждый курс входит несколько уровней – по сути это перечни слов, объединённые темой. Получается, что слова объединены в уровни (около 20 слов), уровни объединены в курсы. Например, курс «Английский 1» состоит из 10 уровней, включающих примерно по 20 слов. Значительное количество курсов и тем в таких областях, как работа со словарями, история, география, вождение и получение водительских прав и т. п. Ресурс охватывает более 200 языков. Пользователь может создать свой курс, в котором освоенные слова и выражения будут объединены общей идеей.

Для запоминания слов и выражений существуют мемы (mems). Это явление используется для запоминания через ассоциации с запоминаемым словом. Это может быть фотография, картинка, описание, примеры предложения, этимология. Веб-интерфейс постоянно тестирует пользователя. Пользователь выбирает из нескольких вариантов, набирает слово на компьютере, а также составляет фразы из разрозненных элементов.

Достоинством Memrise является его бесплатное использование на компьютерах и приложениях мобильных устройств. В ходе каждого курса слушатель имеет доступ к статистике за всё время обучения.

В онлайн-школе Skyeng изучение английского языка начинается с бесплатно вводимого урока. После окончания урока

математический алгоритм подбирает оптимальный курс изучения и лучшего учителя для каждого пользователя. Кроме посещения занятий, слушатель выполняет домашние задания, а по окончании интернет-курса, состоящего из 60 занятий, получает диплом.

Школа использует платформу Vimbox, которая имеет следующие преимущества:

- уроки построены по оксфордской методике;

- представлены интерактивные материалы и упражнения;

- доступны материалы прошлых уроков.

На занятии слушатель видит те учебные материалы, которые использует наставник. Для общения не нужны дополнительные программы. Видеозвонок работает в браузере. Пометки можно делать в реальном времени, по ходу занятия.

В настоящее время команда Skyeng объединяет 5050 преподавателей и 42 штатных сотрудника, проживающих в разных странах мира, от Австралии до Европы. Представительство компании находится в Москве.

В заключение следует отметить, что инновационные методы формирования лексической компетенции являются не только ценными, но и достаточно доступными для обучающихся. Сочетание традиционного обучения с использованием сети Интернет на уроках английского языка может решить проблему развития мотивации учащихся. Важно, что каждый ученик имеет возможность работать в удобном для него ритме, выбирать объём и скорость выполнения заданий. Значимым представляется и тот факт, что компьютер помогает преодолеть чувство страха и неуверенности в себе. Инновационные методики обучения являются неотъемлемой частью современной школы.

Список литературы

1. Батышева С. Я., Новикова А. М. Профессиональная педагогика. М.: ЭГВЕС, 2009. 497 с.
2. Шамов А. Н. Когнитивный подход к обучению лексике. Моделирование и реализация. М.: НГЛУ, 2006. 479 с.
3. Иванова Н. В. Эффективное использование новых информационных технологий. Красноярск, 2009. 109 с.
4. Lingua Leo [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lingualeo.com> (дата обращения: 25.09.2018).
5. Learning, made joyful – Memrise [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memrise.com/about> (дата обращения: 15.08.2018).
6. Skyeng [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.skyeng.ru/platform> (дата обращения: 20.09.2018).

Е. И. Пироговская,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Портфель предметных результатов по английскому языку (на примере грамматики)

Статья посвящена характеристике портфеля предметных результатов как современной системы оценивания ФГОС, которая позволяет отслеживать предметные результаты в области грамматики всего класса и каждого ученика в течение четверти и всего года.

Ключевые слова: система оценки, предметные результаты, портфель предметных результатов

E. Pirogovskaya,
Graduate Student,
Transbaikal State University
Chita, Russia

The Portfolio of Subject Results in English (Grammar as an Example)

The article is devoted to characterization of the portfolio of subject results as a modern system of evaluation of the GEF, which allows to track the subject results in the field of grammar of the whole class and of each student during the school quarter and the whole school year.

Keywords: system of evaluation, subject results, portfolio of subject results

В настоящее время в соответствии с приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 года, которым утверждены Федеральные государственные общеобразовательные стандарты (ФГОС) общего образования, по окончании 11-го класса в обязательном порядке предусматривается Государственная (итоговая) аттестация в форме Единого государственного экзамена по учебным предметам: русский язык и литература; математика: алгебра и начала анализа, геометрия; иностранный язык. Первыми сдавать экзамен по иностранному языку в обязательном порядке будут выпускники 2020 года. Требования к единым государственным экзаменам по всей России одинаковые, но, как правило, все участники образовательного процесса находятся в разных условиях, кроме того, значительно различается и контингент обучающихся.

Современный урок стал гибким, разнообразным по целям и задачам, вариативным по формам и методам преподавания, насыщенным по использованию новейших технических средств [1, с. 2]. Инновации в образовании требуют изменения в системе оценивания результатов обучающихся [3, с. 3].

В настоящее время перед учителем встают вопросы выявления и закрепления

результатов в области говорения, письма, чтения, грамматики, определения тех областей знаний, которые характеризуются слабым усвоением не только всего класса, но и каждого ученика в отдельности.

Для этой цели был разработан «Портфель предметных результатов», который позволяет учителю отслеживать результаты всего класса и каждого ученика в течение четверти, в конце четверти и в конце года. Данный «Портфель предметных результатов» даёт учителю возможность видеть высокие, средние и низкие результаты для дальнейшей работы с сильными и слабыми учениками с целью повышения уровня знаний у каждого ученика. В конце года учитель, обработав результаты по каждой из видов речевой деятельности (говорение, письмо, чтение, грамматика), может прогнозировать количество учеников, которые должны успешно усвоить учебный курс и сдать ОГЭ.

Возникает вопрос внедрения «Портфеля предметных результатов» в обучающий процесс.

При разработке системы проверки освоения знаний определены следующие этапы:

1. Диагностический этап.

Следует отметить, что требования к единым государственным экзаменам на территории России едины, но учащиеся на-

ходятся в разных условиях, которые влияют на их успешную аттестацию. В связи с этим основными объектами условий диагностики являются: образовательные условия (отсутствие кабинетной системы во многих школах Забайкальского края, старые здания, плохая освещенность, низкая скорость интернет-трафика и т. д.); материальная обеспеченность (например, у некоторых обучающихся отсутствуют рабочие тетради, которые должны прилагаться к учебнику); наличие специалистов необходимого профессионального уровня (в школах не хватает учителей иностранного языка); большая загруженность учителей (из-за нехватки учителей в школах учебная нагрузка педагогов возрастает, что снижает качество обучения).

В результате данного диагностирования выявлена следующая проблема: обучение и воспитание учащихся в условиях адаптированного характера, которые сложились в Забайкальском крае.

2. Прогностический этап.

Целью данного этапа является достижение планируемых результатов по английскому языку в соответствии с ФГОС (на материале грамматики).

Задачи прогностического этапа:

1. Выделение и кодирование основных тем в области грамматики за курс 5-го класса по четвертям.

2. Составление таблицы «Результаты по грамматике» на каждый класс.

3. Контроль усвоенного материала с занесением заработанных баллов в таблицу результатов.

4. Анализ результатов: выделение в таблице высоких, средних, низких баллов.

5. Дополнительная работа по ликвидации пробелов в области грамматики.

3. Организационно-подготовительный этап.

Данный этап включает: выбор участников запланированного проекта – ученики 5-го класса из 15 человек; отбор тренировочных и проверочных заданий в соответствии с возрастом и программой учащихся; контрольно-измерительные материалы («Английский язык», 5-й класс; практическая грамматика); выбор параметров оценивания учащихся.

При оценивании грамматических заданий максимальный балл – 5: если задание состоит из 10 предложений, то каждое предложение оценивается – 0,5 балла, т. е. $0,5 \times 10$ (\times – знак умножения); если задание состоит из 20 предложений, то каждое предложение оценивается на 0,25 балла, т. е. $0,25 \times 20$.

Баллы заносятся в таблицу предметных результатов по разделу «Грамматика».

4. Практический этап.

Сроки осуществления проекта: 1-я четверть (2-я четверть, 3-я четверть, 4-я четверть, год, до завершения 11-го класса).

Задачи данного этапа: отслеживание предметных результатов всего класса и каждого ученика в течение четверти; выявление слабо усвоенных аспектов знаний; составление «траектории приращения знаний» для группы учеников или одного ученика; анализ, прогнозирование.

Таким образом, обучающиеся анализируют собственную работу, собственные успехи, учатся объективно оценивать свои возможности и видеть способы преодоления трудностей, достигают более высоких результатов, то есть формируется способность к рефлексии, развиваются самостоятельность и ответственность за проделанную работу [4, с. 170].

5. Обобщающий этап.

На данном этапе происходит: обработка полученных данных, анализ и вывод.

В конце первой четверти были получены результаты по уровню обучения каждого ученика и всего класса. Результаты показывают, что наблюдается «приращение знаний» у каждого ученика. Качественные показатели касались одной из тем раздела «Грамматика». Получены первичные, промежуточные и конечные результаты обучения каждого ученика путём суммирования всех баллов.

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать вывод, что «Портфель предметных результатов» направлен на освоение большинством обучающихся системы знаний и учебных действий, которая необходима для успешного обучения английскому языку в основной школе.

Список литературы

1. Антропова Н. А. Разработка практического занятия по немецкому языку на материале немецкого периодического издания "Markt" // Иностранные языки в высшей школе: проблемы, опыт, перспективы: материалы межвуз. науч.-метод. семинара. Чита: ЗИП СибУПК, 2001. С. 123–129.

2. Антропова Н. А. Повышение заинтересованности студентов в изучении иностранных языков в неязыковом вузе как одна из предпосылок повышения качества гуманитарного образования // Актуальные проблемы современного процесса обучения иностранным языкам в высшей и средней школе: материалы регион. конф. Чита: ЗабГПУ, 2002. С. 120–126.

3. Современный урок иностранного языка: рекомендации, разработки уроков / сост. В. П. Сафонова, И. Г. Мамо. 2-е изд. Волгоград: Учитель, 2015. 111 с.

4. Черепанова Л.В. Инновационные технологии обучения русскому языку: языковой портфель ученика. Чита: ЗабГУ, 2016. 195 с.

УДК 372.881.111.1

Д. И. Бардакова,

магистрант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Использование комиксов в обучении иностранному языку

В статье автор рассматривает использование комикса на иностранном языке, его роль в процессе обучения иностранному языку. Комикс выступает в качестве одной из разновидностей аутентичного креолизованного текста. Анализируются особенности комикса, способствующие формированию межкультурной компетенции.

Ключевые слова: комикс, иностранный язык, средство обучения, межкультурная компетенция

D. Bardakova,

Graduate Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

The Use of Comics in Teaching a Foreign Language

In the article the author looks upon the use of comics in a foreign language and its role in the process of teaching a foreign language. Comics serves as one of the forms of authentic creolized text. The comics specific features that contribute to the formation of intercultural competence are analyzed.

Keywords: comic book, foreign language, means of education, intercultural competence

Становление и развитие преподавания иностранных языков в школах и вузах во многом зависит от того, что в последние годы неуклонно растёт интерес к изучению иностранных языков. Среди многих методов и способов преподавания иностранного языка внимания также заслуживает использование аутентичных комиксов.

По мнению М. М. Муртазаевой, «средства обучения – это материалы учебного процесса, которые помогают учителю организовать эффективное обучение иностранному языку, а учащимся – эффективно овладеть им» [2, с. 11]. Таким образом, комикс можно рассматривать как средство обучения иностранному языку.

Одним из основных преимуществ использования комикса при изучении иностранного языка является то, что комикс способствует усилению мотивации и интереса к изучению языка, он упрощает процесс обучения.

Ещё одно немаловажное достоинство комикса при обучении языку – это то, что он может быть использован для разной аудитории: как для младших школьников, для средней школы, так и для старших школьников и студентов.

Для того чтобы урок иностранного языка был интересным и эффективным, нужно использовать учебный материал, который будет ярким, наглядным и актуальным, соответствовать потребностям обучающихся. Таким образом, комикс соответствует этим критериям. Если говорить о преимуществах комикса при обучении детей младшего и среднего возраста, то стоит отметить, что комикс помогает закрепить уже имеющиеся языковые навыки путём развлечения учащихся, способствует снижению языкового барьера, минимизации стресса, развитию творческих способностей, поддержанию независимого активного изучения языка, которое имеет решающее значение в подростковом возрасте.

Если говорить об обучении иностранным языкам в вузе, то эта проблема является комплексной, так как к уровню и качеству образования выпускников предъявляются серьёзные требования. Это заставляет методистов изменять и находить новые методики обучения языку. В языковом образовании изучение информационных и коммуникационных технологий является одним из основных, так как с их помощью становится возможным решать различные задачи в сфере иноязычного межкультурного общения.

При обучении иностранному языку старших школьников и студентов вузов предполагается использование комиксов с более сложными формами языка. Языку комикса присуще большее количество грамматических форм, естественное лексическое наполнение, он характеризуется ситуативной адекватностью языковых средств, а также отражает механизм построения и функционирования речи повседневного общения. Студентам первых и вторых курсов тяжело читать литературу на иностранном языке, а в комиксе язык значительно проще, что облегчает процесс чтения. К тому же в последнее время популярность комиксов постоянно возрастает, особенно среди молодёжи.

Комиксы обладают богатой лексикой, относящейся к разным сферам жизни человека, хорошо отражают разговорный язык, поэтому комикс может использоваться в разных языковых дисциплинах.

Многие исследователи приходят к выводу, что чтение и изучение комиксов «способствует возможности обучения диалогу и связному построению текста», а также «является путём к развитию критического мышления, информационной грамотности, представляющей особое умение анализировать информацию и понимать механизмы создания смысла» [3, с. 90].

Фактором, говорящим в пользу использования комиксов при обучении языку, является то, что, если во время чтения комикса ученик испытывает какие-либо трудности, главным образом, с пониманием лексики, в этом случае он может не пользоваться словарём, так как невербальный компонент (то есть изображение или картинка) помогает понять смысл текста. Этот фактор способствует формированию языковой догадки.

Следует отметить и важную роль комиксов при формировании межкультурной компетенции. В условиях постоянного

развития межкультурных контактов между странами, политических, экономических и других связей, в образовательной среде также происходят постоянные изменения и развитие. Коммуникативная компетенция – это важный компонент обучения, она является одной из основных целей в обучении иностранному языку, поскольку современные методики направлены на реальные условия общения.

Формирование коммуникативной компетенции обусловлено знакомством с другой страной, её традициями, культурой, менталитетом, со знаниями страноведческого и социокультурного характера и, конечно, с языком. Именно поэтому комикс выступает в качестве средства, помогающего лучше понять чужую культуру, носителей языка, их модели поведения, реалии, поскольку комикс – это наглядный образец поведения людей, их привычек (в том числе и языковых), особенностей восприятия мира, национальных черт. Все эти факторы являются важными для успешного диалога культур, взаимопонимания и взаимоприятия этих культур, а также для представления своей страны в условиях межкультурного общения.

Использование аутентичных текстов – неотъемлемая часть развития коммуникативной компетенции, так как аутентичные тексты – это реальные «продукты речевой деятельности носителей языка и не адаптированные для нужд учащихся с учётом их уровня владения языком» [1, с. 54]. Комикс является креолизированным аутентичным текстом, и как уже отмечалось ранее, работа с подобным красочным аутентичным материалом, который обладает сюжетом, иногда юмором, повышает у учащихся интерес к языку и к культуре страны изучаемого языка, а, соответственно, и мотивацию к обучению.

Тексты комикса обладают особенностями, присущими языку, особенно ярко проявляются особенности разговорной речи, что очень важно для овладения языком. Сочетание вербальной и невербальной информации способствует мотивации учащихся к изучению языка, делает изучение более интересным и лёгким. Информация, полученная из комикса, яркая и эмоционально окрашенная, поэтому затрагивает чувства читающего, вследствие чего лучше запоминается.

Комикс способствует пониманию чужой культуры, традиций, ценностей, быта,

обладая, таким образом, высокой познавательной и страноведческой ценностью. Комикс обладает большим коммуникативным эффектом. Обучение иностранному языку посредством комиксов способствует эффективной передаче большого объёма информации в образовательных целях, а также способствует рациональному совер-

шению процесса познавательной коммуникации и управлению активной учебно-познавательной деятельностью учащихся. Таким образом, для современного языкового образования внедрение подобного рода текстов в процесс обучения иностранному языку, использование их в методическом плане является очень важным аспектом.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
2. Муртазаева М. М. Современные методики и технологии обучения иностранному языку и литературе в школе и вузе. Волхов: Лема, 2012. 78 с.
3. Пранцова Г. В., Романичева Е. С. Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом: учеб. пособие. М.: Форум, 2016. 368 с.

УДК 372.881.1.

С. А. Захожева,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Краеведческий аспект в преподавании китайского языка как форма расширения образовательного пространства между Россией и Китаем

Статья посвящена вопросу расширения образовательного пространства между Россией и Китаем в рамках школьного образования за счёт введения краеведческого аспекта в программу обучения китайскому языку. В статье определена степень реализации краеведческого аспекта в учебных пособиях, доказана необходимость изучения краеведческих материалов на китайском языке. Автор представляет пути решения данного вопроса путём организации элективного курса «Краеведение Забайкалья на китайском языке» и раскрывает его образовательные и воспитательные возможности.

Ключевые слова: краеведческий аспект, диалог культур, образовательное пространство

S. Zakhozheva,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Regional Natural History Aspect in Teaching Chinese as a Form of Educational Framework Expansion between Russia and China

The article is devoted to the question of educational framework expansion between Russia and China within school due to introduction of regional natural history aspect into the program of Chinese language teaching. In the article the extent of regional natural history aspect realization in training aids is defined; the need of studying of regional natural history materials in Chinese is proved. The author presents a solution, namely the organization of the elective course "Study of Regional Natural History of Transbaikalia in Chinese" as well as substantiates its educational and educational opportunities.

Keywords: regional natural history aspect, dialogue of cultures, educational framework

За последние несколько лет партнёрские отношения Китая и России стали развиваться не только в сфере экономики и политики, но и в сфере образования. В связи

с этим требуется повышение внимания к проблемам преподавания и изучения этого языка в школе с целью расширения образовательного пространства между Россией и

Китаем. На современном этапе особая роль отводится рассмотрению социокультурного компонента при обучении китайскому языку как фактора, во многом определяющего использование языка в конкретных ситуациях общения, тем самым влияющего на развитие коммуникативной компетенции.

Преподавание китайского языка на современном этапе предполагает не только введение учеников в иноязычную культуру, но и понимание ими родной культуры, что очень важно в процессе развития личности, формирования мировоззрения [3, с. 10]. В связи с активным сотрудничеством стран презентация региональной культуры на международном уровне является сейчас актуальной, поэтому возникает необходимость связать изучение китайского языка с изучением истории и культуры своего региона.

Проблему развития образовательного пространства между Россией и Китаем в своей статье «Российско-китайские отношения в региональных измерениях» рассматривал А. Г. Ларин, а также И. З. Абдулкеримов в статье «Современные тенденции интернационализации образования». Авторы статей доказывают, что особую важность в развитии образовательного пространства представляет краеведческий аспект в системе иноязычного образования.

Забайкальский край, являясь приграничной территорией, находится в зоне интенсивного инокультурного китайского воздействия. В данной ситуации необходимо развивать регионоведческие аспекты преподавания китайского языка. На данный момент в связи с тенденцией регионализации образования использование регионального компонента в содержании уроков китайского языка становится приоритетным. Это побуждает учителей китайского языка к поискам возможных путей его реализации.

Забайкальский край и Чита имеют ярко выраженные территориальные, национальные, природные, культурно-исторические особенности. Следовательно, нужно учитывать эти особенности при обучении китайскому языку. Такой подход в преподавании обладает большим воспитательным потенциалом. Он оказывает воздействие на формирование личности учеников, а именно способствует воспитанию уважения к своей культуре и культуре изучаемого языка, толерантности, межкультурному взаимодействию, информационному обмену.

Таким образом, у учащихся воспитываются ценностные ориентации в условиях современного диалога культур [1, с. 12].

В УМК по китайскому языку прослеживаются краеведческие материалы, а именно тексты о Чите на китайском языке. В данных учебных пособиях краеведческий аспект можно проследить в основном в темах, касающихся места проживания школьника, места учёбы и отдыха. Например:

我住在赤塔。赤塔的中心是列宁广场。

Для учеников профильных языковых классов необходимо увеличить объём краеведческого материала на китайском языке, подготовить методические рекомендации по его использованию для того, чтобы ученик смог в полной мере отражать уникальность региона, его неповторимый характер. Прежде всего, это тексты о достопримечательностях и исторических местах Читы. Данный материал может представлять интерес не только для самих учеников, но и иностранных собеседников, посещающих город. Обладая знаниями об истории многих зданий в Чите, ученики могут вступать в дискуссию с иностранцами, анализировать, сравнивать, характеризовать архитектуру России и Китая.

На данный момент в МБОУ «МЯГ № 4» г. Читы реализуется внедрение краеведческого аспекта в различные дисциплины, прежде всего это коснулось преподавания китайского языка. В связи с этим стало актуальным введение элективного курса по китайскому языку, ставящего перед собой цель – изучение особенностей родного края средствами китайского языка, способствующими расширению образовательного пространства между Россией и Китаем.

Развитие международных отношений России и Китая привело к активному международному туризму. Ежегодно всё больше китайцев посещают Россию, в частности, Забайкальский край. В связи с этим умение достойно представить культуру своего региона, показать красоту и особенность родного края представителям других культур является весьма актуальным.

МБОУ «МЯГ № 4» активно практикует международный обмен студентами, поэтому учащиеся заинтересованы в активном участии в реальном диалоге культур [4, с. 3]. В связи с этим мы реализуем проект, в рамках которого создали элективный курс для старшеклассников «Краеведение Забайкалья на китайском языке». Основной целью курса является формирование коммуникативной и социокультурной компе-

тентности учащихся на базе изучения материала о Забайкальском крае, овладение способами представления родной культуры в инокультурной среде. Данной цели сопутствуют такие задачи, как развитие умений вести диалог на темы краеведения в условиях неофициального и официального общения во время зарубежных поездок и приёма иностранных гостей у себя в городе.

Для достижения поставленных целей и задач необходим такой способ подачи учебного материала, который позволит пополнить знания о родном крае, его культурном наследии, истории, традициях, систематизировать эти знания и сопоставить их со знаниями о культуре страны изучаемого языка. Прежде всего, необходимо сформировать тематические блоки. Каждый блок включает определённую тему, материал для обсуждения и усвоения, ситуативные задания, задания на сопоставление каких-либо фактов истории Забайкальского края и фактов из истории Китая. Как и любая другая дисциплина, «Краеведение Забайкалья на китайском языке» включает и практическую деятельность учеников. Она заключается в индивидуальной работе, коллективной творческой деятельности и групповой работе (презентации, виртуальные экскурсии, исследовательские работы, семинары, диспуты, экскурсии по достопримечательностям Читы, организация экскурсий для китайских магистрантов, квест, фотоотчёт, рисунок, буклет, фильмы, видеоблоки, групповые и коллективные проекты и т. д.).

Тематика нового элективного курса для учащихся профильных классов позволяет значительно увеличить словарный запас китайских слов и грамматических конструкций, тем самым расширяя и углубляя знания по китайскому языку тех учащихся, которые планируют продолжать образование на факультетах иностранных языков педагогических университетов, а также в вузах, специализирующихся на туризме. Использование краеведческих материалов совершенствует содержательную часть процесса обучения китайскому языку в целях достижения более высокого уровня владения им учащимися [5, с. 10].

Основными разделами курса являются: История г. Читы (赤塔的历史), Старые улицы Читы: ул. Амурская, ул. Ленина (阿穆尔街, 列宁); Знаменитые исторические постройки г. Читы: Шумовский дворец (树膜扶宫殿), Торговый дом Петра Бадмаева (巴德马耶夫贸易大楼), Доходный дом И. Д. ПолUTOва (坡鲁多夫贸易大楼), Здание главпочтамта (赤塔市邮电局); Экскурсия по известным местам г. Читы: Церковь-музей декабристов (十二月党人的博物馆), Библиотека им. Пушкина (普希金图书馆), Площадь Ленина (列宁广场), Забайкальский краеведческий музей (地方志博物馆); Исторические города Забайкалья – Нерчинск (泥尔琴斯克).

Данный курс решает ряд задач в рамках формирования коммуникативной компетенции. Он построен на объединении нескольких учебных дисциплин: история родного края, китайский язык, география. Это позволяет ученикам обмениваться знаниями во время выездов в Китай, а также во время приёма иностранных гостей в своей школе, в своём городе. Данный проект вызывает интерес у учеников старшего звена, так как его планируем конечным продуктом является профессиональная подготовка гидов-переводчиков на базе старших классов гимназии. Данные перспективы мотивируют учеников изучать китайский язык в рамках краеведения в связи с тем, что они понимают практическую полезность такого знания. Она, в свою очередь, формируется главным образом под влиянием внутренних и внешних политических и экономических факторов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализация краеведческого аспекта в обучении китайскому языку становится актуальной в нашем регионе. Краеведческие материалы на китайском языке оказывают положительное влияние на повышение общекультурного уровня учащихся, и мотивируют их к изучению языка. Более того, введение краеведческого аспекта в содержание образования по китайскому языку способствует расширению образовательного пространства между Россией и Китаем.

Список литературы

1. Белякова Е. Г., Захарова И. Г. Социокультурное информационное пространство в контексте проблемы формирования личности // Вестник ТюмГУ. 2010. № 5. С. 11–17.
2. Владимирова Л. П. Проблемы обучения иностранным языкам в эпоху глобализации // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 14–20.

3. Годунова Н. А. Использование краеведческого материала для повышения мотивации при обучении иностранным языкам // ИЯШ. 2008. № 5. С. 10–13.
4. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях. М.: Восток-Запад, 2005. С. 2–6.
5. Лиханова В. В. Образовательные возможности краеведения в процессе обучения иностранным языкам // ИЯШ. 2015. № 7. С. 9–12.
6. Соктоева О. Ц., Юйшина Е. А. Краеведение Забайкалья: учеб. пособие по кит. яз. 2-е изд., испр. и доп. Чита: ЗабГГПУ, 2011. 163 с.

УДК 372.881.1

М. О. Кулишова,
магистрант,

Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

«Радиопостановка» и «подкаст» как жанры медиатекста и средства повышения лингвистической компетенции изучающих китайский язык

В современном Китае в последние годы в связи с ускорением ритма жизни набирают популярность звуковые источники медиаинформации. Статья посвящена таким звуковым жанрам медиатекста, как радиопостановка и подкаст на китайском языке, а также возможностям повышения уровня лингвистической компетенции с помощью данных жанров.

Ключевые слова: медиатекст, лингвистическая компетенция, радиопостановка, подкаст

M. Kulishova,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

“Radio Drama” and “Podcast” as a Mediatext Genres and a Means of Improving the Linguistic Competence of Students Learning Chinese

During last years in modern China with the acceleration of the rhythm of life sound sources of media information have becoming more and more popular. The article is devoted to sound media-text genres “Radio drama” and “Podcast” in Chinese and the opportunity of improving the linguistic competence of students learning Chinese with the help of these genres.

Keywords: media-text, linguistic competence, radio drama, podcast

Данная статья посвящена таким современным жанрам медиатекста, как радиопостановка и подкаст. В процессе ознакомления с этими понятиями мы дадим их определения, а также ответим на вопрос, по каким критериям данные жанры относятся к категории медиатекстов. Для этого нам понадобится определение самого понятия «медиатекст», которое характеризуется наличием достаточного количества толкований в современной медиалингвистике. Например, И. В. Рогозина даёт следующее лингвоориентированное определение медиатекста: вербальное речевое произведение, созданное с целью осуществления опосредованной коммуникации в сфере СМИ и характеризующееся явно выражен-

ной прагматической направленностью, основной целью которой является социальная регуляция. По мнению Е. С. Щелкунова, медиатекст – это тип текстов, распространяемых по каналам массовой коммуникации с целью налаживания взаимодействия между коммуникаторами и массовой аудиторией [4]. Данная статья основана на определении медиатекста, данном Т. Г. Добросклонской, поскольку она предложила объединить исследования медиатекстов в особую дисциплину – медиалингвистику, рамки которой обеспечивают системный научный подход к изучению языка СМИ, а также позволяют выделить в качестве основной категории анализа медиатекст. Определение Т. Г. Добросклонской звучит следующим

образом: «Медиа́текст – это вид продукции средств массовой информации, в котором совмещаются вербальные и медийные компоненты текста» [1].

Другими словами, медиатекст – это текст любого медийного вида и жанра, благодаря которому осуществляется речевое общение и распространение информации в сфере массовых коммуникаций.

А. Белл в книге “Approaches to Media Discourse” пишет: «Определение медиатекста выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге. Понятие медиатекста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы – иначе говоря, медиатексты фактически отражают технологии, используемые для их производства и распространения» [Там же].

В данной статье в качестве объекта исследования выбраны звучащие медиатексты, или аудиотексты, которые распространяются посредством различных аудиоресурсов в сети Интернет и могут выступать как средство повышения лингвистической компетенции китайского языка.

Первый жанр, рассмотренный автором статьи, – это радиопостановка. Такое название принято в отечественной журналистике, несмотря на то, что в современном контексте иногда его уместно заменить словом «аудиопостановка», поскольку в качестве канала распространения используется не радиовещание, а исключительно сеть Интернет или мобильные приложения, также подключённые к интернету. Кроме того, причиной использования термина «радиопостановка» является наличие приставки «радио» в прямом переводе данного понятия с китайского языка.

Ещё один жанр медиатекста, представленный в данной статье, – подкаст. Само понятие «подкаст» происходит от слов *iPod* и *broadcasting* – массовое вещание. Подкастом называется либо отдельный аудиофайл, либо регулярно обновляемая серия таких файлов, публикуемых на одном ресурсе интернета, с возможностью подписки [2, с. 224].

Особый интерес представляют подкасты достаточно узкой специализации, точнее, обучающие подкасты на китайском языке. Это аудиофайлы, созданные специально для изучения китайского языка для сети Интернет в открытом доступе либо в виде платного контента. Само определе-

ние слова «подкаст» также позволяет нам отнести данный жанр аудиотекста к медиатекстам, то есть к цельному текстовому продукту, который, что немаловажно, распространяется исключительно посредством глобальной сети.

По мнению некоторых исследователей, художественный или учебный текст нельзя отнести к медиатексту, поскольку при этом изменяется не его жанр, а только манера подачи. Согласно такому мнению, радиопостановку как художественный текст или подкаст как учебный текст к медиатекстам отнести невозможно, если бы оба данных жанра изначально не были созданы для распространения посредством одного из обширнейших источников медиаинформации – сети Интернет. С данной точки зрения, радиопостановку следует отнести даже к медиальному нарративу, который включает в себя не только текстовую информацию, но и музыкальное и смысловое оформление, паузы, переходы от сцены к сцене, а также голоса дикторов, которые считаются полноценными актёрами [4]. Подкаст в данном случае также обладает одним из качеств медиатекста – возможностью обратной связи, поскольку слушатель способен комментировать некоторые подкасты и даже влиять на их содержание.

Чтобы понять, каким образом данные жанры медиатекстов могут выступать в качестве средств повышения лингвистической компетенции изучающих китайский язык, необходимо дать определение понятию «лингвистическая компетенция».

Наиболее популярным в научной литературе является понимание лингвистической компетенции в качестве компонента иноязычной коммуникативной компетенции, принадлежащее В. В. Сафоновой. Лингвистическая компетенция – это знание словарных единиц и владение определёнными формальными правилами, посредством которых словарные единицы преобразуются в осмысленные высказывания, способность обучающегося воспринимать и конструировать грамматически правильные формы и синтаксические построения, а также смысловые отрезки в речи, организованные в соответствии с нормами иностранного языка и используемые в том значении, в котором они употребляются носителями языка [3, с. 34]. Другими словами, лингвистическая компетенция – это умение воспринимать и воспроизводить иностранную речь в соответствии со всеми нормами изучаемого языка.

Восприятие иностранной речи в случае с прослушиванием аудиопостановок и подкастов выходит, несомненно, на первый план, но при проявлении должного усердия со стороны обучающегося возможно также повысить уровень воспроизведения иностранного языка. Речь идёт о пополнении словарного запаса, выработке умения отбирать определённую лексику в зависимости от ситуации, а также использовать верную интонацию в целях выражения в речи эмоций.

К сожалению, такие средства повышения уровня владения китайским языком могут быть использованы не всеми учащимися, поскольку для такого обучения необходим достаточно высокий уровень базовых знаний, в данном случае, навык чтения, поскольку радиопостановки сопровождаются субтитрами, а подкасты, соответственно, текстовыми приложениями, где даются либо ключевые слова, либо весь текст подкаста, а также достаточно высокий уровень аудирования для аудиопостановок. При низком уровне аудирования более подходящим жанром становится подкаст, поскольку он является учебным текстом, а в некоторых случаях даже предоставляет возможным снизить скорость речи диктора, выбрать уровень сложности текста, убрать или добавить пиньинь, а также посмотреть значение конкретного слова в тексте, приложенном к подкасту.

Однако следует указать преимущества данных средств: доступность каждому желающему, а также постоянное обновление содержания и соответствие этого содержания потребностям общества и самого учащегося. Человек, который таким образом развивает свою лингвистическую компетенцию, может быть уверен, что полученные знания и навыки будут применимы в любой области его деятельности, связанной с иностранным языком. Кроме того, отсутствие видеоряда вынуждает дикторов или актёров радиопостановок прочитывать текст максимально чётко, понятно и в некоторых случаях намного более драматично, чтобы удержать внимание слушателя. Отметим, что одно из преимуществ радиопостановок и подкастов – возможность фонового прослушивания, например, за рулём или во

время выполнения других действий – стало причиной популяризации данных жанров в современном Китае, где постоянно ускоряющийся ритм жизни не оставляет людям других возможностей и времени на чтение любимых произведений как в бумажном варианте, так и в электронном [5].

Первая радиопостановка в Китае датируется 1933 годом, а первые интернет-радиопостановки появились в Китае только в 2000 году. В настоящее время существует более 70 рабочих групп и компаний, которые занимаются созданием радиопостановок на китайском языке [6].

С целью освещения содержательной стороны информации, получаемой из радиопостановки или подкаста на китайском языке, приведём следующие примеры. В зависимости от жанра это могут быть лексические особенности языка Древнего Китая:

- система обращений, принятая в Древнем Китае;

- вэньязымы, аналоги общеупотребительных фраз, используемых в современном китайском языке;

- устаревшие названия предметов и каких-либо объектов, соотносящихся с реалиями Древнего Китая.

Также целью изучения могут быть лексика и языковые реалии современного Китая:

- интернет-лексика, которая стала общеупотребительной;

- специальная лексика из определённой области, в зависимости от тематики медиатекста;

- реалии современного Китая, отражённые в языке.

В открытом доступе находятся следующие интернет-источники и мобильные приложения для прослушивания радиопостановок и подкастов на китайском языке:

1. Аудиопостановки:

- Maoer 猫耳FM;

- Qingting 蜻蜓;

- Ximalaya 喜马拉雅FM.

2. Подкасты:

- Du Chinese (мобильное приложение);

- iMandarin Pod;

- Slow Chinese.

Список литературы

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ [Электронный ресурс]. М.: Флинта: Наука, 2008. Режим доступа: <http://www.libed.ru/knigi-nauka/476442-1-dobrosklonskaya-medialingvistika-sistemnyy-podhod-izucheniya-yazika-smi-moskva-2008-oglavlenie-predislovie-glava.php> (дата обращения: 10.09.2018).

2. Интернет-СМИ. Теория и практика: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению 030600 и специальности 030601 «Журналистика» / А. О. Алексеева [и др.]; под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. 346 с.

3. Сафонова В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М.: Еврошкола, 2004. 236 с. (Сер. О чем спорят в языковой педагогике).

4. Фаткуллина Ф. Г., Хабиров Р. Р. Медиатекст в современном коммуникативном пространстве [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (дата обращения: 10.09.2018).

5. Тун Линь. Анализ современного положения развития радиопостановок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.xzbu.com/7/view-6144936.htm> (дата обращения: 18.09.2018).

6. Хуан Яньвэй. Исследование пути развития радиопостановки в Китае [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.jinchutou.com/p-826042.html> (дата обращения: 18.09.2018).

УДК 372.881.1

А. Е. Селин,
магистрант,

Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Психологическая предрасположенность детей к восприятию материала в игровой форме

Поддача учебного материала в игровой форме создаёт оптимальные условия для успешного процесса восприятия новых знаний. В статье рассматривается вопрос психологической предрасположенности детей к восприятию учебного материала в игровой форме.

Ключевые слова: игра, игровая форма, психологическая предрасположенность

A. Selin,

Graduate Student,
Transbaikal State University
Chita, Russia

Psychological Predisposition of Children to the Perception of the Material in the Form of a Game

Presentation of educational material in the form of a game creates suitable conditions for the successful process of perception of new knowledge. The article deals with the problem of psychological predisposition of children to the perception of educational material in the form of a game.

Keywords: game, form of a game, psychological predisposition

Применение различных форм обучения на уроке является основным отличием современных методов обучения от традиционных, игровая форма является одной из них. «Детей различных возрастов очень привлекает подача материала в игровой форме, потому что они получают возможность включиться в уже известную сферу деятельности» [3, с. 7]. Однако нужно понимать, что применение игры на занятиях – это не конечная цель, это деятельность, которая бывает сложной, но очень интересной и требует полного соучастия детей. Наряду с этим нужно всегда учитывать ещё одну специфическую характеристику игровой деятельности: она всегда подчинена единой учебной задаче и зависит от темы изучаемого предмета.

Общеизвестно, что подача материала в игровой форме оказывает благотворное влияние на усвоение новых знаний, положительно сказывается на темпе урока и способствует повышению у детей интереса к изучаемому предмету. Игровая форма позволяет педагогу перенаправлять энергию детей в учебное русло, у детей же появляется возможность ощутить в действии новые понятия, а не «зазубривать» их в виде готовых шаблонов.

Уже изученные свойства игры – это своего рода «золотая жила» для педагогов, потому что они открывают большие перспективы, направленные на грамотное решение многих образовательно-воспитательных задач. Для этого педагогу необходимо нау-

читься управлять игрой, а также научиться правильно применять её в педагогических целях.

Игра является одним из главных видов деятельности в ходе развития человека. Деятельность – это «активное взаимодействие живого существа с окружающей действительностью, в ходе которой оно выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяет свои потребности» [2, с. 122].

Таким образом, игра как вид деятельности сосредоточена на постижении детьми действительности посредством прямого участия в ней. Это является целью игры, и, разумеется, дети её умышленно не ставят. Цель игры объединяется с её мотивом, так как основное желание, направляющее инициативность детей на участие в игре, это неутолимая и сильная жажда в получении нового опыта и знаний.

Средствами игры выступают:

1) новые сведения о людях и их действиях, которые выражены в образах, речи и действиях детей;

2) методы взаимодействия с определёнными предметами в определённых жизненных обстоятельствах;

3) нравственные оценки, выступающие в суждениях о конкретных действиях.

Функции игры также многогранны: игра положительно сказывается на развитии, воспитании, социализации детей, а также даёт отдых. Все эти характеристики являются компонентами образовательного процесса.

Результатами игры являются более обширные суждения детей об определённой деятельности и окружающем мире, а также становление и/или укрепление дружеских чувств, гуманного отношения к людям, развитие многочисленных интересов и умственных способностей детей, которые способствуют дальнейшему познанию мира, однако самый важный результат игры – удовлетворённость детей на уровне чувств и эмоций самим процессом игры, отвечающим, в полной мере, их интересам и требованиям в действенном познании действительности.

Применение игровой формы обучения – это один из способов формирования

учебно-познавательной деятельности; это не просто приём для развлечения детей, это приём, который обладает огромным эвристическим и убеждающим потенциалом. «Игровая форма, введённая в систему традиционного обучения, позволяет применять все уровни усвоения знаний: от воспроизводящей деятельности через преобразующую к главной цели – творческо-поисковой» [1, с. 44].

На основе личного экспериментального опыта подачи материала в игровой форме на уроках английского языка можно сделать вывод, что дети разных возрастов с удовольствием принимают участие в любой предложенной педагогом игре. Интерес по большей части подпитывается тем, что дети стремятся получить наилучшие результаты, получая при этом возможности к представлению о предмете и осваивая наглядно-действенные структуры и операции мышления. Личностно ориентированный подход, направленный на формирование у детей позитивного отношения к процессу обучения, а также на развитие мышления, воображения и памяти – это концептуальная основа любой игры, психологическая составляющая влияния игр обнаруживается в интеллектуальном и эмоциональном росте детей.

Психологическая предрасположенность детей к восприятию учебного материала в игровой форме заключается в том, что детей нельзя заставить выполнять какое-либо задание или упражнение, если они не хотят; единственный способ активизации учебного процесса – заинтересовать детей, и игра или игровая форма способствует этому, потому что они способны вызвать у детей правильный эмоциональный отклик. Однако делать это нужно посредством развития и формирования всех качеств ребёнка с фиксированным положительным результатом, без снижения общей требовательности. Пробуждая игрой интерес детей на определённый раздел урока, необходимо приложить максимум усилий, чтобы этот обусловленный ситуацией интерес перерос в интерес к самой сути учебного действия, а не остался заинтересованностью лишь внешней формой игры.

Список литературы

1. Амонашвили Ш. А. Школа жизни. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили, 1998. 76 с.
2. Большой психологический словарь / сост. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 632 с.
3. Махова Л. В. Игровые методики. Верхний Уфалей: ДШИ, 2015. 25 с.

Т. М. Бут,
студент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

К вопросу о некоторых трудностях перевода сравнений с китайского языка на русский

В статье рассматриваются некоторые трудности и способы перевода сравнений с китайского языка на русский. В качестве материала для исследования была выбрана глава из романа “隐形的女人” китайской писательницы Сунь Пинь. Значительное внимание в работе автор акцентирует на воспроизведении признака сравнения в тексте перевода.

Ключевые слова: сравнение, способ перевода, трудности перевода, образные слова, признак сравнения

T. But,
Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

To the Question of Some Difficulties of Translating Comparisons from Chinese into Russian

The article is devoted to the problem of some difficulties and translation methods of comparisons from Chinese into Russian. A chapter from the novel “隐形的女人” by Chinese writer Sun Pin was chosen as a resource for the research. The author focuses considerable attention on the reproduction of the comparison feature in the translated text.

Keywords: comparison, translation method, difficulties of translation, figuratively words, comparison feature

Люди часто прибегают к сравнениям при описании предметов, явлений, ощущений и чувств. Чаще всего сравнения встречаются в художественной литературе. Для анализа их перевода была выбрана глава из романа «Невидимая женщина» (“隐形的女人”, 2012) молодой китайской писательницы Сунь Пинь. Это произведение характеризуется частотностью всевозможных сравнений и сравнительных оборотов: только в одной главе было выявлено 42 сравнения.

Сравнение – это троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании их общего признака [1, с. 438]. Использование в художественном тексте сравнений обусловлено авторским замыслом, писатель использует этот троп с целью оптимального выражения мысли. Только поняв авторский замысел, переводчик может адекватно интерпретировать смысл сравнения.

В разных языках структура сравнений неодинакова. Что касается структуры китайского сравнения, то она является строго регламентированной: в составе сравнения всегда выделяют сравниваемый объект или явление (本体), предмет или явление,

с которым происходит сопоставление (喻体), сравнительное слово (喻词) и основу сравнения, его признак (喻解), который часто бывает факультативным. Основной проблемой следует считать целесообразность воспроизведения признака сравнения, его основы. Рассмотрим некоторые способы перевода сравнений с китайского языка на русский, при этом особое внимание уделим воспроизведению в тексте перевода основы сравнения.

1. Сохранение образной основы сравнения и сравнительного признака.

Данный способ используется в том случае, когда иностранным читателям легко понять признак, лежащий в основе сравнения. Это самый распространённый способ перевода сравнений. Например: 所有约会的男人都像镜子, 她从里面照出了他们要什么样的女人。 [2, с. 84] – *Все мужчины на свиданиях, словно зеркала, в них она видит, какая женщина им нужна.*

Автор сравнивает людей с зеркалом, при этом в качестве основы для сравнения используется способность отражать объективную реальность. При таком способе перевода сам признак сравнения может не

озвучиваться, например: 他看出了她急于想结婚。像黄昏菜市场上急于出手的剩菜, 到明天早晨就更不好卖了。 [2, с. 90] – Он видит, как она торопится выйти замуж. Так же, как и продавец на овощном рынке, который вечером спешит продать оставшийся товар, ведь утром его, скорее всего, уже никто не купит.

Здесь желание женщины быстрее выйти замуж автор сравнивает с желанием торговцев быстрее сбыть свой товар. Образная основа сравнения и его признак понятны из контекста.

2. Сохранение образности сравнения и признака сравнения при опущении слов, обозначающих реалии китайской культуры.

Рассмотрим следующее предложение с данным типом сравнения: 一黑一白, 他们坐在桌子的两侧, 看上去像两枚意味深长的棋子。 [2, с. 82] – Они сидели по разные стороны стола, одна в чёрном, другой в белом, словно значимые шахматные фигурки.

Здесь люди, одетые в белое и чёрное, по цвету сравниваются с «шахматными фигурками»; автор использует сравнение на основе визуального восприятия, также имеющее значение «противостояния», которое характеризует отношения между этими людьми. Также слово 棋子, как правило, обозначающее деревянные шашки с китайскими символами, предназначенные для игры в сянци или вэйци, заменяется понятным русскому читателю выражением «шахматная фигурка»; несмотря на небольшое изменение изначального образа, он оптимален для русского читателя, оставаясь во многом близким оригинальному сравнению.

3. Полное изменение образа, лежащего в основе сравнения, в целях эквивалентной передачи сравнительного признака.

Изначальный образ не переводится дословно и не подвергается каким-либо частичным изменениям, вместо этого подбирается аналогичный вариант, более по-

нятный русскому читателю. Например, 她在这条壕沟里已经栽倒不知道多少回了。 [2, с. 92] – Сколько раз она уже наступала на эти грабли, она и не помнит.

Автор в этом предложении использовал сравнение, чтобы передать повторяемость совершения одних и тех же ошибочных действий. В китайском предложении это выражено с помощью высказывания 栽倒在这条壕沟里 (падать в эту канаву), в русском с помощью функционального аналога – наступать на эти (одни и те же) грабли. В этом случае также не озвучивается основной признак сравнения.

4. Использование приёма «расширения».

В предложении 她坐在那里, 像个紧张的演员, 她很想抽烟。 [2, с. 85] – Она сидела там, словно волнующийся перед выступлением артист, ей очень хотелось курить – автор сравнивает волнение женщины перед важной для неё встречей с волнением артиста перед выходом на сцену. При переводе произошло добавление словосочетания «перед выступлением», в целях сделать переводимый образ более понятным. С помощью приёма «расширения» произошла интерпретация признака сравнения.

Таким образом, при переводе сравнений задача переводчика заключается в том, чтобы помочь читателю в полной мере понять мысль, облакаемую автором оригинала в сравнение. Для этого следует учитывать цель и стратегию автора, образность сравнений; всё это помогает понять механизм и признак сравнений, а также принять решение, нужно ли воспроизводить признак сравнения в тексте перевода. Очевидно, что в большинстве случаев он опускается, поскольку основа сравнения понятна русскому читателю. В тех случаях, когда основа сравнения неясна, переводчик должен прибегать к особым способам интерпретации сравнительного признака и перевода таких сравнений.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. 鱼吻/孙频著. 春风文艺出版社, 2017. 193页.

СЕКЦИЯ «Национальная модель мира и межкультурная коммуникация»

УДК 008:82-3

Т. В. Воронченко,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Стачка (huelga) как катализатор межкультурной коммуникации в романах Ж. Ливи и Д. Чандлера

Автор статьи обращается к романам писателей-чиканеска Ж. Ливи и Д. Чандлера, представляющим художественное осмысление «виноградной стачки» – этносоциального конфликта, возникшего в США в конце 1960-х годов. Статья посвящена исследованию особенностей отображения в художественном тексте стачечной борьбы как катализатора межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, стачка, литература чиканеска, литература чикано

T. Voronchenko,
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Labor Strike (Huelga) as Activator of Intercultural Communication in J. E. Levy and D. Chandler's Novels

The author deals with the chicanesca novels by J. E. Levy and D. Chandler, representing ethno-social conflict in the USA in the end of 1960s. The article examines the special aspects of labor strike conflict depiction as an activator of intercultural communication in literary text.

Keywords: intercultural communication, labor strike, chicanesca literature, chicano literature

В рамках литературы чиканеска¹ [7; 8, с. 80] особую и наиболее значительную группу составляют произведения о борьбе сельскохозяйственных рабочих Калифорнии за свои права. Это не случайно. Социально-критическое направление в

литературе США всегда было активным и сильным, и в данном случае американские авторы не упускают возможности освоить новое тематическое поле, обработать оригинальный материал социального плана.

Специальный интерес с точки зрения развития социальных и межкультурных коммуникаций в документальных и художественных произведениях представляет серия о «виноградной» стачке 1969 года в Делано, Калифорния, и её вожаке Сеса-

¹ Чиканеска (chicanesca/chicanesque) – термин, введённый в 1976 году Франсиско А. Ломели и Дональдо Уриосте для обозначения литературных произведений, посвящённых чиканос, однако, написанных авторами, не являющимися мексикано-американцами по происхождению.

ре Чавесе. Стачное движение полевых рабочих под предводительством Чавеса, развернувшееся на виноградных полях в Калифорнии и растянувшееся на пять лет (1965–1970 гг.), становится ярким фактом современной истории, даёт толчок новому витку диалога культур. Межкультурная коммуникация в связи с диалогом культур рассматривается как способ общения между представителями различных классов и культур [3]. В период общественных потрясений, какими являются переломные политические события и стачки, коммуникация приобретает наиболее острый характер.

Событиям «виноградной стачки» в американской литературе посвящён ряд произведений документально-публицистической и художественной прозы. К числу первых принадлежит документальное повествование Жака Ливи «Сесар Чавес. Автобиография Ла Каузы» (*The Autobiography of La Causa*, 1975) и Сэма Кушнера «Долгая дорога в Делано» (*The Long Road to Delano*, 1975), к числу вторых – два одноимённых романа «Стачка» (*Huelga!*, 1966, 1970) Юджина Нельсона и Д. Чандлера. Наиболее показательны в плане воплощения особенностей межкультурного диалога в период обострения социального и межэтнического конфликта художественно-документальное повествование Жака Ливи «Сесар Чавес. Автобиография Ла Каузы» и роман Дэвида Чандлера «Стачка».

Объёмная книга Ж. Ливи (более пятисот страниц текста с двадцатью двумя фотографиями) являет собой многослойное произведение. Скрещение точек зрения и линий поведения персонажей, принадлежащих к разным культурам и социальным группам, даёт автору возможность создать масштабную панораму движения. Документальную основу произведения составляют выверенные факты биографии Сесара Чавеса и истории движения Ла Каузы описываемого периода. Вместе с тем, в повествовании Ливи обнаруживается способность факта, документа нести эстетический заряд.

Межкультурный диалог – складывающийся на страницах книги взаимоотношения автора, Сесара Чавеса и других многочисленных действующих лиц – определяет художественную структуру произведения. Автор не допускает отступлений ретроспективного характера, и тема получает последовательное развитие. Но само повествование мозаично. Вся книга – это цепь последовательно воспроизведённых фраг-

ментов воспоминаний, оценок, комментариев к событиям самого Сесара Чавеса, его родных, соратников, профсоюзных, общественных, политических и религиозных деятелей. Ж. Ливи умело использует в подаче материала газетный приём – «игру шрифтами». Вплетённые в основной корпус повествования, которое ведётся от имени Сесара Чавеса, вводные разделы глав, отдельные куски воспоминаний свидетелей событий, выдержки из записных книжек Ж. Ливи, телеграммы выделяются большим и малым курсивом.

Продуманная организация материала, отбор и творческое сочетание фрагментов речи придают документальному повествованию эстетическую значимость и максимально «работают» на глубокое раскрытие темы стачки как катализатора межкультурной коммуникации. Первые главы строятся как переключки в повествовании С. Чавеса и других участников происходящего. К моменту кульминации – решающему конфликту с объединением тимстеров (водителей грузовиков) особую силу приобретает дуэт: Сесар Чавес – Долорес Уэрта, вице-президент Объединённого союза сельскохозяйственных рабочих. Центральная седьмая глава «Сила ненависти» отдана целиком монологу Сесара Чавеса. В критический момент стачки С. Чавес настаивает на тактике ненасильственных действий, он обосновывает свои взгляды, по-своему интерпретируя философию Махатмы Ганди применительно к современным условиям. Сила движения кампесинос¹, упорно доказывает Чавес, не в противлении злу насилем, а в организованной мощи движения, в социальном диалоге рабочих и властей, в межкультурном диалоге англо-американцев, мексиканцев и представителей других национальностей. С учётом этого диалога писатель показывает, что добиться социальных перемен можно выступая единым фронтом согласно программе действий Союза. Позиция героя Ливи Сесара Чавеса как предводителя мультикультурного сообщества в целом выглядит так: ненасилие + социальная активность + самопожертвование.

Излагая устами героев хронику событий, выстраивая ассоциативные ряды, Жак Ливи создаёт публицистически яркий образ вожака Ла Каузы, мужественного, решительного, мудрого и стойкого чикано, обладающего особым даром выстраивать

¹ Кампесино (исп. *El Campesino*) – крестьянин.

отношения и разговаривать с людьми. Лирическую струю в повествование вносят монологи и диалоги Элен Чавес, жены Сесара. Лиризм повествования усиливается включением в текст корридос, посвящённых С. Чавесу и движению:

И в том году шестьдесят втором
Уверенно и сильно
Мы начали большой поход
За нас, за кампесино.
Его возглавил волонтир –
Наш Сесар – доброволец,
И Сесар Чавес – пилигрим
Судьбе навстречу вёл нас [6, с. 250].
(*The Corrido of Cesar Chavez*,
пер. Т. В. Воронченко)

При раскрытии темы очевидно, что три ключевые проблемы: подачи факта, авторской позиции и художественной образности, – через диалог определяют идейно-художественное своеобразие произведения. Можно говорить также и об определённой «кинематографичности» как специфической черте стиля Жака Ливи, она включает в себя зрительность (которую усиливают более двадцати фотографий), наглядность, динамику, монтажность, которые позволяют прочувствовать взаимосвязи людей и их коммуникацию.

Таким образом, автор чётко следует англо-американской литературной традиции в области формы и идейного содержания, образно-тематический строй произведения, в свою очередь, определён мексикано-американской (чикано) художественной традицией, позволяющей раскрыть силу социокультурного периода стачки.

Повествование Ж. Ливи принадлежит к новому направлению американской документалистики конца 1960-х – начала 1970-х годов, в котором ярко проявляется тенденция к развитию прогрессивных традиций «красных тридцатых». В США появление «литературы факта», «литературы документа» непосредственно связано с бурными общественными сдвигами, движениями протеста [4]. Эту литературу вызвали к жизни социальные потребности общества [1]. Повествование Ж. Ливи воспроизводит панораму движения Ла Кауза и оставляет для истории яркий портрет его лидера – чикано Сесара Чавеса в его взаимосвязи с людьми, которых он ведёт за собой.

С художественным преломлением события «виноградной стачки» мы встречаемся в романе Д. Чандлера «Стачка» (*Huelga*, 1970, русский перевод под названием «Стачка в зелёной долине», 1975).

Содержание романа прямо перекликается с происходящим в действительности – стачкой 1969 года. Социальный конфликт перенесён непосредственно из жизни на страницы художественного произведения. В этом – своеобразие романа, который также представляет собой явление, характерное для литературной жизни США семидесятых годов XX века, когда «приёмы публицистики, издавна считавшиеся принадлежностью журналистики, перекочевали в художественную прозу и всё чаще применяются в американской литературе» [2, с. 194].

В стачечном романе Д. Чандлера явно проступают элементы документализма и черты публицистики. Симптоматично, что Д. Чандлер прошёл путь в литературу через школу журналистики – в его романе явно просматриваются газетные приёмы. Наиболее значительным из них является репортажность в подаче материала. Начало многих глав похоже на передачу прямого сообщения с места событий: «В то утро, когда подошёл первый автобус со штрейкбрехерами, доставленными вербовщиками, пикетчики уже ждали возле ранчо» [5, с. 97]; «В штабе профсоюза трещали разом оба телефона» [5, с. 106]; «Пикап мексиканской полиции мчался по гравиевой дорожке в сторону пограничного пункта» [5, с. 176], за счёт чего автор достигает эффекта многоголосия.

Сама последовательность развития событий на страницах романа ощутимо определена хроникой стачки 1969 года. Таким образом, публицистика подводит фактическую базу под художественное произведение Д. Чандлера.

Прототипом одного из главных героев – Даниэля Гарсиа – является Сесар Чавес. В выступлениях Гарсиа прочитывается программа действий лидера сельскохозяйственных рабочих – Чавеса. Ключевой сценой романа является сцена импровизированного интервью героя на ступенях суда. Даниэль говорит окружившим его репортёрам: «Мы пришли сюда не на день и на не два – мы здесь живём. <...> Сегодняшнюю драку начали не мы, хоть за неё бросили в тюрьму наших товарищей, но даже если хозяева спровоцируют тысячу драк, мы всё равно не уйдём. Нам некуда уходить. Это наш мир» [5, с. 103].

В романе Д. Чандлера мы сталкиваемся с художественным освоением пласта реальной жизни. Д. Гарсиа, безусловно, не тождественен С. Чавесу. Чавес – потом-

ственный сельскохозяйственный рабочий. Гарсиа в романе – выпускник престижного колледжа, профсоюзный деятель в Вашингтоне, удачно начинавший восхождение по ступенькам деловой карьеры. Если говорить о прототипах, то в образе Д. Гарсиа, помимо узнаваемых черт С. Чавеса, можно уловить и штрихи к портрету другого видного деятеля движения, основателя народного театра «Кампесино» – Луиса Вальдеса, который пришёл в Ла Каузу из стен университета.

Автор избегает традиционного для стачечных романов схематизма в обрисовке героя: образ полнокровен, и отличительной его чертой являются множественные крепкие связи с людьми стачки, которым он посвящает свою жизнь. Две сюжетные линии определяют личную жизнь героя во всей её полноте и сложности: Д. Гарсиа – Сьюзен Богдан, Д. Гарсиа – Кармен Эррера. Сьюзен – первая любовь Даниэля, ставшая женой землевладельца. Кармен – вдова активиста, друг и товарищ по борьбе. Две женщины в судьбе Даниэля – два социальных полюса в жизни. Диалоги героя с ними помогают выстроить лирический пласт произведения.

Д. Чандлер показывает, что популярность вожака стачки достигается не какими-то качествами супермена, а теснейшими связями с участниками движения. Он хорошо знает их нужды и чаяния, и потому отстаивает их без колебаний. Гуманизм Д. Гарсиа противостоит антигуманным действиям власть имущих, с которыми он неизменно полемизирует. В городке устраивается травля профсоюза и охота на его руководителя. Автор умело показывает игру на обывательских страстях, их сознательное разжигание заинтересованными лицами от представителей прессы до местных служителей церкви.

Воплощая социальный конфликт, Д. Чандлер задевает и национальную проблему, видя её разрешение в движении к мирному диалогу различных культур. Лейтмотивом в романе проходит мысль о

«расе»³. Один из героев так характеризует это понятие: «Мы особая раса: не мексиканцы, не американцы, не индейцы, а единый сплав, мы росли корнями в эту землю задолго до того, как на нас напали испанские пришельцы» [5, с. 203].

Социальный конфликт определяет динамику сюжета. В романе действуют две основные полярные силы, две стороны межкультурного диалога. На одном полюсе – Даниэль, поддерживающие его кампесинос и белые американцы: Кармен Эррера, адвокат Хесус Лопес, журналист Гарри Клауд, учительница Джейн Гарт. На другом – землевладелец Стивен Богдан, бывший однокашник Даниэля, банкир Ларри Оуэнс, профсоюзный босс Джо Джессен, бывшая хозяйка публичного дома Эдди Шарп.

Д. Чандлер не проходит мимо разногласий в лагере рабочих из числа чиканос. Рисуя образ Энрике Монтойя, экс-звезды эстрады, прошедшего житейский путь от легкомысленного американизированного баловня судьбы, скрывающего принадлежность к своему народу, до крайне радикального и яростного борца за интересы кампесинос, Д. Чандлер также указывает на неоднородность движения и опасность зарождения экстремизма в его среде, что мы узнаём через многочисленные диалоги и монологи главного героя и других персонажей.

Разными средствами раскрывая тему забастовочного движения как катализатора межкультурной коммуникации на территории Юго-Запада США, Ж. Ливи и Д. Чандлер в публицистически обнажённой форме доносят до читателя суровую науку стачки и комплекс идей чиканизма, составляющих стержневую основу движения «Правое дело». Во всей полноте и многогранности воспроизводят они динамическое понятие межкультурного диалога во время обострённого общественного конфликта, вызванного к жизни культурными и социальными противоречиями в американском обществе.

Список литературы

1. Несмелова О. О., Коновалова Ж. Г. Новый журнализм: теоретические принципы и их художественное воплощение // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 2. С. 245–258.
2. Оленева В. И. Социальные мотивы в американской новеллистике (60–70-е годы). Киев: Наукова думка, 1978. 208 с.

¹ Имеется в виду провозглашённая чикано так называемая «бронзовая раса» – раса метисов.

3. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: КноРус, 2014. 254 с.
4. Харитонов Д. В. «Новый журнализм» в сравнительно-исторической перспективе (программы литературного освоения факта в США 1960-х годов и в России 1920-х): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2010. 24 с.
5. Чандлер Д. Стачка в зелёной долине. М.: Прогресс, 1975. 318 с.
6. Levy J. The Autobiography of La Causa. Univ Of Minnesota Press, 2007. 600 p.
7. Lomely F., Urioste D.W. Chicano Perspectives in Literature: A Critical and Annotated Bibliography. Albuquerque, NM: Pajarito Publications, 1976. 120 p.
8. Voronchenko T.V. American Studies in Russia: Learning Chicana/o Literature in Siberia Chita, Russia. International Perspectives on Chicana/o Studies "This World Is My Place". New York: Routledge, 2014. P. 70–88.

УДК 821

Р. Г. Жамсаранова,

*доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Н. Н. Цыренова,

*магистрант,
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия*

Тема-рематическая организация темы *тоски* в романе Д. О. Батожабая «Похищенное счастье»

*В данной статье обсуждается лингвистический анализ национального текста путём анализа тема-рематической организации темы *тоски*.*

Ключевые слова: *тоска, тема-рематическая конструкция, дискурс*

R. Zhamsaranova,

*Doctor of Philology, Assistant Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

N. Tsyrenova,

*Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Theme and Rheme Construction of the Topic “Melancholy” of the National Text “The Stolen Happiness” by D. O. Batozhabai

This article deals with the linguistic analysis of the national text through the analysis of the theme and rheme construction of the topic “melancholy”.

Keywords: *melancholy, theme and rheme construction, discourse*

Целью данной статьи является раскрытие смысла и сюжета романа «Похищенное счастье» с точки зрения дискурса посредством анализа тема-рематической организации текста восприятия темы *тоски*, поднимаемой автором. Тема-рематическая организация текста представляет собой одну из составных дискурс-анализа художественного (и не только) текста. Заметим, что дискурс также иногда воспринимается как текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокуль-

турными факторами, которые способны сформировать дискурс дополнительным набором ограничений, заданных природой искусства, включая и эстетическую функцию, и способы выражения [4, с. 641–643].

Дискурс имеет составляющие – тему и ремю, анализ которых позволяет воссоздать наиболее полное представление о том, что хотел передать автор того или иного произведения своим читателям.

Тема или тематическая часть предложения содержит то, что является пред-

метом высказывания, рематическая (или рема) – то, что о нём сообщается как новая информация. Нетрудно увидеть, что такая характеристика темы и ремы предложения имеет сходство с традиционным определением главных членов предложения, подлежащего и сказуемого. В данной статье предпринята попытка комплексного описания тема-рематической организации и предложения, и темы как основной смысловой константы романа.

В романе «Похищенное счастье» автором поднимается тема *тоски* – тоски по Родине, по семье и по любимой. К примеру, в отрывке из оригинального текста: «Аламжин *уйдхар*, *гуниг* ехэл хүндэ байба бэе-махабадай үбшэнһөө: – Түрэнэн нюагнни ямаршье һайхан гэшэбдаа. Аяар холо, Агымнай талада, Алхана уулын оёрто Жалма ба хүүгэдни намай хүлээжэл байна» [2, с. 179] / «Аламжи молчал. Его печаль и душевная боль была куда сильнее физической – “Всё же родина милее всего на свете. Там, далеко, в Агинских степях, у подножия священной Алханы, меня ждут милая Жалмахэн, детишки”» [1, с. 342]. Тема *тоски* передаётся словами *уйдхар* и *гуниг*, имеющими значение «печаль, грусть, тоска, уныние» [3, с. 160]. Тема *тоски* по родине проявляется в словах описания родных мест: «Аяар холо, Агымнай талада, Алхана уулын оёрто» / «Там, далеко, в Агинских степях, у подножия священной Алханы».

Также в данном отрывке можно проследить тему *тоски* по любимой и семье. Так, к примеру, употребление слова *хүүгэдни*, где *-ни* передаёт значение «мои дети», а также использование суффикса с уменьшительно-ласкательным значением *-хэн* в имени жены героя романа Аламжи Жалмахэн использованы для передачи душевной близости и привязанности супругов.

Отметим, что автор использует синонимы ключевого слова *тоска* – *уйдхар*, *гуниг*, *гашуудал* – «печаль, грусть, скорбь, тоска, уныние», что позволяет определить организацию текста как цепную посредством синонимических повторов основной темы. Для героя романа Аламжи тоска и по Родине, и по семье, и любовная тоска тесно переплелись, и выражают единое чувство уже безысходной печали (уже не грусти, и не тоски), впечатляя читателя.

В лингвистике тема-рематическая организация текста играет одну из ключевых ролей как при создании текста, так и при его восприятии и интерпретации читателем.

Помимо цепной связи предложений (о тоске героя) в тексте романа, где тема *тоски* выражена синонимами, наблюдается наличие и параллельной связи, когда предложения не зависят непосредственно друг от друга, но обычно построены вокруг какого-нибудь центрального тезиса или образа. Каждое из них выглядит самостоятельным по содержанию, но при этом является частью какого-то общего перечня, сопоставления или противопоставления.

Этот вид связи очевиден и на примере другого отрывка: «Шаралдайн тугалай гэрсоо байдаг үншэн Жалмын шарай ханахадаа хүбүүн бээе бариба. Сэдьхэлэй үбшэн ехэл хүндэ болобо. Бороогой уһан мэтэ хүлһэн хамаг бээһээнһэ һабажа: “Жалма-а! Жалмамни, харыш!” гээд бурханай ном уншахын орондо хашхарха дураниинь хүрэнэ» [2, с. 236] / «Но тут он вспомнил лицо сиротки Жалмы, живущей в телятнике Шаралдая, и сдержал себя. Боль усиливалась. Лицо Аламжи покрылось крупными каплями пота. Вместо молитвы ему захотелось закричать: “Жалма! Жалмахэн!”» [1, с. 454].

Темой, т. е. информацией, которая нам известна из отрывка, является образ его жены по имени Жалма, трижды встречающаяся в предложениях (Жалмын, Жалма-а, Жалмамни). Ремой – информацией, которая нам неизвестна, но возможно извлечь из анализа, являются словосочетания *үншэн Жалмын шарай* («лицо сиротки Жалмы»), *сэдьхэлэй үбшэн* («душевная боль»), *бороогой уһан мэтэ хүлһэн* («крупными каплями пота»), *хашхарха дураниинь хүрэнэ* («захотелось кричать»).

Ключевыми, на наш взгляд, являются слова *сэдьхэл* «душа» и *үбшэн* «боль», использованные для передачи душевной боли и главной причины всех терзаний чувств Аламжи. В такие мучительные минуты он думал о Жалме, невольно возвеличив её в Бога. Известно, что в тяжёлых ситуациях любой человек сразу обращается к Богу. Однако автор романа описывает привязанность своего главного героя Аламжи к жене Жалме, что воспринимается как отказ от отца, а значит и от Бога. В буддизме свято соблюдаются каноны о святости семьи, сохранении семейного очага, важности соблюдения уважения к старшим. Аламжи, послушавшись своего отца, не только оскорбил тем самым традиционные устои, но и прямо отрёкся от своего отца Наван-Чингиза. Таким образом, он обрёк не только себя, но и Жалму с сыновьями на жестокое будущее.

Автору романа удалось передать всю невысказанную боль разлучённой жизнью молодой пары посредством подбора не только синонимов слова *тоска*, символизирующей бранный путь Аламжи, а также слов *сэдьхэл* «душа» и *үбшэн* «боль», т. е. *тоска* это не грусть, не скорбь, не уныние и даже не печаль, а душевная боль, раздирающая сердце Аламжи. Читатель, в свою очередь, воспринимает текст наиболее

ярко и глубоко за счёт построения тематической связности текста в отдельных сюжетных линиях как верифицированный аспект темы *тоски*.

Таким образом, при попытках проведения дискурс-анализа художественного произведения важную роль играют тема-рема-тическая организация текста как составная дискурс-анализа, позволяющая читателю понять закладываемый автором смысл.

Список литературы

1. Батожабай Д. О. Похищенное счастье. Улан-Удэ: Республ. тип., 2006. 844 с.
2. Батожабай Д. О. Тооригдэһэн хуби заяан. Улан-Удэ: Бурядайд Номой Хэблэл, 1966. 360 с.
3. Бурятско-русский словарь: Буряад-Ород Словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 803 с.
4. Попова Е. С. Текст и дискурс: дифференциация понятий [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2014. № 6. С. 641–643. Режим доступа: <https://www.moluch.ru/archive/65/10692> (дата обращения: 23.09.2018).

УДК 008:81-2

Р. Г. Жамсаранова,

*доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Е. Г. Батурина,

*магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Антропоним в аспекте межкультурной коммуникации

Статья посвящена обзору ряда архивных документов, в которых зафиксирован процесс принятия православной веры тунгусским населением Нерчинского уезда. Сменой антропонимического состава сопровождался процесс смены и традиционной веры – шаманизма – на православное верование. Эти исторические факты обусловили любопытные моменты межкультурного диалектного взаимодействия отличных друг от друга антропонимических систем.

Ключевые слова: обращение в православную веру, тунгусы Нерчинского уезда, антропоним, архивные документы

R. Zhamsaranova,

*Doctor of Philology, Assistant Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

E. Baturina,

*Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Anthroponym in the Aspect of Cross-Cultural Communication

The article presents a review of the number of archive sources where the process of acceptance of Orthodox faith by Tungus population of Nerchinsk Uezd was recorded. Change of traditional anthroponymic system was accompanied by the process of changing the traditional belief – Shamanism into Orthodox Christianity. These historical facts determined some interesting aspects of cross-cultural diachronic communication of two different anthroponymic systems.

Keywords: conversion into the Orthodox religion, Tungus people of Nerchinsk Uezd, anthroponym, archive documents

Данная статья посвящена описанию ономастической информации на материале архивных документов XIX века фондов Государственного архива Забайкальского края (далее – ГАЗК). Дореволюционные фонды ГАЗК располагают бесценной информацией об одном из важнейших периодов в истории Восточного Забайкалья – периоде расширения Российской империи за счёт продвижения на восток евразийского континента и колонизации огромных сибирских просторов. Известно, что в комплекс колонизационной политики входило и приведение аборигенного населения в православие. Не избежало этого и тунгусское население князя Гантимура.

В плане постановки проблемы по исследованию тунгусской антропонимии в статье представлено описание определённого исторического периода – приведение тунгусского населения князя Гантимура в православие и обусловленные этим историческим фактом моменты межкультурного взаимодействия разных антропонимических систем разных народов.

Переход в христианскую веру тунгусского населения повлёк за собой процесс нового имянаречения, изменения антропонимов, существовавших веками у местных жителей, на совершенно новые, им неизвестные, а потому и чужие имена. Иностранцам при принятии православия присваивалось имя, которое коренным образом отличалось от его собственного, прежнего имени.

«Новое» имя произносилось и писалось иначе и, конечно же, имело совершенно другой смысл, другую культуру. Человек перерождался, становился новым человеком. Исчезал инородец, появлялся христианин, православный крестьянин [1, л. 500].

Исследования учёных показывают, что в то время не было определённого смысла в имянаречении [4]. Тунгусам присваивались христианские имена без определённой системы, не исключая и того, что их выбор был обусловлен сходством или созвучием прежнего имени с новым, уже русским.

Проводя исследование архивных документов XIX века, мы обнаружили следующие данные, которые служат яркой иллюстрацией данного тезиса. Например, «Дело о принявших Святое крещение тунгусах 1834 год» содержит «Список о крестившихся инородцах подлежащих крещению на (неразборчиво) льготу», где даны сведения об изменении тунгусских имён на христианские при условии принятия новой веры.

Екданы Дыгвистуевы при крещении были наречены Иваном Пляскиным.

Нагда Тургаровы стали носить имя Федор Подгорбунский.

Юшунь Фургасовы были окрещены Трофимом Гантимуровым.

Бату Садоповы стали Василием Плотниковым.

Бадочи Токикоевы – Алексеем Луговым.

Тугутур Унаковы – Николаем Ивановым.

Тугуть Бедровы сменили своё имя на Константина Игумова, а Нермо Акбарсов – на Михаила Петрова.

Арчину Баридины было дано имя Федор Сухановы [1, л. 499–500].

Дополнительным материалом может служить ряд выборочных фактов о принятии тунгусами православной веры с обязательным «крещением», повлекшим и смену антропонимов – языческих (прежних) на русские. Так, в деле «О восприятии Священного Крещения инородцами» от 1843 года указаны следующие сведения:

Арчипы Баридины, приняв новую веру, стали Федором Сухановым [2, л. 2].

Пронка Солонгаевы по крещению именовались Прокопий Фоминь [2, л. 23].

Гивки Дыгилдтевы были окрещены Гаврилой Пляскиным.

Двигерка Купчийчуевы стали носить имя Дмитрий Богдановы [2, л. 25–26].

Диахронный аспект межкультурной коммуникации, обусловленный временем, периодом условного вхождения в новое имперское сообщество, представляет собой практически неизученную область. Моменты взаимодействия тунгусского населения Забайкалья и пришедшей новой власти имели ярко выраженный характер, не всегда положительный, однако неумолимый и бескомпромиссный.

Принятие православной веры тунгусским населением было связано не только с условием обращения в новую веру, но и с условием следования новому образу жизни, т. е. русскому – «строить избы, одеваться, “прозываться” как русские (т. е. иметь русские имена)». Крещение при этом было выгодным для тунгусов, т. к. предоставляло коренному населению и ряд преимуществ: русские миссионеры, чиновники по высочайшему указу освобождали их от уплаты ясака на несколько лет, обеспечивали землёй, оказывали материальную помощь в виде так называемых «подарков» [4].

Такие выгодные условия способствовали широкому распространению новой веры

среди аборигенного населения Нерчинского уезда. К тому же новой державной власти было необходимо любыми способами закрепиться на новой земле. Царская власть решила эту проблему посредством христианизации коренного населения, обращения его в православную веру, происходившего как насильственным путём, так и мирным способом. Последний имел более широкое распространение, т. к. тунгусы быстро осознали материальную выгоду этого процесса. Известно, что за «принятие святого крещения» новокрещённым полагались всякого рода льготы [4].

Взаимодействие двух разных культур привело к заимствованию культурных ценностей, религии, языка, мировоззренческих представлений. Межкультурный коммуникативный процесс привёл к тому, что антропонимическая система аборигенного тунгусского населения изменилась до неузнаваемости, исчезла, произошла смена самой модели фамильного антропонима. Языческие имена коренного населения

(тунгусов) заменились русскими фамилиями и именами и были утрачены в вековой памяти одного из коренных народов Забайкалья – тунгусов Нерчинска.

Согласно историческим исследованиям, полный переход коренного тунгусского народонаселения Нерчинска на русскую антропонимическую систему датирован началом XX века. Т. Б. Уварова в своей книге «Нерчинские эвенки в XVIII–XX вв.» отмечает, что в материалах переписи 1926 года произошло полное и «внезапное исчезновение» тунгусского населения в Забайкалье. Языческие имена были полностью ассимилированы в русские [5, с. 123–124]. Р. Г. Жамсаранова в статье «Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской Степной думы XIX в.» высказывает предположение о том, что «христианизация, вероятно, и явилась тем основным фактором “исчезновения” тунгусов Забайкалья и “появления” старожильческого (не пришлого) русского населения» [3, с. 16].

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 55. Оп. 1. Д. 45. Л. 499, 500–500 об.
2. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 3. Д. 21. Л. 2, 23, 25, 26.
3. Жамсаранова Р. Г. Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской Степной думы XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 11–17.
4. Запекина Л. И. Этнография народов Сибири. Особенности в осуществлении православного обряда крещения на территории Забайкалья (XVII–XIX) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 25.09.2018).
5. Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX вв. М.: ИНИОН РАН, 2006. 172 с.

УДК 81-2

Е. А. Юйшина,

*кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

М. А. Юйшин,

*специалист по УМР, переводчик,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Китайская система циклического летоисчисления

В статье рассматриваются система летоисчисления древнего Китая, основанная на циклических знаках, сочетание «небесных стволов» и «земных ветвей» в шестидесятилетнем цикле, а также специфические особенности измерения времени.

Ключевые слова: *система летоисчисления, земные ветви, небесные стволы, зодиакальный цикл, измерение времени (ночные стражи)*

E. Yuyslina,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

M. Yuyslin,
Specialist in SMW, Translator,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Chinese Cyclic Timeline System

The chronology (cycle) dating system of ancient China based on cyclic signs, combination of characters in the 60-year cycle, combination of "heavenly stems" and "earthly branches", as well as special features of time measurement are observed in the article.

Keywords: chronology(cycle) dating system, "heavenly stems", "earthly branches", zodiac cycle, time measurement (night watch)

Китайское циклическое летоисчисление – это 60 лет. В каждом 60-летнем цикле двенадцать «земных ветвей», десять «небесных стволов».

10 небесных стволов 十天干:	12 земных ветвей 十二地支:
甲 (jiǎ)	子 (zǐ)
乙 (yǐ)	丑 (chǒu)
丙 (bǐng)	寅 (yín)
丁 (dīng)	卯 (mǎo)
戊 (wù)	辰 (chén)
己 (jǐ)	巳 (sì)
庚 (gēng)	午 (wǔ)
辛 (xīn)	未 (wèi)
壬 (rén)	申 (shēn)
癸 (guǐ)	酉 (yǒu)
	戌 (xū)

亥 (hài) «Земным ветвям» соответствует 12 животных знаков, «небесным стволам» соответствует Пять стихий космогонии (Земля, Дерево, Металл, Огонь, Вода), повторённые дважды: в женской космогонической силе Инь и мужской Ян. Десяти «небесным стволам» соответствует и пять цветов (сине-зелёный, красный, жёлтый, белый, чёрный). Начинается 60-летний цикл сочетанием знаков 甲 (jiǎ) 子 (zǐ), а заканчивается 癸 (guǐ) 亥 (hài). Каждый циклический знак имеет своё значение. При этом, если «земные ветви» разделить по принципу «чётные и нечётные», цзи-оу (奇偶jǐǒu), то знаки 子 (zǐ), 寅 (yín), 辰 (chén), 午 (wǔ), 申 (shēn), 戌 (xū) относятся к началу Ян (阳yáng), а знаки 丑 (chǒu), 卯 (mǎo), 巳 (sì), 未 (wèi), 酉 (yǒu), 亥 (hài) относятся к началу Инь (阴yīn). Если же рассматривать земной зодиакальный цикл в соотношении с четырьмя сезонами, среди кото-

рых весна и лето принадлежат к началу Ян (阳yáng), а осень и зима – к началу Инь (阴yīn), то циклические знаки 寅 (yín), 卯 (mǎo), 辰 (chén), 巳 (sì), 午 (wǔ), 未 (wèi) следует отнести к началу Ян (阳yáng), а 亥 (hài), 子 (zǐ), 丑 (chǒu), 申 (shēn), 酉 (yǒu), 戌 (xū) – к началу Инь (阴yīn). Соответственно, шесть животных знаков Тигр, Дракон, Змея, Лошадь, Баран и Петух имеют отношение к началу Ян (阳yáng), а знаки Мышь, Буйвол, Заяц, Обезьяна, Собака и Свинья относятся к женскому началу Инь (阴yīn).

Пять Стихий также имеют отношение к пяти планетам, пяти вкусовым ощущениям, пяти музыкальным тонам и пр.

Каждый из 12 знаков «земных ветвей» можно охарактеризовать подробнее, соотнося со сторонами света, Стихией, природным началом и животным покровителем.

子 (zǐ)	цзы	Мышь	Ян	Вода	Север
丑 (chǒu)	чхоу	Буйвол	Инь	Земля	Центр
寅 (yín)	инь	Тигр	Ян	Дерево	Восток
卯 (mǎo)	мао	Заяц	Инь	Дерево	Восток
辰 (chén)	чхэнь	Дракон	Ян	Земля	Центр
巳 (sì)	сы	Змея	Инь	Огонь	Юг
午 (wǔ)	у	Лошадь	Ян	Огонь	Юг
未 (wèi)	вэй	Баран	Инь	Земля	Центр
申 (shēn)	шэнь	Обезьяна	Ян	Металл	Запад
酉 (yǒu)	ю	Петух	Инь	Металл	Запад
戌 (xū)	суй	Собака	Ян	Земля	Центр
亥 (hài)	хай	Свинья	Инь	Вода	Север

Характеристика «небесных стволов» в соотношении с Пятью стихиями и частями света.

甲 (jiǎ)	цзя	Коньковая балка	Дерево	Восток
乙 (yǐ)	и	Цветы и фрукты	Дерево	Восток
丙 (bǐng)	бин	Солнце	Огонь	Юг

丁 (<i>dīng</i>)	дин	Фонарь и свеча	Огонь	Юг
己 (<i>jǐ</i>)	цзи	Поля и сады	Земля	Центр
庚 (<i>gēng</i>)	гэн	Секира, топор	Металл	Запад
辛 (<i>xīn</i>)	синь	Головное украшение	Металл	Запад
壬 (<i>rén</i>)	жэнь	Реки	Вода	Север
癸 (<i>guǐ</i>)	гуй	Дожди и росы	Вода	Север

Сочетанием циклических знаков «земных ветвей» и «небесных стволов» в старом Китае обозначали сезоны сельскохозяйственного календаря, месяцы и время суток. В настоящее время ими пользуются при порядковом счёте и классификации, для обозначения временных отрезков, в гадании, науке *фэн-шуй* 風水 *fēngshuǐ* и нумерологии.

Сочетание циклических знаков в 60-летнем цикле.

1 甲子 2 乙丑 3 丙寅 4 丁卯 5 戊辰 6 己巳 7 庚午 8 辛未 9 壬申 10 癸酉
 11 甲戌 12 乙亥 13 丙子 14 丁丑 15 戊寅 16 己卯 17 庚辰 18 辛巳 19 壬午 20 癸未
 21 甲申 22 乙酉 23 丙戌 24 丁亥 25 戊子 26 己丑 27 庚寅 28 辛卯 29 壬辰 30 癸巳
 31 甲午 32 乙未 33 丙申 34 丁酉 35 戊戌 36 己亥 37 庚子 38 辛丑 39 壬寅 40 癸卯
 41 甲辰 42 乙巳 43 丙午 44 丁未 45 戊申 46 己酉 47 庚戌 48 辛亥 49 壬子 50 癸丑
 51 甲寅 52 乙卯 53 丙辰 54 丁巳 55 戊午 56 己未 57 庚申 58 辛酉 59 壬戌 60 癸亥

Цветную символику и стихию любого года можно быстро определить по последней цифре. Годы, чьи порядковые номера оканчиваются цифрой «0», «1» (2000, 2001 и др.), считаются белыми и подчиняются стихии 金 *jīn* цзинь (Металл). Цифры «2», «3» определены как чёрные и подчиняются стихии 水 *shuǐ* шуй (Вода). Цифры «4» и «5» – это синие года, которые подвластны стихии 木 *mù* му (Дерево). Цифры «6» и «7» делают цвет года красным и подчиняют его стихии 火 *huǒ* хо (Огонь). Цифры «8» и «9», признаны жёлтыми и управляются стихией 土 *tǔ* ту (Земля).

Измерение времени, ночные стражи

Двенадцать «больших часов» ши-чхэнь (时辰 *shíchén*), на которые делились сутки, носили название двенадцати «земных ветвей» и двенадцати зодиакальных животных.

Первая половина ночи, с 11 до 1 часа

子 (*zǐ*) «время цзы», час Мыши
 Середина ночи, с 1 до 3 часов

丑 (*chǒu*) «время чоу», час Буйвола

Вторая половина ночи, с 3 до 5 часов

寅 (*yín*) «время инь», час Тигра

Утро, с 5 до 7 часов

卯 (*mǎo*) «время мао», час Зайца

Время с 7 до 9 часов

辰 (*chén*) «время чхэнь», час Дракона

Время с 9 до 11 часов утра

巳 (*sì*) «время сы», час Змеи

С 11 до 1 часа

午 (*wǔ*) «время у», час Лошади

Середина дня, с 1 до 3 часов

未 (*wèi*) «время вэй», час Барана

Время с 3 до 5 часов

申 (*shēn*) «время шэнь», час Обезьяны

Время с 5 до 7 часов

酉 (*yǒu*) «время ю», час Петуха

Вечернее время, с 7 до 9 часов

戌 (*xū*) «время сюй», час Собаки

Единицу измерения ночного времени гэнтянь (更天 *gēng tiān*) на русский язык принято переводить как «ночная стража», поскольку ею пользовались, говоря о пяти двухчасовых отрезках ночи, с 7 вечера до 5 часов утра.

«Ночные стражи» по-китайски назывались ещё (五更 *wǔgēng*) у-гэн – «пять страж», (五夜 *wǔyè*) у-е – «пять ночных» или (五鼓 *wǔgǔ*) у-гу – «пять барабанов», потому что ночью о времени подавали сигналы, ударяя в барабаны.

Соответственно, конкретные «стражи» могли обозначаться не только с помощью «земных ветвей», «небесных стволов» и порядковых числительных, но и «барабанных страж».

Ночное время с 7 до 9 часов называлось «первой стражей».

戌 *xū* «время сюй»;

甲夜 *jiǎyè* «ночное время цзя»;

一更 *yīgēng* «первая стража»;

一鼓 *yīgǔ* «первый барабан».

С 9 до 11 часов – «вторая стража».

亥 *hài* «время хай»;

乙夜 *yǐyè* «ночное время и»;

二更 *èrgēng* «вторая стража»;

二鼓 *èrgǔ* «второй барабан».

С 11 до 1 часа – «третья стража».

子 *zǐ* «время цзы»;

丙夜 *bǐngyè* «ночное время бин»;

三更 *sāngēng* «третья стража»;

三鼓 *sāngǔ* «третий барабан».

С 1 до 3 часов – «четвёртая стража».

丑 *chǒu* «время чоу»;

丁夜 *dīngyè* «ночное время дин»;

四更 *sìgēng* «четвёртая стража»;

四鼓 *sìgǔ* «четвёртый барабан».

С 3 до 5 часов – «пятая стража».

寅 *yín* «время инь»;

戊夜 *wù yè* «ночное время у»;

五更 *wǔ gēng* «пятая стража»;

五鼓 *wǔ gǔ* «пятый барабан».

Рассмотренные в статье национально-специфичные основы классификации китайской системы циклического летоисчисления,

связанные с исторической последовательностью появления циклических знаков, и обусловленное соотношением с зодиакальным циклом объясняют уникальное отношение представителей китайской цивилизации к измерению и описанию времени, что в серьезной степени проявляется в их языковой картине мира.

Список литературы

汉俄词典、上海外国语学院、2006.

УДК 81-2

Е. И. Пляскина,

кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Фразеологизмы в оройском говоре¹

В статье впервые рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ), бытующие в говоре села Орой Акшинского района Забайкальского края и характеризующие различные состояния человека: представлены их значения и контексты употребления; выявлены общерусские, региональные и оригинальные оройские ФЕ; представлена их классификация с точки зрения семантической слитности. Достаточно большой пласт оройских ФЕ отражает самобытность носителей говора, их желание выражать свои мысли образно и эмоционально.

Ключевые слова: фразеологические единицы, общерусские и региональные ФЕ, сращения, единства, сочетания, выражения, пословицы

Е. Plyaskina,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Phraseological Units in Oroï Talk²

The article discusses for the first time the phraseological units (FE), occurring in the dialect of the village of Oroï, Akshinsky district, Trans-Baikal Territory, and characterizing various human states: their meanings and usage contexts are presented; All-Russian, regional and original Oroï FE; their classification is presented from the point of view of semantic unity. A sufficiently large layer of Oroï phraseological units reflects the originality of the speakers, their desire to express their thoughts figuratively and emotionally.

Keywords: phraseological units, all-Russian and regional PU, adhesions, unity, combinations, expressions, proverbs

Фразеологический состав любого говора – наиболее интересная часть его лексической системы, единицами которой наряду со словом и его лексико-семантическим вариантом являются и фразеологизмы или фразеологические единицы (ФЕ) – воспроизводимые устойчивые сочетания слов с целостным значением. Каждая ФЕ – это часто экспрессивная, метафорическая единица языка, которая в совокупности с другими

ФЕ, бытующими в говоре, отражает мировоззрение его носителей, их отношение (в том числе и оценку) друг к другу, и к явлениям окружающей действительности; это основа их образной и выразительной речи. Поэтому для исследователей региональных разновидностей русского языка материал диалектной фразеологии представляет особую ценность, тем более, что ФЕ отражают длительный процесс развития народа, нако-

¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-012-00270 «Русский язык в полиэтничном Забайкалье: динамический аспект».

² The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for basic research, project № 18-012-00270 «Russian language in the multiethnic Transbaikalia: dynamic aspect».

пления опыта и знаний и передачи их от поколения к поколению и, как говорит В. Н. Телия, как бы навязывают носителям языка (или говора) особое (именно такое) видение мира, ситуации [5, с. 83].

Жители села Орой Акшинского района Забайкальского края, как и все забайкальцы, – потомки русских первопоселенцев, пришедших в Дауры (так называлась эта территория в XVIII веке) 200–300 лет назад (историки говорят о нескольких волнах переселенцев). Они, занимаясь сельскохозяйственным трудом, продолжают жить по традициям, заведённым ещё их прадедами, редко выезжают в районный и краевой центры в силу их большой удалённости, не имеют возможности пользоваться мобильной связью и интернетом по той же причине. Это, конечно же, способствует и сохранению говора, который, как и другие, составляет живой русский язык и сохраняет его дух. Носительница этого говора, студентка 4-го курса ФФиМК Эльвира Кундуева, собрала фразеологический материал, бытующий в нём. Это более 90 ФЕ, характеризующих как людей, так и реалии.

В настоящей статье рассматривается тематическая группа «Характеристика состояний человека», её цель – описать значения ФЕ, классифицировать их с точки зрения семантической слитности, разграничить по сфере употребления: общерусские, диалектные региональные (забайкальские) и диалектные локальные (оройские), выявить их эмоционально-экспрессивную окраску.

Эта ТГ включает 31 ФЕ, характеризующую различные состояния человека (состояние организма или состояние души): *скрючиться буквой «зю», люша люшей, почту носить, под белы рученьки привести, разлюли малина, волки в лес уехали (на ком-либо), то с похмелья, то с родин, то подбитый глаз один, улицы красить, шевяки пинать, глисты завелись, губы тянуть, куражи наводит, сбить с панталыги, глаз выворачивает, рвом рвать, гором гореть, орден сутулого заработать, глаза выпучать, хоть глаз зашивай, глаза закрываются, голова чушачча, голова тяжёлая, голова чумная, лом проглотить, смешинка в рот попала, беда знаю, семь да восемь, золота слеза не выкатится, до поросычьего визгу, в ушах булькает, Последние грибы встали на дыбы.*

Если кто-то сидит, ссутулившись или неестественно согнувшись, носители гово-

ра о нём говорят **скрючился буквой «зю»**: *Опять буквой «зю» вся скрючилась. Но-ка выпрями спину!; Буквой «зю»-то не крючешься, горбата будешь потом; а если человек, обычно ребёнок, сидит беспокойно, то есть двигается, пытаюсь усесться удобнее, крутится, его одёргивают вопросом, включающим неодобрительную ФЕ **глисты завелись**: *У тя чё, глисты завелись? Сиди спокойно, каво и юзгаешься; Посиди спокойно хоть пять минут! Чё, глисты завелись?**

Человека, промокшего под дождём, характеризуют ФЕ **люша люшей**; повтор одного и того же компонента создаёт экспрессию, показывающую высокую степень «мокроты»: *Они у меня с покоса-то оба вчера люша люшей приехали, ливнем отсадило* (диалектный глагол отсадить со значением «сильно, резко что-либо сделать» делает высказывание ещё более экспрессивным); *Маленьки-то в луже набурдучимся, о-ой, люша люшей домой-то идём (набурдучиться – стать мокрым, вымокнуть); В дождь как пойдёшь иман искать, так весь люша люшей с имя (иманы в забайкальских говорах – это козы).*

Глагольные ФЕ, состоящие из однокоренных компонентов **рвом рвать** и **гором гореть** тоже имеют усилительный характер и обозначают действие, характеризующееся сочетанием *очень сильно*: «очень сильно болеть» (о дёргающей боли) и «очень сильно саднить или чесаться», что отражают следующие контексты употребления этих ФЕ: *Ой, вечером ноги-то чё рвом рвёт, набегаешься за целый день, вот потом болят; Хоть и маленько тут до магазина пройду, а всё равно то ноги, то руки рвом рвёт, сил нету; Это у меня праву ногу шибко рвом рвёт перед ненасем; Раньше венники крапивны делали, вязали. Вот потом от них руки-то гором горели; Почеши-ка горбушку-то скорей, а то гором горит! А это вот крапивница на руках соскочит, вот потом и чешутся, гором горят.*

Тяжёлый физический труд в колхозе за небольшую заработную плату подорвал здоровье большинства пожилых оройцев, поэтому сейчас они с горечью говорят, что **заработали орден сутулого**: *Всю жись в колхозе проработали, а чё получили-то? Вот целый орден сутулого и заработали, ни с чем осталис, только спину урвали.* И в настоящее время порой бывает так, что не получают сельчане за свою работу обещанное денежное вознаграждение:

Урваться-то урвались, а получка-то где она – нету, только что орден сутулого и заработали; Орденом сутулого наградили ить за ферму; это называется горб наро-стили, а по заслугам-то – хэ.

О человеке, ушедшем ненадолго, но задержавшемся, те, кто его ждёт, говорят с неодобрением, что на нём **волки в лес уехали**: *Но на ём точно волки в лес уехали, где и ходит; надо уж за стол садиться: всё готово; Хоть сама иди, а то нашу Ольгу посылать куда-то, так на ей волки в лес уедут; Волки в лес на нём уехали, что ли, так и не появлялся.*

Человек в состоянии сильного опьяне-ния характеризуется в говоре ФЕ **разлюли малина**, которая выражает неодобрение окружающих: *Вчера он пришёл-то уж под вечер, ой, разлюли малина-а, и на ногах-то еле стоит; где и наглотаться успел; Вот ко мне две Елены докопались: яйца купи! А сами разлюли малина, на ногах-то еле стоят; А он только когда разлюли малина говорить-то может. А трезвый – не-е.*

Если человек пьян до такой степени, что ему помогают идти, то для обозначения такого состояния используют ФЕ **под белы рученьки привести**: *Они вчера баню до-строили да и выпивали сидели; моёго-то потом привели под белы рученьки, на но-гах-то совсем не стоял; Вчера наотмеча-лись в клубе, вот его домой-то и привели под белы рученьки; А хотел ишо по дрова ехать, но да куды там, под белы ручень-ки только так привели; хоть спать сра-зу лёг.*

ФЕ с живой образностью **почту но-сить** имеет значение «часто ходить в уборную, страдая от поноса» (уборная – помещение для отправления естественных надобностей [4, т. 4, с. 446], отдельное от дома): *Он опять с утра у меня почту но-сит, чё и наелса не знай, живот, грит, кру-тит; И ведь целый день вчера почту но-сила, каво и съела; И вчера почту носил, и сёдня опять бегат в туалет. Но это уже с желудком, однако, проблемы.* Значительное наполнение мочевого пузыря оройцы расценивают как наполнение всего организ-ма и поэтому используют ФЕ **в ушах буль-кает (бурлит)**: *В туалет, паря, не успела сбегать, вот в ушах-то булькат; Но в ту-алет скорее надо бежать, а то уж в ушах водичка-то булькат; Ой не могу, аж в ушах булькат – вот сколь чаю напилас!*

Бессонница как мучительное состоя-ние характеризуется несколько грубоватой

ФЕ **глаза выпучать** (диалектная форма несовершенного вида общерусского разго-ворного глагола *выпучить* как компонент фразеологизма реализует значение «дер-жать открытыми» (ср. со значением глагола *выпучить* – «широко раскрыть (глаза) от удивления, неожиданности, страха и т. п.» [4, т. 1, с. 274]): *Но сёдня начифирилась, опять глаза выпучать буду (начифири-лась – напилась чифира – очень крепкого чаю); И вот каждую ночь где-то чё скрип-нуло, я проснус, а потом и выпучаю глаза до утра; Щас отоспишься, паре, а ночью чё, глаза выпучать будешь?* Синонимична этой ФЕ **хоть глаза зашивай**: *Как стара стала, так хоть глаза зашивай. Ноччу вот совсем спать не могу; Ты погляди-ка-а, ус-нуть опять не могу. Вот хоть глаза заши-вай; Чем старе, тем трудне, паре, уснуть. Порой мучаешься, хоть глаза зашивай, а ус-нуть не можешь.*

Эти ФЕ в лексико-семантической си-стеме говора вступают в антонимические отношения с ФЕ **глаза закрываються**, кото-рую используют для обозначения состояния сильной усталости и в связи с ней непрео-долимого желания спать: *С утра на дойке были до позднего вечера, а там уж и не надо ничё: глаза, паре, закрываються, токо бы до кровати доползти; О-ой, давай зав-тра покажу, сщас уже глаза закрываються, хоть бы выспаться; А в ночь ходил когда дежурить, всё ничё, а потом днём не спишь всё равно, хоть и глаза закрываються.*

Плохое самочувствие – тяжесть в голо-ве – после продолжительного сна образно обозначается ФЕ **голова чушачья**: *Ты не спи так долго, голова потом чушачча бу-дет; Не-е, я вот утром и встаю пораньше, а то потом засплюсь, о-ой чушачча голо-ва-то будет; А ты на закат солнца-то отоспалась, чё же у тебя голова чушачча не будет.* А состояние недомогания, неяс-ного сознания, которое может быть вызвано изменениями погоды или усталостью – ФЕ **голова тяжёлая** и **голова чумная**: *Пого-да давит, а снег так и не идёт – и голова така тяжё-ёла; А голова тяжё-ёла, ничё не соображашь и так, ишо погода давит; У меня с утра голова кака-то тяжёла: то ли давленне, то ли чё ли, но тяжко; При-стала, пока обед варила, совсем забега-лась, голова чумна теперя; С этой боль-ницей побегашь, потом голова чумна, не соображат совсем; Не могу, голова чумна. Полежу маленько, отойдёт, поди, а то не работат.*

Отношение к состоянию безделья, то есть к пребыванию в праздности, носители говора села Орой выражают неодобрительными ФЕ **улицы красить** и **шевяки пинать** (диалектный компонент **шевяки** обозначает коровий помёт): *Раньше улицы красить некогда было, сразу со школы и на ферму до поздней ночи; Чё опять улицы красить с Викой-чечевикой побежала? Сидели бы дома, а не шлялись; Вот только бы шевяки пинал да пинал, а дома хоть кто делай, но не я; Отец всё нас ругал, а мы как уйдём, шевяки пропинам, вот и получали; По целым дням шевяки пинают, а дома бардак. Не, но чё бы прибраться!*

Человека, ищущего причину для отказа от работы, неодобрительно характеризуют ФЕ **то с похмелья, то с родин, то подбитый глаз один**: *А у тебя вечно то с похмелья, то с родин, то подбитый глаз один, лишь бы ничё не делать, ой, ле-ень; Это всё у нас Женька, чё ни попроси сделать, так немощишя – то с похмелья, то с родин, то подбитый глаз один; Вовку попросила забор наладить, а тот вечно то с похмелья, то с родин, то подбитый глаз один. Вишь какой занятой мужик, некогда ему!*

Нерасторопность, несообразительность односельчан в каких-либо случаях многие из них характеризуют образной неодобрительной ФЕ **лом проглотить**: *Говорю ему: «Отойди, мешашься». Нет, встанет, будто бы лом проглотил и стоит; Но низко же, согнуться надо было! Чё ты, лом проглотила? Компонент лом, имеющий в этом выражении фразеологически связанное значение, реализует семы «негнувшийся», «тяжёлый», «неподвижный». Состояние человека, который ест что-нибудь очень кислое, репрезентирует в говоре экспрессивная ФЕ **глаз выворачивает**: *Черёмуху попробовали, ой, глаз выворачиват; незрела, зелёна ишо; Я сыру ягоду вообще ись не могу, как увижу, так и то глаз выворачиват; Маленьки-то мы ели яблочку дику, ой чё глаз-то выворачиват!**

Об обиженном человеке говорят, что он **губы тянет**: *Кака обидчива стала, чуть чё – сразу губы тянуть; Сколь будешь губы-то тянуть, пошли ись; а о ребёнке, который капризничает, упрямится и при этом плачет, кричит – **куражи наводит**: *С утра раннего куражи наводит. И игрушки не надо, и телевизор не смотрит, вот только уросит* (диалектный глагол **уросить** имеет значение «плакать долго, настойчиво, требуя, выпрашивая что-л.»); *К вечеру**

Ванька как начнёт куражи наводить, о-ой, чё орёт; Ты мне тут куражи не наводи! Иногда на продолжительный плач ребёнка оройцы реагируют, используя несколько пренебрежительную ФЕ **золотая слеза не выкатится**, которая намекает на справедливость наказания: *Но ничё, пускай поплачет – золотая слеза не выкатится, а то совсем испялили!* (диалектный глагол **испялить** с неодобрительной эмоциональной окраской, усиливающей общую отрицательную эмоцию, здесь употреблён в значении «позволять вертеться»); *Но а чё теперь перед им подпрыгивать? Золотая слеза не выкатится, поплачет и перестанет; Золотая слеза, паре, не выкатится, так что неча перед им бегать.*

Другая отрицательно оценочная ФЕ, характеризующая состояние человека, как ребёнка, так и взрослого, – **до поросычьего визга** имеет значение «много, чрезмерно»: *Раньше до поросычьего визгу набегашься, вот потом ночку кошмары и мучают; Ой чё пить-то охота, ить до поросычьего визгу напьются (водки), а потом устраивают концерты; До поросычьего визгу-то не надо наедаться, а то потом из-за стола-то и не поднимешься.*

ФЕ **сбить с панталыги**, являющаяся фонетическим и грамматическим вариантом литературно-разговорной ФЕ **сбить с панталыку** [5, т. 3, с. 18] характеризует состояние замешательства, которое вызывается кем- или чем-либо: *Ты меня с панталыги не сбивай, я сам знаю, как сделать надо; Взяла и сбила с панталыги. Чё я рассказывала-то? Теперь и не вспомню. Состояние волнения, связанное с незнанием, неопределённостью, оройцы обозначают ФЕ **семь да восемь**: *А я тут и подпрыгивай сем да восем, где вы там шатаетесь; Ты бы сказала, что к Любке-то уйдёшь. А то я не знала, вот и сижу семь да восемь, где ты ходишь; Я напереживалась, считай, весь вечер сидела семь да восемь, гадала, где он ходит. Само же незнание – неосведомлённость или забывчивость – выражают экспрессивной ФЕ **беда знаю**: *Но я беда знаю, в каком это году было. Мы же с Машкой совсем маленьки тогда бежали; Это ты, доча, сама ишши, а то я-то беда знаю, где эти книжки у тебя лежат.***

Если у кого-либо смешливое настроение и он смеётся, не в состоянии остановиться, носители говора села Орой, как и другие русские люди, говорят, что ему **смешинка в рот попала**: *Ой, Ванька как*

закатится, ему смешинка будто в рот попала. До-о-олго смеётся; И закатится, смешинка в рот попадёт; ой, чё хохочет; Тебе смешинка в рот попала или чё?

Протест человека обычно послушного и безропотно выполняющего всё, что скажут, оройцы образно называют ФЕ **Последние грибы встали на дыбы**: *Она же всё тихоня была, а тут-то, погляди-ка, выступила, токо так истерила. Вот тебе и последни грибы встали на дыбы; Е-е-едак оно, последни грибы встали на дыбы! С матерью спорит!* Эта ФЕ употребляется в говоре и тогда, когда в целом положительный человек поступает плохо, как все: *Вчера вон его поймала – курит! Но всё, думаю, последни грибы встали на дыбы.*

С точки зрения семантической слитности эта ФЕ – фразеологическое выражение коммуникативного характера, а именно пословица (В. И. Даль относит к пословицам «коротенькие притчи, суждения, приговоры, поучения» [1, с. 13], В. М. Мокиенко – «логически законченные образные или безобразные изречения афористического характера» [2, с. 10]). Пословиц в говоре села не так много, в рассматриваемой ТГ – одна, всего около десяти. Другие категории семантически слитных языковых единиц представлены тремя фразеологическими сочетаниями (фразеологические сочетания – это такие устойчивые сочетания слов, общее значение которых мотивировано семантикой составляющих компонентов; в их составе есть слова со свободным и несвободным значением, что отличает их от фразеологических единств и сращений): *сбить с панталыги* (*панталыга* – диалектный вариант общерусского слова *панталык* – используется в говоре только в этом сочетании, поэтому имеет фразеологически связанное значение; компонент *сбить* имеет свободное значение), *золотая слеза не выкатится* (компонент *золотая* реализует в этом сочетании фразеологически связанное значение «очень ценная» (все слёзы одинаковы, одной цены), другие компоненты имеют свободное значение) и *беда знаю* (у компонента *знаю* значение свободное, у компонента *беда* – фразеологически связанное: «не»); восьмью фразеологическими единствами – метафорическими сочетаниями с живой образностью (фразеологические единства – семантически неделимые устойчивые сочетания, общее значение которых частично мотивировано семантикой составляющих компонентов):

почту носить, под белы рученьки, губы тянуть, шевяки пинать, глаза закрываются, глаза выпучать, голова чумная, голова тяжёлая; девятнадцатую фразеологическими сращениями, значение которых совершенно не соотносится со значениями составляющих компонентов: (скрючиться) буквой «зю», глисты завелись, люша люшей, разлюли малина, смешинка в рот попала, волки в лес уехали (на ком-л.), куражи наводить, улицы красить, глаз выворачивает, рвом рвать, гором гореть, голова чушачья, лом проглотить, хоть глаза зашивай, орден сутулого заработать, то с похмелья, семь да восемь, до поросычьего визгу, в ушах булькает (бурлит), то с похмелья, то с родин, то пдбитый глаз один.

С точки зрения употребления члены этой ТГ, как и других, разделяются на общерусские ФЕ и диалектные; критерий разграничения – наличие или отсутствие их в нормативных словарях русского языка, обращение к которым подтвердило широкое употребление 2 ФЕ *смешинка в рот попала* [4, т. 4, с. 154] и *голова тяжёлая* [4, т. 4, с. 439]; общерусская ФЕ *разлюли малина* со значением «о чём-л. очень хорошо» [4, т. 3, с. 613] в оройском говоре имеет значение «очень пьяный» и окраска у неё не положительная – это семантический фразеологический диалектизм (*семантические* ФЕ совпадают по форме с общерусскими, но отличаются от них значением). Среди диалектных ФЕ (лексических фразеологических диалектизмах, не известных литературному языку) выделяются такие, которые встречаются в других забайкальских говорах (степень распространённости может быть различной) – это региональные ФЕ (18), они зафиксированы в «Словаре фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края» В. А. Пащенко или в картотеке автора: *люша люшей* [3, с. 50], *под белы рученьки* [3, с. 70], *волки в лес уехали (на ком-л.)* [3, с. 19], *куражи наводить* [3, с. 161], *улицы красить* [3, с. 154], *шевяки пинать* [3, с. 176], *глаз выворачивает* [3, с. 176], *гором гореть* [3, с. 127], *лом проглотить* [3, с. 191], *беда знаю* [3, с. 226], *Последние грибы встали на дыбы* [3, с. 27], *глисты завелись, губы тянуть, золотая слеза не выкатится, глаза закрываются, хоть глаза зашивай, орден сутулого заработать, голова чумная*; к ним же относится и региональный вариант общерусской ФЕ: *сбить с панталыги*.

8 диалектных ФЕ бытуют только в оройском говоре (не известны другим забайкаль-

ским), их можно назвать оригинальными оройскими выражениями: *почту носить, рвом рвать, глаза выпучать, голова чушачья, семь да восемь, до поросячьего визгу, в ушах булькает (бурлит), то с похмелья, то с родин, то подбитый глаз один*. Это 26,7 % от всех членов ТГ.

С точки зрения эмоционально-экспрессивных свойств среди рассмотренных ФЕ одиннадцать передают эмоцию неодобрения (*неодобрение* – неудовлетворённость чьими-либо действиями, поступками и т. п.; порицание, осуждение [4, т. 2, с. 459]): (*скрючиться*) *буквой «зю», глисты завелись, разлюли малина, волки в лес уехали (на ком-л.), куражи наводить, сбить с панталыги, улицы красить, шевяки пинать, лом проглотить, до поросячьего визгу, то с похмелья, то с родин, то подбитый глаз один*; ФЕ *под белы рученьки* является фамильярной (*фамильярный* – излишне бесцеремонный, непринуждённый [4, т. 4, с. 551]), хотя и содержит компонент с уменьшительно-ласкательным суффиксом *рученьки*; ФЕ *орден сутулого заработать* выражает сожаление (*сожаление* – чувство

печали, вызываемое утратой чего-л., невозвратимостью чего-л. [4, т. 4, с. 182]); ФЕ *золота слеза не выкатится* – пренебрежение (*пренебрежение* – высокомерное, неуважительное отношение к кому-, чему-л. [4, т. 3, с. 379]); девять ФЕ представляют собой нейтральные экспрессивные выражения (*экспрессия* – выразительность, сила выражения [4, т. 4, с. 752]): *люша люшей, рвом рвать, гором гореть, хоть глаза зашивай, глаза выпучать, в ушах булькает (бурлит), семь да восемь, беда знаю, смешинка в рот попала*; пять ФЕ – нейтральные образные: *почту носить, губы тянуть, голова чушачья, голова тяжёлая, голова чумная*.

Таким образом, в говоре села Орой бытует достаточно большой пласт как региональных ФЕ, так и локальных оройских, что, с одной стороны, говорит о принадлежности говора села забайкальским говорам, с другой – отражает самобытность его носителей, их стремление образно и эмоционально выражать своё отношение к тому или иному явлению (положительно оценочных ФЕ в рассмотренной ТГ нет).

Список литературы

1. Даль В. И. Напутное // Пословицы русского народа. М.: Худож. лит., 1984. 782 с.
2. Мокиенко В. М. Современная паремология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–20.
3. Пащенко В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2014. 484 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981. 698 с.
5. Телия В. Н. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966. 86 с.

УДК 008:82-9

Т. Н. Клименко,
кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Мультифрения современной коммуникации: эстетика словесного творчества

Статья посвящена проблемам современной коммуникации, которая, по мнению автора, характеризуется особым состоянием расщеплённого сознания – мультифренией – психокультурным феноменом, охватывающим прежде всего область языка. Язык, создающий множественные миры, понимается как подвижная система контекстов, «языковых игр» с нарративными категориями. Эпоха постпостмодернизма характеризуется созданием новой эстетической программы, конструированием новой художественной среды, требующей от читателя интерактивного взаимодействия, основанного на знании способа применения художественно-эстетического инструментария автора. На примере творчества американского писателя Райана Риджа автор статьи сосредоточит внимание на прозе, популярной форме современного литературного творчества.

Ключевые слова: мультифрения, коммуникация, постпостмодернизм, проза, контекст, дискурс, ирония, идентичность, Райан Ридж

T. Klimenko,
Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Multiphrenia of Contemporary Communication: Aesthetics of Verbal Art

The author describes issues of contemporary communication, which is characterized by a person's state of divided consciousness, multiphrenia, a psychocultural phenomenon, which first and foremost involves using language. Language, which can create multiple worlds, is understood as a flexible system of contexts, "linguistic games" with narrative categories. The post-postmodern age is characterized by elaborating a new aesthetic program, constructing new artistic environment which demands interaction on the reader's part, based on his awareness of how to apply the author's artistic and aesthetic toolset. The author of the given paper will focus on prose, a popular literary form of contemporary creative writing, analyzing an American author Ryan Ridge's literary works.

Keywords: multiphrenia, communication, post-postmodernism, prose, context, discourse, irony, identity, Ryan Ridge

Я современный парень, цифровой, некурящий;
я из нового тысячелетия.
Многогранный, мультикультурный, постмодернист, деконструктивист;
политически, анатомически, экологически некорректный.
Ретранслируемый и загружаемый, вводимый и удалённый.
Высокоточный с низкими мыслями.
Передовой, экстра-класса, полноприводный, многозадачный;
в наносекунду выдаю гигабайт.
Дж. Карлин
Искусство – это состояние встречи.
Н. Буррио

Осмысление человеком собственной идентичности, значимости, самости является отправной точкой для его существования как личности. Волевая активность субъекта, согласно П. Рикёру, есть «предельная изначальность» человека, способная давать смысл окружающей действительности. В отличие от Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, разработавших герменевтику как философскую дисциплину и трактовавших её в духе психологизма, смыкающегося с традиционной эпистемологией, Рикёр переносит вопрос в онтологическую плоскость: герменевтика, полагает он, не только метод познания, но прежде всего способ бытия [2, с. 1]. Человека, по мнению философа, определяют: способность говорить, вступать в общение с другими посредством языка; способность участвовать в ходе событий посредством действий; умение повествовать о своей жизни и тем самым формировать собственную идентичность; способность быть субъектом собственной деятельности и нести за неё ответственность [8, с. 323–325].

Учёные XXI века пытаются осмыслить спектр тех качественно новых явлений, ко-

торые человечество переживает сегодня. По мнению некоторых из них (С. Хоружий, В. А. Шкуратов, О. И. Жукова и др.), жизнь человека изменяется под влиянием виртуальных практик и технологий, гендерных революций и трансформаций сознания. В 1991 году американский психолог Кеннет Дж. Герген (Kenneth J. Gergen), сторонник теории социального конструкционизма, размышляя о портрете «социального хамелеона», ввёл понятие мультифрени как расщепления индивидуальности на множество «само-инвестиций» (букв. – “the splitting of the individual in to a multiplicity of self-investments”, перевод наш – Т. К.) [14]. Конструирование собственной идентичности, как и осмысление её подверженности к деконструированию, являются двумя разнонаправленными процессами одного явления – познания самого себя. Существует также мнение об осознанном ощущении размывания идентичности, «номадизм постмодерна» (А. В. Шляков). Номадическое сознание принципиально отказывается от стремления к самоопределению и структуризации себя в противовес другому. Осознанная децентрализация личности, отсутствие

линейности в понимании времени освобождают субъекта от общества и любых форм коллективного опознавания. Исчезает понятие «другой» и примеряются множества игровых идентичностей («ники», логины, аватары)... Существование становится фрагментарным, а стратегия социальной интеграции подменяется номадической стратегией детерриторизации [11, с. 256]. Складывается мозаичная система идентичности/pastiche personalities в понимании Гергена [13, с. 150].

«Файловый» индивид, по предположению О. И. Жуковой, представляет собой новый тип самости – полифоническую самость в соответствии с ожиданиями современного социума [3, с. 11]. Многомерное понимание самости заключается в многослойности её содержания, которое задаётся социальными, психологическими, коммуникативными и другими контекстами. Самость человека имеет дискурсивный характер и является продуктом определённых коммуникаций, предстаёт как «центр нарративной гравитации» (Д. Деннет) [12, с. 89].

Размышления о сознании, самосознании и окружающем нас мире, который представляет информационное поле/пространство, неизбежно приводят нас к попытке прояснить механизм восприятия нашим сознанием окружающих явлений. Язык в этом смысле предстаёт тем инструментом познания и категоризации знания, который, в конечном счёте, и конструирует «Я» как самость, определяя рамки дискурсивного существования человека. Каким же образом продуцируется и транслируется художественная реальность в современном мире, какими свойствами обладает художественное сознание и какова перспектива его эстетического переживания?

Оперирование языком, который становится интермедийным в том смысле, что любое понятие ассоциируется при помощи доступных в нашей памяти дискурсов (образы массмедиа, музыка, архитектура, живопись) и контекстов, открывает поликодовую перспективу для художественного описания действительности, ограниченную только свободой собственного выбора. Генерирование контекстов задаётся рамками концептуальной идеи произведения, где слова есть прототипы понятий, триггеры ассоциативного мышления.

Как изменился информационный континуум, и какие изменения в социальных коммуникациях позволяют говорить о

трансформациях современного сознания? Попробуем ответить на этот вопрос, перечислив те изменения, которые каждый из нас ощущает на себе и за которые мы, как существа разумные, несём ответственность, проявляя себя активными пользователями собственной информации. Под информацией мы понимаем набор символов, который по определённому алгоритму переводится в иной набор символов. Информация появляется там, где появляется сознание, а сознание появляется там, где появляется информация. По утверждению И. В. Черепанова, концепция квантово-информационного эпифеноменализма позволяет в логически непротиворечивой форме соединить в единый целостный феномен четыре основных свойства сознания, а именно – вторичность, нематериальность, субъективность и активность [9, с. 192].

Самым значительным изменением в нашей коммуникации стало увеличение числа коммуникантов, с которыми мы можем контактировать благодаря социальным сетям, и, соответственно, объёма обрабатываемой информации. Второе изменение заключается в неограниченной возможности и свободе на пользование языком/языками. Цензура и механизмы фильтрации информационного контента зачастую не установлены в мировых информационных сообществах. В-третьих, изменение коснулось форм коммуникации, следствием чего явилась утрата многими социальных навыков общения. В-четвёртых, люди стали психологически зависимыми от интернета, что с одной стороны, увеличило возможности общения, с другой же, наоборот, ограничило внимание пользователей на собственных интересах и предпочтениях, превращая их в глухонемых по отношению к тому, что происходит вокруг. Следующее изменение – появление новых привычек в коммуникации. Так, например, сервис микроблоггинга Twitter имеет ограниченную длину сообщений, в результате чего пользователи вынуждены выражать мысли кратко, это повлекло за собой игнорирование правил грамматики. Появилась аббревиатурная коммуникация типа “TTYL”, что означает “talk to you later”, которая стала привычной, даже если не всем понятной.

Отдельного рассмотрения заслуживает такой культурный феномен, как мем. Т. И. Савицкая убедительно анализирует интернет-мемы как явление массовой культуры, которое стало «излюбленным фор-

матом массово-информационной культуры; своего рода аналогом жевательной резинки для ума» [7, с. 15].

Бесконечный информационный поток создаёт состояние мультифрени, при котором объём информации увеличивается, а глубина её обработки уменьшается, что приводит к трудностям в достижении эффективной коммуникации. Лакунарность восприятия, в свою очередь, способствуют атрофии эмоциональной составляющей общения. Появились новые понятия, отражающие происходящие изменения в обществе (смомби, влогер, вайнер и т. п.) и, соответственно, новые модусы сознания и бытия.

Изменение социальной реальности влечёт изменения в рефлексии этой реальности. Искусство как форма постижения реальности интегрирует единство двух систем – систему семиотических знаков реальности и систему субъекта, оперирующей системой реальности.

Современные теории текста рассматривают текст, в отличие от слова и предложения, в качестве единицы коммуникации. В художественно-поэтическом тексте и в поэтической семантике «бесконечный семиозис» осуществляется с наибольшей интенсивностью и наглядностью, на что указывает В. Е. Чернявская, ссылаясь на работы С. Т. Золяна, которого называет одним из фундаментальных и последовательных исследователей поэтической семантики. В понимании В. Е. Чернявской, художественный текст является интердискурсом, в котором нет готовых значений, но который является «генератором смыслов», вовлекающим читателя в процесс свободной интерпретации смыслов, не обязательно совпадающих с заложенными авторскими смыслами [10, с. 86].

Интердискурсивность искусства отвечает требованиям новой эстетической программы постпостмодернизма; выдвигаются новые эстетические и художественные каноны, специфика которых состоит в создании принципиально новой художественной среды «технообразов» (А. Коклен), чье сущностное отличие от традиционных «текстообразов» заключается в замене интерпретации «деланием», интерактивностью, требующими знания «способа применения» художественно-эстетического инструментария, «инструкции» [6]. Возникают новые жанровые формы, такие как микро- и твиттература (twitterature), а некоторые вновь обретают популярность, например, история-вспышка (flashfiction).

Эстетика постпостмодернизма находится на стадии становления, свидетельством чего является разброс научных терминов и попытки тщательного осмысления разных аспектов современного искусства в его многообразных проявлениях (метамодернизм, гипермодернизм, диджимодернизм). Наиболее интересные идеи в контексте наших рассуждений представлены в творчестве московского визуального художника Анатолия Осмоловского [5], разрабатывающего концепцию «ауратизма» и «рефлексивного модернизма»; Николя Буррио [1].

Творчество американского писателя Райана Риджа отражает основные черты цифровой эпохи XXI века. Краткость прозы перекликается со стилем современной коммуникации, отличающейся лаконичностью и интердискурсивностью. Книга «Американские дома» (American Homes) написана в гибридном жанре прозы в 2014 году и опубликована в серии «Проза XXI века» (англ. 21st Century Prose). Произведение нарушает традиционные каноны повествования и изменяет конфигурацию жанра, а иллюстрации к книге, выполненные художником Дж. Хьюстисом (Jacob Heustis), являются дополнительным аппликационным средством к визуальному коду, наряду с другими графическими средствами Риджа, используемыми для передачи «архитектурной» концепции произведения:

Twelve steps
TWELVE STEPS
step
step
step
step
step
step
step
step
step
step
step
step

One man's Stairway to Heaven is another man's Staircase to Hell (14, с. 49).

Эпиграфами к книге послужили цитаты: *The strength of a nation derives from the integrity of the home. Confucius. – Сила нации происходит от целостности её дома. Конфуций (перевод здесь и далее наш – Т. К.).*

Метафора дома является ключевой в концепции описания культурных особенностей страны с точки зрения типичного белого американца.

*Everybody needs a home / Каждому нужен дом
Takes centuries to build / Веками он строится
And seconds to fall / А разрушается в секунды
Stephen Malkmus / Стивен Малкмус*

Антитеза современного американского музыканта Стивена Малкмуса задаёт текстообразующую механику, используемую автором для описания противоречивых сторон американского общества, где факты действительности противоречат идеалам. Автор выступает в роли иронизирующего летописца. Его хронограф – набор слогов, афоризмов и схем-иллюстраций. Монотонное чтение вслух, на котором Ридж делает акцент во время презентации своих произведений, создаёт эффект безучастной документированной регистрации фактов, свидетелем которых является сам рассказчик. Концептуальность произведения, заключённая в метафоре дома и детального описания его архитектуры, – пороги, двери, кухни, спальни – становится важнее текстового материала, поскольку цель произведения заключена в трансляции идеи.

В одной из своих статей писатель упоминает современного британского художника Дэвида Шригги (1968), творчество которого оказало сильное влияние на писателя (<http://thefanzine.com/author/ryanridge>). Для сравнения творчества двух концептуальных художников: британца Д. Шригги и американского писателя Р. Риджа автор статьи рекомендует посмотреть анимационный фильм «Дверь» (https://www.youtube.com/watch?v=fNI_Hy27cWQ) Д. Шригги, а затем прочитать главу из «Американских домов» Р. Риджа. Текст Р. Риджа лишён эмоциональности, хотя наделён беспристрастной иронией. Лаконичность текста можно сравнить с анимационными зарисовками Д. Шригги, представленными в чёрно-белой парадигме.

Анализируя два произведения, мы вовлекаемся в интерактивный поиск смысловых связей, взаимовлияний, переформулирование ценностей и конструирование новых смыслов. Успешность коммуникации и понимание авторского замысла в концептуальном произведении зависит, в первую очередь, от дискурсивной компетенции воспринимающего.

Ремикс-культура Лоуренса Лессига (<https://archive.org/details/LawrenceLessigRemix/page/n115>) и постпродакшн Николя Буррио (https://faculty.georgetown.edu/irvinem/the_ory/Bourriaud-Postproduction2.pdf) стали неотъемлемой частью нашего существования, в

котором трудно найти образ, не связанный отношениями интердискурсивности, интертекстуальности, метарепрезентации. Для иллюстрации приведём отрывок из «Американских домов».

DOOROGRAPHICAL DIVISIONS

FRONT DOOR—BACK DOOR—SIDE DOOR—GARAGE DOOR—PATIO DOORS—FRENCH DOOR—STORM DOORS—SCREEN DOORS—CELLAR DOOR—PET DOORS—VARIOUS INTERIOR DOORS—ATTIC DOOR—BASEMENT DOOR—BATHROOM DOORS—BEDROOM DOORS—CABINET DOORS—CLOSET DOORS—FALLOUT SHELTER DOOR—TRAPDOOR—DOORS ON FILM—DOORBELL

To get a better handle on Doors, let us begin by approaching them in their various forms.

Things to consider:

Open Doors are invitations.

Locked Doors often dabble in the occult.

Keys are the keys to proper operation.

Sometimes opportunity knocks. Other times it rings the Doorbell.

A Door is not a Door when Ajar [15, с. 9].

Как видно из приведённого примера, автор жонглирует не столько словоформами, сколько стоящими за ними идеями и контекстами. Английская поэзия очень часто строится на аллитерации, а юмор основан на игре слов. Своеобразие стиля Р. Риджа заключается в жонглировании остротами, для понимания которых требуется активация релевантных контекстов, основанных на знании социальных практик. Языковой знак в таких произведениях несёт максимальную нагруженность, смысловая плотность текста возрастает за счёт использования разных кодовых систем:

DRIVEWAY DESIGNS

THE STRAIGHT & NARROW—THE AMERICAN EVOLUTION—THE TEPEE—THE FIGURE 8—THE HIDDEN DRIVE

Private roads that deliver us to and from our American Homes, Driveways serve as access from American Homes to the rest of the country. Over time, many Driveways—like many Americans—fall apart and break down. Some seek repair. Others remain cracked. Below is an aerial representation of the five most common American Driveway designs, followed by brief expositions.

[Aerial Representation]

— Design 1: —

— Design 2: —O

— Design 3: Λ

— Design 4: ∞

— Design 5:

Design 1—Illustrates a classic and careful American Driveway style known as “The Straight & Narrow.” This simple design incorporates a

remarkably straightforward construction and appeals to American Homeowners who uphold the principles of our national Constitution and abide by at least eight of the Ten Commandments—folks who believe that the quickest and most moral way between two points is a straight line.

American Homes is never running out of ideas. And American Homes Ideas are about R. Ridge's ideals [15, с. 90]

Idea for American Dream House

One in which you wake up happy. Every day you wake up happy. You wake up and you're happy every day [15, с. 107].

Инверсирование порядка слов и ре-
мейк смыслового содержания в каждом из
трёх предложений, состоящих из одних и
тех же знаков: you wake up happy задают
варианты контекстов для их понимания.

Очевидно, формально-структурный анализ для интерпретации таких произведений уже не приемлем. Произведение может задавать контекст, но само по себе не заключено в рамки контекста. Задача автора произведения – передать идею и алгоритм её восприятия. Думается, что степень эстетического наслаждения возникает поэтапно в процессе фокусирования внимания на элементах авторского кода, глубины понимания алгоритма кода для моделирования нового контекста по отношению к известному содержанию (принцип аппликации) в соответствии с уровнем компетентности воспринимающего и оценки концептуальной идеи произведения (интеллектуальной, эстетической, этической, эмоциональной и др.).

Список литературы

1. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция: сборник [Электронный ресурс]. 2017. 420 с. Режим доступа: <http://www.re.mybook.ru/author/nikolya-burrio/relyacionnaya-estetika-postprodukcija-sbornik/read> (дата обращения: 24.09.2018).
2. Вдовина И. С. Поль Рикёр [Электронный ресурс] // Философы двадцатого века. М.: Искусство XXI век: РАН, 2004. Кн. 1. Режим доступа: http://www.ecsocman.hse.ru/data/2010/03/05/1211344546/012_I.S.Vdovina_Pol_Rikr.pdf (дата обращения: 24.09.2018).
3. Жукова О. И. Самость, её типология и место в самоопределении человека: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Томск, 2010. 45 с.
4. Карлин Дж. Будущее уже не то, что прежде (When Will Jesus Bring the Pork Chops): пер. с англ. [Электронный ресурс]. М.: Альпина Нон-фикшн, 2011. 307 с. Режим доступа: <http://www.vdocuments.mx/-55cf99b8550346d0339ed9cf.html> (дата обращения: 24.09.2018).
5. Осмоловский А. Contemporary Art: Here and Now (Rejection of museums) [Электронный ресурс] // Художественный журнал. Moscow Art Magazine. 2005. № 1. Режим доступа: <http://www.moscowartmagazine.com/issue/41/article/774> (дата обращения: 25.09.2018).
6. Постпостмодернизм [Электронный ресурс] // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. Режим доступа: <http://www.niv.ru/doc/aesthetic/lexicon/221.htm> (дата обращения: 30.08.2018).
7. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры [Электронный ресурс] // Культура в современном мире. 2013. № 3. Режим доступа: http://www.infoculture.rsl.ru/NIKLib/alhome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf (дата обращения: 21.09.2018).
8. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова, Т. А. Дмитриева. М., 2009. С. 323–325.
9. Черепанов В. И. Концепция квантово-информационного эпифеноменализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11. Ч. 2. С. 189–193.
10. Чернявская В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 83–93.
11. Шляков А. В. Номадизм постмодерна в свете краха идентичности [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/vipusk-20-2015> (дата обращения: 24.09.2018).
12. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. Концепция Дэниеля Деннета. М.: Канон+, 2004. 293 с.
13. Gergen Kenneth J. The Saturated Self: Dilemmas of identity in contemporary life. New York: Basic Books, 1991. 295 p.
14. Restak R. The World is Too Much with Us. [Электронный ресурс] // Washington Post. 1991. April 14. Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/archive/entertainment/books> (дата обращения: 24.09.2018).
15. Ridge Ryan. American Homes. University of Michigan Press, 2014. 128 p.

В. Н. Соловьева,
кандидат политических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Гуаньси как основа социальных отношений в Китае

В статье рассматривается роль традиционных отношений гуаньси в китайском обществе. Автор делает заключение о том, что эти отношения имеют взаимосвязь с историческими, географическими, культурными и социальными факторами.

Ключевые слова: гуаньси, китайская культура, традиционные отношения, конфуцианская философия

V. Solovyeva,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Chinese Guanxi as a Traditional form of Social Relationships

In the article the role of traditional relationship guanxi in the Chinese society is described. The author concludes that historical, geographical, cultural and social factors are related to this kind of traditional relationships.

Keywords: guanxi, Chinese culture, traditional relationships, Confucianism

Слово «关系» (guānxi, гуаньси) переводится на русский язык как «связь», «отношение», «блат». Эти значения слова, безусловно, не могут передать всей глубины содержания.

Это один из наиболее интересных культурных феноменов, оказывающий заметное влияние практически на все сферы жизни китайского общества. Гуаньси обозначают систему межличностных обязательств на различных уровнях: отношения между родственниками (亲人关系), между знакомыми (熟人关系) и между незнакомыми людьми (生人关系).

В случае выстраивания отношений с незнакомыми людьми, что чаще всего происходит при помощи третьих лиц, гуаньси выступают в роли своеобразных товарно-денежных отношений, где за определённую услугу мы вправе ожидать ответную услугу или материальное вознаграждение. Если вас представили «полезному» человеку, то вы должны ожидать просьбы об ответной услуге. Часто китайцы могут специально делать вид, что только благодаря связям удалось решить какую-либо проблему, преувеличивая роль своих знакомств, готовя тем самым почву для ответной просьбы. Если по каким-либо причинам вы не можете выполнить услуги, которая от вас ожидается, то в качестве извинения можно преподнести какой-нибудь подарок. Конечно, выстраивая

гуаньси через третьих лиц с малознакомыми людьми, всегда существует риск попасть в зависимое положение, потому что нельзя заранее угадать, какую услугу может попросить вторая сторона за свою помощь.

В чём же причины этого культурного феномена? В основном они обусловлены культурными факторами. Один из них обуславливает важность земляческих отношений в Китае. Традиционно клановые организации имели большое значение в жизни общества. Клановые организации имели свою географическую локализацию, наиболее развитые формы были присущи югу страны. Клановые организации имели главу-старейшину, устав, клановые школы, земельные фонды [1, с. 149]. Люди, не связанные внутриклановыми отношениями, также редко покидали родные места, потому что в Китае несколько поколений семьи традиционно должны были проживать вместе. Кодекс сыновней почтительности 孝 сяо предписывал детям не оставлять родителей до их смерти.

Таким образом, система клановых связей, незначительный ещё 30 лет назад процент городского населения (18 %, в настоящее время 48 %) и низкий уровень миграции, связанный как с экономическими трудностями, так и с соблюдением традиционного кодекса сяо, оказал большое влияние на формирование земляческих отношений в Китае.

Ещё одной причиной, способствующей упрочению гуаньси в китайском обществе, стал тот фактор, что, в Китае, как и в любом азиатском обществе, очень развит бюрократический аппарат. Гуаньси являются своеобразной альтернативой этому аппарату. Наличие большого аппарата чиновников и абсолютная централизация власти являлись характерной чертой китайской бюрократической системы древнего Китая, объединённого императором Цинь Шихуаном (221 г. до н. э.), эти особенности во многом присущи и современной бюрократической системе: верховная власть сосредоточена в центре страны, имеется разветвлённая система партийных и государственных органов на различных уровнях (уровень провинции, окружной уровень, уровень уезда, уровень волости, уровень деревни), многочисленный чиновничий аппарат. В настоящее время в Китае принимаются активные действия по выявлению случаев злоупотребления властью, фактов коррупции и препятствованию предпринимательской деятельности. По информации агентства «Синьхуа» за один месяц (октябрь 2018 г.) инспекционных проверок в 10 административных единицах провинциального уровня наказанию за групповые преступления подверглись 572 чиновника [4]. Таким образом, гуаньси часто являются единственной возможностью избежать бюрократических проволочек, положительно решить тот или иной вопрос, но в то же время гуаньси сами по себе являются источником коррупции, злоупотреблений и клановости в государственных структурах.

Кроме этого, система гуаньси связана с тем, что власть в Китае издревле была наделена сакральным значением. Император, которого называли «Сыном неба», получал «мандат неба» (天命) – право на управление страной. Неповиновение правителю считалось в Китае настоящим святотатством, покушением на основы вселенского порядка [1, с. 106]. Таким образом, власть в Китае в представлении народа была легитимна. Значительный вклад в это представление внёс Конфуций. Развивая идею «мандата неба», Конфуций обращается к образам совершенномудрых правителей древности, наделяет глубоким содержанием концепцию «цзюньцзы» («благородный муж»). Конфуцианская система строгой иерархии рассматривалась как основа социальной гармонии в Китае. Каждый должен был знать своё место в обществе и при помощи особых ритуалов выказывать

своё почтение к старшим по возрасту или по социальной лестнице. Стать чиновником и занять сравнительно высокую должность в Китае всегда было непросто. Для этого нужно было выдержать строгую систему экзаменов кэцзюй (科举 – система экзаменов на чиновничью должность). С учётом сложности иероглифического письма, значительной труднодоступностью получения образования и высокими требованиями, предъявляемыми к соискателям на должность, получить заветное место было очень сложно и очень почётно. Всё это привело к формированию характерного для китайцев «комплекса Париса», комплекса, связанного со стремлением к власти, преклонением перед ней, и в то же время с боязнью власти. Чем шире у человека «гуаньси», чем больше он приближен к «верхам», тем больше возрастает его значимость в обществе, тем легче решать различные социальные проблемы и вопросы, связанные с ведением бизнеса [3, с. 148].

После прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 году в Китае началась активная борьба с коррупцией, с частыми атрибутами высоких постов – деньгами в конвертах, преподносимыми в знак уважения, дорогими подарками, огромным количеством блюд на официальных и неофициальных банкетах, большими площадями кабинетов чиновников разного уровня, системой родственных и земляческих связей при приёме на работу или при решении прочих вопросов. Тем самым, ведётся борьба с системой «гуаньси». Но с учётом того, что истоки этого явления лежат в географических, культурных и исторических аспектах, это понятие ещё долго не потеряет своей актуальности.

Кроме несомненных минусов системы гуаньси, их считают одной из причин экономического подъёма конфуцианских стран (Япония, Южная Корея, Сингапур, Вьетнам). Здесь традиционная строгая иерархичность, подразумевающая беспрекословное исполнение приказов, дисциплинированность, готовность сносить тяготы и лишения ради общих целей, а также тот фактор, что человек, взбираясь вверх по карьерной лестнице, помогает подниматься и другим, связанным с ним системой этих сложных социальных отношений, благоприятно сказываются на производительности труда и способствуют общему росту экономики.

Таким образом, гуаньси являются важнейшим фактором, определяющим место человека в китайском обществе, охватыва-

ющим практически все его сферы и основывающимся на особенностях традиционной китайской культуры. Это интереснейшее яв-

ление, которое необходимо учитывать при межличностном общении и при деловых контактах с китайцами.

Список литературы

1. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001. 488 с.
2. Маслов А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2010. 288 с.
3. Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. М.: Каро, 2011.
4. В Китае наказали 572 чиновников за причастность к групповым преступлениям [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russian.people.com.cn/n3/2018/1105/c31516-9514845.html> (дата обращения: 25.09.2018).

УДК 82.282

Е. А. Гладких,
старший преподаватель кафедры
европейских языков и лингводидактики,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Поиск идентичности в романе Хелен Хант Джексон «Рамона»

В статье анализируется роман англо-американского писателя XIX века Хелен Хант Джексон «Рамона», одной из основных тем которого является поиск идентичности главной героиней, находящейся на границе нескольких культур.

Ключевые слова: Хелен Хант Джексон, Рамона, идентичность, Калифорния

E. Gladkikh,
Senior Lecturer,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Search for Identity in the Helen Hunt Jackson's Novel "Ramona"

In this article analyzes the novel by the Anglo-American writer of the XIX-th century Helen Hunt Jackson "Ramona" from the position of searching for the identity of the main character, located on the border of several cultures.

Keywords: Helen Hunt Jackson, Ramona, identity, California

Хелен Мария Хант Джексон является известным и признанным американским писателем второй половины XIX века, её творчество связывают, прежде всего, с борьбой за права североамериканских индейцев. В её творчестве одним из ключевых произведений, посвящённых этому вопросу, является роман «Рамона», изданный в 1884 году. Книга формально относится к романтическому жанру, на что обращают внимание многие американские критики, однако проблемы, поднимаемые автором в произведении, намного шире.

«Рамона» представляет собой мелодраму, построенную по законам романтического жанра. Главная героиня произведения воспитывается в Калифорнии, в креольской¹ семье Морено, которая долгие годы

хранит тайну её происхождения. Перед тем, как Рамона собирается связать свою судьбу с индейцем Алессандро, она узнаёт, что её отец, Ангус Фейл, был чистокровным шотландцем, а мать принадлежала к одному из местных индейских племён.

Женитьба Фейла на индианке является классическим примером того времени, поскольку многие европейцы, проживавшие на территории Калифорнии в XIX веке, заключали смешанные браки с представителями коренного населения. Однако его история не совсем типична, поскольку данный союз стал следствием предательства его бывшей возлюбленной. Когда Ангус Фейл находился в длительной деловой поездке, его невеста, мексиканка испанского происхождения из очень обеспеченной семьи, Рамона Гонзага, вышла замуж. Фейл, очень вспыльчивый от природы, начал пить, вести

¹ Креолы – потомки первых испанских колонистов в Северной Америке.

беспорядочный образ жизни, пока, наконец, не встретил одну индианку, у которой к тому времени уже было несколько детей от предыдущего брака. В отместку бывшей невесте шотландец женился на ней. Рамона Гонзага, прожив несколько лет в бездетном несчастливом браке, поняла, какую ошибку она совершила, но было уже поздно. Долгие годы она ничего не слышала о своём бывшем возлюбленном, пока неожиданно, после многих лет разлуки, он не предстал перед ней, держа на руках очень красивого ребёнка. Пристально посмотрев на неё своими голубыми глазами, он произнёс: *«Сеньора Ортеня, однажды Вы поступили со мной крайне жестоко. Вы совершили большой грех, и Бог за это наказал Вас, не благословив детьми. Я также жил не по божьим заповедям, я очень много грешил, и Бог тоже наказал меня. Но он даровал мне дитя. Я осмелюсь попросить Вас протянуть этому несчастному ребёнку руку помощи. Примите её, если можете, и воспитайте, как свою собственную дочь»* [1, с. 36].

Оставив ребёнка, Ангус Фейл исчез. Вскоре сеньора Ортеня (в девичестве – Гонзага) получила известие о его смерти. Судьба маленькой Рамоны (отец назвал девочку в честь своей бывшей возлюбленной) её очень беспокоила, поскольку она была уже немолода, а муж отнёсся к появлению ребёнка негативно. Поэтому сеньора Ортеня попросила свою сестру, проживавшую в Монтерее, в случае своей смерти, взять ребёнка на воспитание. Через несколько лет приёмная мать маленькой Рамоны умерла, а девочка осталась жить на ранчо своей тети, не догадываясь о том, что с семьёй Гонзага-Морено её не связывают кровные узы. Спустя годы Рамона, будучи полукровкой, чувствует «зов крови», который тянет её к своему народу. Так «романтическая линия» произведения приводит к осмыслению социально-политических проблем, связанных с экспансией страны.

Дорис Sommer, специалист в области исследований американской литературы «местного колорита», посвящённой проблемам коренных жителей Калифорнии, отмечает, что данные произведения, как правило, балансируют между романтизмом и национализмом, под которым в данном случае следует понимать стремление к национальной независимости и самобытности [7, с. 82]. Прежде всего, Д. Sommer останавливается на произведениях, на-

писанных авторами латиноамериканского происхождения, ставшими гражданами США. Также она уделяет внимание работам, в которых поднимаются остросоциальные вопросы, связанные с другой группой коренного населения, индейцами, испокон веков проживавших на данной территории и пострадавших ещё больше, чем мексикано-американцы. «Индийская» литература, по самой своей сути, является уникальной и настолько глубокой, что позволяет говорить о ней как о художественном явлении высшего порядка [Там же].

Вместе с тем Д. Sommer отмечает, что в аспекте изучения «романтического дискурса» данных произведений национальная проблематика уходит на второй план, несмотря на то, что многие авторы в своих работах пытались противостоять национальной политике США в отношении коренного населения страны. Писатели создавали книги, которые позволяли по-новому взглянуть на проблему притеснения индейцев и мексиканцев Калифорнии, тем самым давая «толчок к национальному единству» [Там же].

Роман Хелен Хант Джексон «Рамона», так же, как и большинство произведений калифорнийской литературы второй половины XIX века, обращается к теме становления национальной идентичности, рассматривая межэтнические браки как способ сближения и примирения людей различного происхождения. Д. Sommer утверждает, что «романтический сюжет и политическая интрига взаимодействуют между собой и дополняют друг друга». «Мы здесь видим, – пишет критик, – метонимический контекст между романтической любовью, которой нужно благословение государства, и политическими законами, которые могут разрушить эту любовь» [Там же, с. 41].

В «Рамоне» союз двух любящих сердец, принадлежащих к разным этносам, может рассматриваться как метафора взаимопонимания и согласия между народами, живущими в различных политико-экономических и социально-культурных условиях. Для Хелен Хант Джексон история любви полукровки Рамоны и индейца Алессандро представляла собой идеальный образ сосуществования двух этносов в новых для них жизненных реалиях¹. Однако, несмо-

¹ В 1848 году с подписанием Договора Гуаделупе-Идальго закончилась война между Америкой и Мексикой, по условиям которого большая часть территории последней (55 %) перешла во владение США. Мексиканцам, принявшим решение остаться на усту-

тря на социально-политический контекст «Рамоны», который присутствует и у других писателей американской литературы второй половины XIX века (например, у Марии Ампаро Руис де Бёртон в «Скваттере и Доне»), Джексон с иных позиций подходит к рассмотрению образа индейского населения штата.

Образ Рамоны писательница связывает с образом библейской Руфи, которая, будучи моавитянкой, не возвратилась в свои родные края, а осталась жить в Израиле с матерью умершего мужа, сказав ей так: «...не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдёшь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог – моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду... <...> смерть одна разлучит меня с тобою» [9, с. 79]. В «Рамоне» главная героиня говорит своему возлюбленному: «Твой народ – это и мой народ» [1, с. 217], что предваряется следующей фразой: «Я – индианка. Я принадлежу твоему народу» [Там же, с. 214].

Вложив слова Руфи в уста Рамоны, Джексон показывает истинную любовь, доказывая устойчивость и жизнеспособность таких союзов, которые на завоёванных территориях юго-западной части страны не были редкостью. Рамона не просто демонстрирует приверженность или даже преданность индейскому народу, кровь которого течёт у неё в жилах, она идентифицирует себя именно с индейцами, несмотря на то, что по отцовской линии она является шотландкой.

Вот как описывает Х. Х. Джексон Рамону в начале повествования: «*Она была наивной, жизнерадостной, благородной, религиозной девушкой, как чистый ручей,*

пленных их страной территориях, были гарантированы права на землю, которую они получили во время испанского и мексиканского правления, а также равенство в гражданских и политических правах с другими жителями США. Однако до полной ратификации договор претерпел важные изменения, согласно которым Конгресс США получил право решать земельные вопросы, связанные с мексиканской собственностью, по своему усмотрению. В 1851 году Конгресс издал новый Земельный акт, которым обязал мексикано-американцев доказывать обоснованность своих прав на землю. До тех пор, пока это не случится, спорные территории объявлялись государственной собственностью, что позволяло американским поселенцам претендовать на них. Индейцы Калифорнии оказались ещё в более худшем положении, чем мексикано-американцы, поскольку их считали людьми низшего сорта, у которых не было никаких прав, поэтому их с лёгкостью выселяли из их домов и с их земель, грубо истребляя целые племена.

переливающийся на солнце, – полная противоположность сеньоре, полной непостижимых глубин и бурных таинственных потоков» [Там же, с. 46]. Исходя из этой характеристики, сделаем вывод о том, что вторая главная героиня романа, сеньора Морено, является полным антиподом Рамоны. На протяжении всего повествования идет сравнение этих героинь: «*Сеньора была вся в прошлом, Рамона же представляла собой настоящее»* [Там же, с. 23].

Сеньора Морено – сторонница «расовой чистоты». Она категорически не принимает «смешанную кровь», считая полукровок «самым худшим вариантом из всех существующих» [Там же, с. 41]. Это говорит о том, что дискриминация была свойственна не только англо-американцам, но и мексиканцам испанского происхождения.

При сравнении образы сеньоры Морено и Рамоны следует отметить, что первой свойственна статичность, тогда как образ Рамоны, напротив, представлен в динамике. На протяжении всего романа характер девушки развивается. Она меняется, когда узнаёт историю своего происхождения. В тот момент, когда сеньора Морено начинает объяснять ей причины, по которым она выступает против брака своей воспитанницы с Алессандро, Рамона «*стала самой собой – не такой, какой была прежде, а совершенно иной, обещанной женой Алессандро»* [Там же, с. 23]. Прежде хрупкая и нежная девушка стала сильной и способной отстаивать свои права. В ней проявилась индейская кровь, о чём говорит и сеньора Морено: «*Я говорила моей сестре, когда она взяла тебя на воспитание, что индейская кровь, текущая в твоих жилах, когда-нибудь проявится. И сейчас я понимаю, что я была права»*. На это Рамона отвечает: «*Да, сеньора. Индейская кровь в моих жилах сегодня дала о себе знать. Сегодня я поняла многое, чего не понимала раньше»* [Там же, с. 177].

Рамона является индианкой не только по крови, но и по духу, поскольку индейский народ испокон веков славился своей силой, выносливостью, многотерпением. Она может спать под открытым небом, терпеть зной, холод, жажду; её не могут сломить ни огонь пожара индейской деревни, ни внезапное посещение «непрощеных гостей», американцев, отнимающих землю и всё то, что, как она считает, принадлежит ей по праву: «*Её глаза сверкнули; схватив нож, она двинулась вперед: “Вон из моего дома, белые собаки!”»* [Там же, с. 430]. Она интуитивно

следует всем индейским культурным традициям, которые раньше не знала, и понимает язык, на котором раньше не говорила.

Несмотря на это, часть американских критиков отмечает, что образы Рамоны и Алессандро в описании Х. Х. Джексона приближены к европейцам: они имеют светлый цвет кожи, говорят, даже между собой, по-испански, являются приверженцами католической церкви. По мысли Д. Розенталь, такая авторская позиция даёт повод судить о том, что Джексон «принижает роль индейцев по сравнению с испано-мексиканской аристократией», поскольку те более ассоциируются с «белыми» [6, с. 134]. На наш взгляд, такая точка зрения является не совсем верной, поскольку герои Джексона отличаются от «белых», прежде всего, силой духа.

Писательница показывает, что Рамону, несмотря на то, что она внешне отличается от женщин племени, индейцы принимают как свою. Х. Х. Джексон усиливает этот мотив постоянным повторением фразы: «Она – одна из нас» [1, с. 302]. Ей, как и другим соплеменникам, предстоит выселение с земель, на которых они с Алессандро обосновались. Эти испытания способствуют идентификации героини Джексона как индианки.

В своём романе автор не портретизирует завоевателей. Она ставит перед собой совершенно иную задачу – передать образ страдающего индейского народа. Однако на фоне бедствий Алессандро и Рамоны белые поселенцы, которые вторглись на их территорию, выглядят кровожадными, жестокими и циничными. К примеру, когда американцы приходят отнимать землю у Алессандро и Рамоны, они говорят чётко и убедительно, ссылаясь на правительственные законы, не принимая во внимание доводы тех, кому по праву принадлежит эта земля: «Уходи отсюда, слышишь? Это моя земля. Я здесь буду строить дом». Алессандро опешил: «Но вчера эта земля была моей. Как она сегодня может быть вашей? <...> Дорогой мой, ты мне кажешься благо-разумным человеком. Неужели же ты ничего не понимаешь? Не доставляй мне лишних хлопот. Эта земля моя». Он простёр руку, жестом охватывая всю территорию: «Вся эта земля – моя. <...> Мы намерены здесь поселиться. На прошлой неделе мы получили из Вашингтона необходимые распоряжения» [Там же, с. 354].

На протяжении всего повествования Алессандро всё время задаёт вопросы, на

которые у него нет ответа. Он недоумевает, почему, за что американцы лишают индейский народ дома, средств к существованию, отнимая землю, о чём спрашивает пастора: «Говорят, что американцы скупают земли мексиканцев, сгоняя с них индейцев, как собак. Они говорят, что мы не имеем права пользоваться этой землёй. Это правильно, святой отец? Мы же всегда жили на этой земле...» [Там же, с. 88]. Отец Сальвердерра в душе соглашается с Алессандро, но, понимая, что они не могут ничего изменить, советует индейцу смириться: «Мы беспомощны, Алессандро. Теперь они владеют нашей землёй и создают законы в свою пользу. А мы можем только уповать на Господа, что он их когда-нибудь накажет». Он благочестиво перекрестил Алессандро, дважды повторив последнюю фразу» [Там же, с. 90].

Однако Алессандро не может смириться. Год от года, день ото дня в его душе растёт ненависть к американцам, которые вынесли суровый приговор его народу. Эти чувства разделяет и Рамона, но не только потому, что захватчики ведут жестокую политику по отношению к индейскому населению. Изучив американцев, героиня делает горестный вывод: они так поступают не только с другими народами, но и с самими собой. И тому причина – деньги, которые для «белых поселенцев» являются «богом»:

«Деньги – это всё, о чём они думают. Чтобы получить деньги, они пойдут на любое преступление, даже убийство. Каждый день, как мне рассказывают, кто-то убивает кого-нибудь за золото. Мексиканцы убивают друг друга из чувства ненависти или когда на них находит приступ гнева. Но никогда они не убивают друг друга из-за золота». «Да и индейцы тоже, – вторит ей Алессандро. – Индеец никогда не будет убивать другого индейца за золото. Месть – да, возможна... Но за деньги!.. Маджелла, они же собаки!» [Там же, с. 320].

Отметим, что похожие мысли исходят из уст героев романа Марии Ампаро Руис де Бёртон «Скваттер и Дон», Дона Аламара и Доны Хосефы. Учитывая, что названный автор принадлежит мексиканскому народу и имеет причины ненавидеть американцев, такого рода высказывания её героев являются вполне адекватными. Но выражение аналогичной точки зрения героями (пусть и индейцами) англо-американки Х. Х. Джексона выглядит довольно смело. Однако, на

наш взгляд, автор имеет на это право, поскольку говорит от лица индейского народа в попытке привлечь внимание к их бедственному положению.

Заканчивая своё произведение смертью Алессандро и отъездом Рамоны в Мексику, писательница тем самым критикует национальную политику США, показывая, что при существующем порядке вещей мексиканцам и индейцам нет места на «американской» земле. Однако подобная концовка вызвала споры в среде критиков.

Согласно мнению историка А. Невинса, Х. Х. Джексон совершила большую ошибку, допустив спасение героини названным братом Филипе, с которым она бежала из индейской деревни после смерти Алессандро. В данном случае принцип «счастливого конца», который, по законам жанра, обязательно должен быть, по мнению учёного, себя не оправдывает, поскольку разрушает образ Рамоны, которая некогда, следуя «зову крови», вернулась к своим корням. Если бы героиня Х. Х. Джексон осталась со своим народом и прожила бы остаток жизни в нищете, для читателей она продолжала бы ассоциироваться с сильной личностью, для которой слова «Твой народ – это и мой народ» не являются пустым звуком [3, с. 280].

А. Родригес определяет положение Рамоны как «состояние исхода» [5, с. 48], поскольку она нигде не находит места: в начале она, ещё ребёнком, попадает в мексиканскую семью, что отдаляет её от народа, к которому она принадлежит по своему происхождению, потом уходит из семьи, воспитавшей её, и, наконец, после смерти мужа уезжает из Соединённых Штатов в Мексику – страну, с которой её до этого не связывали ни национальные, ни семейные узы.

Однако, по-нашему мнению, Х. Х. Джексон тем самым показывает промежуточное состояние национальной идентичности Рамоны: как индианка, живущая в Соединённых Штатах, она должна уехать, как испанская креолка, она не может остаться в стране, где ей уготована судьба «иностранки», – американкой в полном смысле этого слова она себя ещё не ощущает.

Незадолго перед смертью Х. Х. Джексон писала Т. Хиггинсону, что она за свою жизнь написала только две «вещи», за которые ей не стыдно – «Век позора» и «Рамону»: «Они будут жить, и они принесут плоды. Они уже их приносят» [Там же, с. 53]. «Плоды», о которых говорит писатель, носят не только социально-политический характер: после опубликования этих двух книг, которые «привлекли внимание общественности к судьбе индейцев Калифорнии, были предприняты шаги для улучшения их существования» [4, с. 313]. «Рамона» также в целом оказала влияние на литературу Северной Америки, основной чертой которой является мультикультурность. Ш. Уокер утверждает, что «вся в целом американская культура неотделима от этнических литератур, более того – последние являются её основой» [8, с. 30]. Таким образом, Хелен Хант Джексон, осмысливая в своём романе наиболее сложную страницу американской истории, затрагивает проблему этнической и национальной идентичности в контексте мультикультурного взаимодействия. Несмотря на то, что главной героине, Рамоне, не удалось до конца осознать свою подлинную идентичность, тем не менее, Х. Х. Джексон надеется, что народы, живущие в Калифорнии, и американцы когда-нибудь станут жить в гармонии и смогут стать единой нацией.

Список литературы

1. Jackson H. H. *Ramona*. Boston: Roberts Brothers, 1889. 490 p.
2. Mathes V. Sh. *Helen Hunt Jackson and Her Indian Reform Legacy*. Austin, TX: University of Texas Press, 1990. 235 p.
3. Nevins A. Helen Hunt Jackson, Sentimentalist vs. Realist // *American Scholar*. 1941. Summer. P. 269–285.
4. *North American Indians in Historical Perspective* / Edited by E. B. Leacock and N. O. Lurie. N.Y., 1971. 495 p.
5. Rodrigues A. "In order to form a more perfect union". *Interethnic / interracial romances, unions and nation formation in Helen Hunt Jackson, Maria Amparo Ruiz de Burton, Elizabeth Van Deusen and Manuel Zeno Gandia*: Ph.D. Dissertation. University of Massachusetts Amherst, 2004. 158 p.
6. Rosenthal D. J. *Race Mixture and the Representation of Indians in the U.S. and the Andes* // *Mixing Race, Mixing Culture: Inter-American Literary Dialogues* / Ed. Monika Kaup and Debra J. Rosenthal. Austin: U of Texas, 2002. P. 122–139.
7. Sommer D. *Foundational Fiction: The National Romances of Latin America*. Berkeley: University of California Press, 1991. 418 p.
8. Walker Ch. *Indian Nation: Native American Literature and Nineteenth-Century Nationalism*. Durham: Duke UP, 1997.

Е. В. Фёдорова,
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Особенности межкультурного диалога в романе Алехандро Моралеса *River of Angels* (2014)

*Статья посвящена исследованию романа мексикано-американского писателя Алехандро Моралеса *River of Angels* (2014) с точки зрения художественного осмысления проблем конфликта и диалога культур. Автор выделяет особенности сюжетного построения и ключевые образы романа, используемые писателем при создании истории жизни поколений двух различных в этнокультурном и социальном положении семей в контексте истории Юго-Запада США.*

Ключевые слова: мексикано-американская литература, литература чикано, диалог культур

E. Fyodorova,
Senior Lecturer,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Intercultural Dialogue in Alejandro Morales's Novel *River of Angels* (2014)

*The article examines the novel *River of Angels* (2014) by Mexican American writer Alejandro Morales in terms to define conflict and dialogue of cultures. The author explores the plot construction and key images of the novel creating the life history of two families different in the ethnocultural and social position within the context of the U.S. South-West history.*

Keywords: Mexican American literature, Chicano literature, dialogue of cultures.

Современный мексикано-американский (чикано) писатель Алехандро Моралес обращается к проблемам поиска идентичности и самоопределения человека в пограничной культурной среде, а также проявляет значительный интерес к этносоциальной проблематике и конфликтам, возникающим на почве межэтнических и межкультурных противоречий. Последний вышедший роман Моралеса *River of Angels* (2014) посвящён истории двух различных в этнокультурном и социальном положении семей: англо-американцев Келлер и мексиканцев Риверс. Исследование особенностей сюжетного построения и ключевых образов и символов текста позволяет выявить источники зарождения, пути развития и механизмы разрешения этносоциального конфликта и возможности построения межкультурного диалога.

Тема диалога и конфликта культур является одной из широко обсуждаемых в отечественной и зарубежной научной литературе и, безусловно, представляет интерес в контексте филологического подхода. Т. В. Воронченко справедливо отмечает: «в современных социокультурных условиях возникает необходимость всесторонне-

го исследования художественных текстов с точки зрения репрезентации в них различных форм взаимодействия культур» [2, с. 112]. Филолог-американист А. В. Ващенко рассматривает диалог как форму взаимодействия литератур и культур, процесс обмена вечными образами и сюжетами [1]. Представитель Донецкой филологической школы М. М. Гиршман считает, что философия диалога на рубеже XX–XXI веков проявляется «в качестве одного из возможных языков описания и осмысления специфики словесно-художественного произведения» [3, с. 539]. Нам близка точка зрения В. А. Доманского, полагающего одним из самых объективных способов интерпретации текста прочтение литературного произведения как «текста культуры, отразившего столкновение и динамику разных точек зрения: социальных, политических, этических, эстетических, философских» [4, с. 108]. Выявление в тексте романа А. Моралеса символов, образов, мотивов и идей, отображающих особенности развития конфликта и построения мирного диалога в ходе взаимодействия культур, предполагает опору на принципы изучения диалога культур в художественном тексте: поиск конкретных

способов сближения, гармонизации, совместимости различных культурных ценностей и ценностных систем.

Встреча культур является структурообразующим элементом романа Моралеса *River of Angels*. На уровне структуры построения текста межкультурная коммуникация представлена переплетением сюжетных линий, связанных с жизнью двух семей: Келлер – англо-американцев, и Риверс – мексиканцев, потомков коренных жителей американского Юго-Запада – индейцев. Межкультурный диалог главных героев романа писатель помещает в исторический контекст. Фоном развития действия является документально-достоверный процесс строительства и развития Лос-Анджелеса, а именно – строительства речных мостов, соединивших судьбы мультикультурного сообщества людей.

Автор романа прибегает к детальному описанию культурных различий представителей двух семей, противопоставляя образы главных персонажей. Поколения семьи Риверс (*Mexican Indians*) живут на своей земле веками в гармонии с природой. Абельардо, первый представитель рода Риверс, описанный в романе, унаследовал землю возле реки от своего отца, как тот – от своего отца. Моралес подчёркивает приверженность Риверсов древним индейским традициям поклонения природе: *Abelardo's most intimate knowledge of the river's ways came from his willingness to associate with and listen to the ancient people* [5, с. 6].

Изменение традиционного уклада жизни Риверсов автор связывает с интенсивным индустриальным развитием Лос-Анджелеса, повлёкшим приезд на эту территорию множества семей англо-американцев. Моралес включает в текст многочисленные монологи и диалоги героев, передающие растущее общественное напряжение между разными в этническом и социальном планах американцами: *The gringo city fathers built the bridges so that the Mexican laborers who worked in the city on the Westside could leave. Mexicans worked during the day – starting early in morning – in factories and sweatshops, cleaning rich Anglo homes, taking care of their kids* [Там же, с. 11]. Семья Келлеров, представляющая вторую группу главных героев романа, приезжает на запад страны в поисках возможностей улучшения своего благосостояния. Оценив потенциал растущего города, Келлеры учреждают собственную строительную компанию и становятся конкурентами Риверсов, а впоследствии – друзьями и родственниками в результате

смешанного брака их детей: Альберта Риверса с дочерью магната Луизой Келлер. Этот сюжетный ход является ключевым в романе, он представляет пример позитивного межкультурного диалога, связанного с утверждением межнационального мира через создание семьи: *to see the justice of the peace, a judge authorized by law to pronounce the civil ceremony of marriage* [Там же, с. 159].

Представляя коммуникации между второстепенными персонажами романа, Моралес рисует масштабную картину жизни мультикультурного сообщества живущих по обе стороны реки людей: индейцев, европейцев, латиноамериканцев, афроамериканцев и азиатов. Автор вкладывает в уста героев жёсткие детали жизни индейцев в индустриализующейся Америке: *The Indians had lost almost complete control of their land, language, religion and bodies. They were in danger of disappearing as a people. They lived in the open fields, in the forest or along the river in inhumane conditions* [Там же, с. 89].

Обращает на себя внимание концептуальное название романа – *River of Angels*. Образ реки представляет особый интерес с точки зрения реализации принципа диалога культур в данном тексте. Река и разделяет, и объединяет: географически она разделяет разные культурные миры (англо-американцев и мексиканских индейцев), но как явление природного мира олицетворяет равенство всех людей перед природой: *The Indians believed that the river spirit considered all that existed in its waters living precious objects, sending out its river energy to bring them back. The river's spirit would never be controlled; it was unpredictable; it was greater than man* [Там же, с. 3].

Особенностями межкультурного диалога в романе А. Моралеса являются организация текстового пространства по принципу диалога: две семьи, принадлежащие к разным культурам и социальным классам, символически связываются с двумя берегами реки, которые соединяет мост. Межкультурный диалог является стержневой темой повествования в романе и расширяет аспект поднимаемых писателем этносоциальных проблем. Движущей силой сюжета является взаимодействие противоборствующих сил: природы и техники, аборигенного и чужеземного, – которые олицетворяют, соответственно, две группы главных героев – мексикано-американцев Риверс и англо-американцев Келлер, прошедших путь от конфликта к позитивному межкультурному диалогу.

Список литературы

1. Ващенко А. В. Магическое зеркало: литература в диалоге культур // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачевские науч. чт. (17–18 мая 2012 г.). Т. 1. Доклады. СПб.: СПбГУП, 2012. 504 с. С. 452–455.
2. Воронченко Т. В. Диалог культур в современном зарубежном романе (Дж. Апдайк, С. Рушди) // Перспективы развития науки и образования: материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. (28 дек. 2017 г.) / под общ. ред. А. В. Туголукова. М.: ИП Туголуков А. В., 2017. 236 с. С. 112–114.
3. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянских культур, 2007. 560 с.
4. Доманский В. А. Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268.
5. Morales A. River of Angels. Houston: Arte Público Press, 2014. 352 p.

УДК 008:82-3

А. С. Коноплева,

аспирант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Трансформация современного романа-путешествия в эпоху глобального туризма

В статье рассматривается «путешествие» как самостоятельный жанр художественной литературы. Анализируются его характерные черты и их трансформация в эпоху глобального туризма.

Ключевые слова: жанр «путешествие», роман-путешествие

A. S. Konopleva,

Postgraduate Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

The Novel Travels is Transformed into the Era of Global Tourism

The paper looks upon “travel” as a separate genre of fiction. Its characteristic features and their transformation in the age of global tourism are analysed.

Keywords: “travel” genre, travel novel

Тяга к перемене мест присуща человеку с незапамятных времён. Не угасает она и в современном мире. Об этом свидетельствуют прогнозы всемирной туристической организации ЮНВТО: к 2020 году армия путешественников достигнет 1,6 миллиардов человек (тогда, как 10 лет назад по миру странствовало 922 миллиона) [11]. Путешествие воспринимается как значительное и яркое событие. Справедливо утверждение Е. Стеценко о том, что из всех сфер деятельности человека именно оно вызывает наибольшее желание фиксировать происходящее в слове [9, с. 12]. В связи с этим особое значение приобретает вопрос трансформации литературного жанра романа-путешествия в современную эпоху глобального туризма. Необходимость обращения не только к литературоведческим работам,

но и к трудам по социологии, культурологии подразумевает применение комплексного подхода к анализу проблемы. Рассматривая туризм как социокультурное явление, мы опираемся на информацию всемирной туристической организации ЮНВТО. Она определяет туризм как временные выезды (путешествия) людей с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях на период более 24 часов, в точке временного нахождения, без деятельности, связанной с получением дохода от источников в месте нахождения [11].

Освещение романа-путешествия и его развитие в историческом контексте отражается в трудах В. Михайлова, М. Шадринной,

В. Гуминского, Е. Стеценко. Вслед за ними мы рассматриваем «путешествие» как самостоятельный жанр художественной литературы и в качестве наиболее полного называем определение В. Гуминского: «Путешествие – жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных фактов о, прежде всего, неизвестных читателю или совершенно незнакомых странах, народах в форме заметок, записок, дневников, очерков, мемуаров и т. д.» В. Гуминский оперирует понятием «идея свободы» как главной чертой жанра. «Идея свободы» отражается в том, что текст романа-путешествия не замкнут внутри себя как отдельный литературный объект. Он напрямую связан с действительностью [3, с. 315]. Также «Идея свободы» и стремление к расширению границ жанра прослеживается в работах Е. Стеценко, М. Шадринной. Исследователи делают акцент на сочетании в нём элементов литературы художественной и небеллетристических текстов. В настоящее время авторы-путешественники добавляют в своё литературное творчество карты местностей, QR-коды и ссылки на социальные сети, блоги, сайты, YouTube-каналы, в которых находятся фото- и видеоотчёты их приключений. Небольшой фотоальбом мы видим в середине тома Кристофа Рехаге «Самый большой дурак под солнцем» 2012 года выпуска, а на обложке издания – ссылки на социальные сети, где можно подробно ознакомиться с деталями его пути в 4646 километров [8, с. 416]. Таким образом, роман-путешествие становится не только не замкнутым литературным объектом, а единицей системы гиперссылок заданной тематики.

М. Шадринна считает главной особенностью текстов, написанных в жанре «путешествие», обязательное присутствие документальных элементов. В двадцать первом веке роль факта в романе-путешествии особенно высока. Авторы стремятся не только убедить читателей в достоверности описываемых событий, а провести его за собой по маршруту в буквальном смысле. Так, прочитав книгу Шерил Стрэйд «Дикая», изданную впервые в 2012 году, мы будем не только знать историю героини, но и чётко представлять все сложности маршрута Тихоокеанского хребта, а также способы их преодоления. Изучив произведение американского писателя и журналиста Джона Кракауэра, лучше понимать тонкости выживания «в диких условиях». При этом от-

кровенный вымысел, который ещё совсем недавно считался значимым атрибутивным признаком, перестаёт быть неотъемлемой частью специфики текста путешествия.

Влияние туризма проявляется также в структуре произведений. В названиях ряда художественных текстов отражается уже не только специфика жанра, как это было ранее, а, согласно определению туризма, временный отрезок авторской судьбы, проведённый в странствии («часы», «каникулы», «годы») [9, с. 298], цели или тип поездки («паломничество», «экспедиция», «тур», «экскурсия»). Например: «Год в Провансе» (Питер Мейл) 1989 г., «Год в Ботсване» (Рэндалл Уилл) 2010 г., «Экспедиция «Кон-Тики» (Тур Хейердал) 1948 г.

Приметы эпохи глобального туризма находят отражение и в сюжете произведений. Герои, как и их прототипы, не только и не столько стремятся отправиться в неведомые земли, сколько сбежать от многочисленных туристов. Именно такой мотив у персонажей книги «Пляж» Алекса Гарленда (1996). В Бангкоке на улице «Кхаосан – стране пешеходов, где почти все здания переоборудованы в гостиницы» знакомятся Этьен и Ричард. Вскоре к ним в руки попадает карта с таинственным малоизвестным «Пляжем». Молодые люди сразу воодушевляются идеей добраться на остров «за пределами Ко-Самуи... <...> и Ко-Пангана», куда отправляются только «самые смелые путешественники в поисках спокойствия», так как другие «острова испорчены. Слишком много туристов» [2, с. 411].

Не избегает изменений и лексика художественных текстов. Т. Воронченко в исследованиях «Global English как фактор гибридности литературного текста», а также «Диалог культур: английский язык в повседневной среде российского города» говорит об актуальной на сегодняшний день проблеме смешения русского и английского языков [1, с. 361]. Причину профессор видит, в том числе, в следующем: «культурные связи, интеграция, интернациональные мировые процессы невозможны без использования языка мирового общения, которым по многим причинам стал английский язык. Он проникает в нашу повседневность через процесс культурной глобализации. <...> Тенденции глобализации оказывают влияние и на культуру повседневной жизни, на городскую среду обитания, а в итоге – на образ жизни обычных людей» [6, с. 79]. Последний, в свою очередь, фиксируется

в романах-путешествиях, которые являются «слепокми действительности» [5, с. 78]. Ярким примером служат художественные произведения российского писателя-путешественника Антона Кротова. Герои его книг поселяются в хостелах или являются каучсерферами, летают лоукостами и т. д. [4, с. 112].

В. Шачкова отмечает: жанр «путешествие» – отклик на запросы аудитории. Сегодня, когда туризм стал образом жизни современного человека, происходит закономерный всплеск интереса к литературным работам путешественников. Издательства не только выпускают книги отдельных авторов об их странствиях, но и объединяют их в целые серии. На счету одного из крупнейших издательств в Европе «Эксмо» такие группы книг, как «Великие путешествия» и «Travel Story» [12].

Таким образом, роман-путешествие не прекращает развиваться, чему актив-

но способствует эпоха глобального туризма. Помимо этого он играет важную роль, становясь для путешественника не только туроператором или гидом, но также верным спутником, вдохновителем. Альберт Поделл начинает своё произведение «Паспорт человека мира» (2015) словами: «Всё началось с книги “На дороге” Джека Керуака. Я заглотив её за один длинный день. На следующее утро выскочил из мрачных готических башен академии и отправился в путь» [7, с. 21].

«Путешествие» является самостоятельным жанром художественной литературы, который наиболее сильно испытывает влияние различных внелитературных обстоятельств. Эпоха глобального туризма – благотворная почва для развития, трансформации ряда исторически сложившихся атрибутивных признаков, структуры, сюжета, романа-путешествия, а также его популяризации.

Список литературы

1. Воронченко Т. В., Михина А. Э. Global English как фактор гибридности литературного текста // Фундаментальные исследования. 2013. № 11–2. С. 356–361.
2. Гарленд А. Пляж / пер. Е. Смирнова. М.: Иностранка, 2016. С. 411.
3. Гуминский В. М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 314–315.
4. Дорофеева А. А., Дорофеев А. А. Носители туристской лексики: структура и численный состав // Вестник ТвГУ. Сер. География и геоэкология. 2017. № 4. С. 105–112.
5. Мартыанова Е. Г., Чеснова Е. Н. Особенности исследования и развития литературного туризма как разновидности культурного туризма в России и Тульской области // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 1. С. 78.
6. Михина А. Э., Воронченко Т. В. Диалог культур: английский язык в повседневной среде российского города // Вестник ЗабГУ. 2012. С. 73–79.
7. Поделл А. Паспорт человека мира. Путешествие сквозь 196 стран / пер. с англ. Е. Тортуновой. М.: Эксмо, 2017. С. 480.
8. Рехаге К. Самый большой дурак под солнцем. 4646 километров пешком домой / пер. Ю. Покровской. М.: Эксмо, 2015. С. 416.
9. Стеценко Е. А. История, написанная в пути. М.: ИМЛИ РАН, 1999. 312 с.
10. Стрэйд Ш. Дикая. М.: Эксмо, 2017. С. 464.
11. UNWTO [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unwto.org/en> (дата обращения: 20.08.2018).
12. Eksmo [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eksmo.ru> (дата обращения: 20.08.2018).

УДК 808

С. Я. Рычкова,
аспирант,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Типологические сходства и различия на примере произведений Олдоса Хаксли и Лао Шэ в контексте диалога культур Запад – Восток

В современном мире приходится учиться жить в условиях множества культур, типов знаний, логик, точек зрения. Следовательно, появляется такой термин, как диалог культур и парадигма Запад – Восток. Взаимовлияние различных культур друг на друга оставляет след в биографии писателей и проявляется в их творчестве.

Ключевые слова: диалог культур, парадигма, Запад, Восток

Typological Similarities and Differences on the Example of the Works of Aldous Huxley and Lao She in the Context of the Dialogue of Cultures of West – East

In the modern world, one has to learn to live in conditions of a multitude of cultures, types of consciousnesses, logicians, and points of view. Consequently, there is such a term as the dialogue of cultures and the West – East paradigm. The mutual influence of different cultures on each other leaves a mark on the biographies of writers and is manifested in their work.

Keywords: *dialogue of cultures, paradigm, West, East*

В конце XX века основой мышления общества представляется диалог как основной способ освоения духовно-ценностных основ жизни, форма поиска самого себя в мире общечеловеческих ценностей истины, добра, красоты, любви, счастья. Это также способ познания мира и способ самовоздвешивания, самоосуществления, самоопределения. Исходя из современного понимания диалога, следует интерпретировать жизнь как участие в непрерывном диалоге бытия, умение слушать и вопрошать, соглашаться и сомневаться, удивляться и восхищаться, спорить и убеждать. Обращение к термину «диалог культур» и «парадигма Запад – Восток» наблюдается в разных областях науки достаточно давно; в российском литературоведении данная тема освещалась такими учёными, как М. М. Бахтин, В. М. Жирмунский.

Парадигму Запад – Восток целесообразно рассматривать с позиций учения М. М. Бахтина о диалоге культур, получившего в рамках статьи некоторые дополнения.

Были определены следующие аспекты изучаемого явления:

- 1) синтез и слияние разных точек зрения или позиций в одно общее мнение;
- 2) сохранение каждым участником диалога внутреннего единства, открытой целостности и взаимного культурного обогащения;
- 3) понимание принципиальных различий между участниками диалога культур;
- 4) влияние социально-политических событий на авторов и на их произведения [1].

Предлагаем выявить указанные выше аспекты в произведениях английского писателя Олдоса Хаксли и китайского автора Лао Шэ.

При рассмотрении творчества писателей следует также обратиться к их био-

графии. Олдос Хаксли является представителем британской культуры (Запад), а Лао Шэ – выразитель культуры Китая (Восток). На момент создания романов и в Великобритании, и в Китае проходили политические, социокультурные, религиозные и мировоззренческие изменения. В Китае «японские войска, осуществляющие операцию по захвату Маньчжурии, выходят к Шаньхайгуаню у восточного края Великой китайской стены, что влияет на общественное сознание, политику и культуру страны» [8]. В Великобритании в это время появляются отдельные партии либералов и партии британских национал-фашистов. Народ воспринимает произведения писателей как призывы к изменению жизни, а за Лао Шэ начинают следить, так как его мысли и книги считают угрозой для государства.

Различия между Западом и Востоком приняты как данность. Например, за Востоком закрепились такие цивилизационные характеристики, как деспотизм, преобладание общинного начала, коллективизм и приверженность традициям.

Писатель Лао Шэ являлся патриотом своей страны. Обращение к его произведению «Записки о кошачьем городе» (1933) показывает образ утраченного прошлого, ставшего неважным для жителей вымышленной страны, из-за чего некогда процветавшее Кошачье государство угасает и исчезает вовсе. С одной стороны, Лао Шэ говорит о патриотизме и стремлении сохранить историю и традиции. С другой – он придерживается идеи развития, постижения нового. Учитывая автобиографический подтекст произведения, следует упомянуть об образах дурманых деревьев и войн за них, что, скорее всего, является отражением тех Опиумных войн, которые произошли когда-то в Китае. Кошачье государство на Марсе изображено писателем гротескно,

иронично сравнивая его с Китаем начала 1930-х годов, Лао Шэ утверждает, что создал роман после вторжения японской армии, которое потрясло его, что повлияло на эмоциональную сторону текста. Никогда до того авторская оценка пороков Китая не была настолько жёсткой и конкретной. Критике писателя подвергся широкий спектр общественных проблем: распад экономики и системы образования, корыстность политиков, капитулянтство и недееспособность правительства, расслоение и дезорганизация общества, трусость армии и одурманивание народа завезённым из-за рубежа наркотиком, некритичное заимствование всего иностранного и колонизация страны иностранными державами. Сравнивая в произведении Кошачий город и реалии Китая, Лао Шэ также предсказывает возможную судьбу государства, которое может погибнуть из-за обозначенных проблем, таким образом автор призывает к объединению народа против врага, угрожающего всему Китаю.

Роман «О дивный новый мир» (1932) Олдоса Хаксли развенчивает слепое подчинение законам и «общепринятым» нормам. Нарушение этих норм ведет к самоуничтожению, что отражает судьба Дикаря. О рационализме рассуждает Главноуправитель в разговоре с Дикарем. Он говорит, что современное общество не похоже на эпоху Отелло. Люди не способны воспринимать произведение в его первоначальном виде, так как все довольны жизнью, а тексты типа «Отелло» востребованы в нестабильном обществе. Люди не могут выйти за рамки положенного, потому что заранее продуманная и продиктованная жизнь этому не способствует. Столкнувшись с проблемами, люди просто используют наркотик, сому, чтобы забыть всё негативное. Если член такого общества сформирован как работник, то он не знает, что такое свобода, и уж тем более не поймёт трагедию «Отелло» со всеми её страстями и смыслами [9].

Получается, что нестабильность даёт возможность быть свободным и развиваться. Уважение к «естественным правам человека» даёт возможность каждому реализовать свои идеи, свой потенциал. Это характерно для современного общества.

Среди различных межкультурных взаимодействий особый интерес представляют контакты между Востоком и Западом.

Лао Шэ изучал европейскую литературу, начиная с античности, тогда как Олдос

Хаксли не обращался к литературе Китая. Восточные писатели воспринимали литературу Запада, считая обращение к каждому тексту возможностью обучения чему-то новому, часто синтезировали восточные традиции с западным влиянием. Западные писатели, как правило, не выходили за рамки родной литературы, редко обращаясь к мифам и истории Востока.

После обращения к западной культуре Лао Шэ укрепил веру в свою страну и народ, следовательно, через изучение чужого к нему пришло понимание собственной культуры.

В произведении «О дивный новый мир» О. Хаксли показывает гнетущую картину общества восторжествовавшей технократии, для которой прогресс стал синонимичен полному отказу от духовного многообразия и подавлению всего индивидуального во имя социальной стабильности, материального благополучия и стандарта, несовместимого с мыслью о свободе. Перенос действия в будущее, О. Хаксли демонстрирует возможное развитие общества, отталкиваясь от тех переживаний, которые вызывает у него современный мир. Говоря о возможном стирании этических и моральных норм, писатель намеренно доводит общество в тексте до потери индивидуальности и памяти поколений, превращая его в тоталитарный режим.

Лао Шэ в произведении «Записки кошачьего города» создаёт узнаваемую панораму реалий Китая первой трети XX века – яркое трагикомическое обобщение, определившее достойное место этой книги в китайской и мировой литературе.

При анализе текстов можно выявить точки схождения или слияния авторских мнений. Это, прежде всего, отношение к прошлому и к истории. В обоих романах герои забывают о том, что должно сохранять и помнить. Отметим, что в каждой культуре наблюдается широкий пласт выражений, которые отражают важную истину: без прошлого у человека нет и будущего. Следовательно, в произведениях Олдоса Хаксли и Лао Шэ в обществе, забывшем историю, герои становятся жертвами мира.

Привилегированная правящая элита в обоих романах объявляет войну истории, уничтожая книги, искажая истинный смысл слов и действий, законов, прерывая связь поколений, подрывая институт семьи, аннигилируя любовь, тем самым пытаясь свести на нет диалог культур. Стоит помнить, что

две культуры встречаются в особом пространстве ума – «пространстве истории», где создаётся и развивается в дальнейшем историческое сознание. Однако историческое развитие в романах прервано.

В «О дивном новом мире» история считается ненужной информацией, которая слишком стара и не даёт ничего нового, тем самым уничтожая её. Главнуправитель любит повторять «прекрасное и вдохновенное» изречение божества нового мира, Форда: *«История – сплошная чушь»* [68].

В «Записках кошачьего города» история, как и образование, ничему не учит. Жители государства, люди-кошки, предпочитают употреблять в пищу дурманные листья, приносящие бесплодные грёзы, что приводит к полной стагнации в обществе. Попытки предотвратить безделье ничем не заканчиваются: *«Однако в первый же день после запрета императрица от тоски дала императору три пощечины (Большой Скорпион продемонстрировал мне очередную историческую скрижаль), отчего император заплакал горячими слезами. Поэтому к вечеру того же дня вышел новый указ: считать дурманные листья “государственной пищей”»* [4]. Указ о разрешении употреблять дурманные листья воспринимается жителями Кошачьего города как самый милосердный. Императору проще оказалось поддаться навязанной иностранцами зависимости от дурманных листьев, нежели бороться с ней, следовательно, иностранцы победили людей-кошек, разрушив их нравственные устои.

Главная проблема, которая привлекает внимание Лао Шэ, – это нравственная деградация кошачьего общества. Люди-кошки в силу своей необразованности и постепенной деградации из-за поедания дурманных листьев уже не могли предпринять адекватные попытки для восстановления государства.

Рассмотрим ещё один из выделенных ранее аспектов: сохранение каждым участником диалога внутреннего единства, открытой целостности и взаимного обогащения.

Лао Шэ после принятия христианства благодаря друзьям по вере отправляется

в Лондон преподавать. Для совершенствования знаний английского языка он начинает читать литературу Великобритании. Так Лао Шэ познаёт литературу Запада и многое перенимает от неё, в частности, привносит в своё творчество черты жанра романа-антиутопии, активно развивающегося в Европе в это время. В отличие от Лао Шэ, Олдос Хаксли не уделяет столько времени изучению литературы восточных стран.

Диалог культур представлен в обоих произведениях, поскольку в них показано общение между людьми, принадлежащими к разным народам и культурам.

В «Записках кошачьего города» главный герой из Китая встречается с местным населением. Люди-кошки удивляются спичкам и оружию прилетевшего. Иностранца начинают и уважать, и презирать, и даже пытаются заработать на нём деньги. Главный герой усваивает язык людей-кошек и узнаёт их историю. Он становится во главе солдат Большого Скорпиона. За свою работу он получает еду и кров, в дальнейшем же, когда происходит нападение на Кошачий город, в чём главный герой просто не принимает участие, так как местные жители не способны в результате употребления дурманных листьев защитить свою родину.

В «О дивном новом мире» происходит встреча людей общества Форда с представителем резервации. Дикарь, имевший в «отсталом» мире доступ к книгам, не понимает новых норм общения Дивного мира. Культуры, столкнувшись, «сломали» Дикаря, и он, не выдержав упаднического общества, решает покончить с собой.

Следовательно, парадигма Запад – Восток по-разному репрезентуется в произведениях писателей. Однако следует при этом указать на общую черту таких репрезентаций: в обоих романах общество признаёт историю ненужной, в результате чего происходит падение государств. Анализ парадигмы Запад – Восток в рассмотренных произведениях говорит о влиянии на авторов внешнего мира, что находит отражение в текстах.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> (дата обращения: 04.09.2018).
2. Долженко С. Г. Диалог культур в романах Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» и Джорджа Оруэлла «1984» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8, ч. 1. С. 66–69.
3. Жирмунский В. М. Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / отв. ред. М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин, Б. Н. Путилов. Л., 1979. 497 с.

4. Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе. М.: Вост. лит., 2010. 212 с.
5. Ли Ч. О переводе произведений Лао Шэ на русский язык // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 4. С. 117–125.
6. Лин О.В. Экзистенция социального: в городе кошек Лао Шэ // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1, № 2. С. 95–100.
7. Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
8. Сорокин В. Жизнь и судьба художника // Лао Шэ. Избранные произведения. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1991. С. 5–18.
9. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2013. 288 с.
10. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли. М.: ЛКИ, 2007. 159 с.
11. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново, 2009.

УДК 82.282

Б. М. Сундеева,

аспирант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Двойная идентичность в романах Пёрл Бак и Максин Хонг Кингстон

В настоящее время особый интерес для литературоведов представляют так называемые «литературы-через-дефис», которые отражают сложные процессы взаимодействий в современном мире. Исследование творчества Пёрл Бак и Максин Хонг Кингстон – не исключение. Такая литература подразумевает нахождение личности в двух культурах, что означает её принадлежность и к той, и к другой, или же непринадлежность ни к одной из них. Подобное мироощущение накладывает особый отпечаток на художественный текст и образ мышления писателя. Особенность такой литературы состоит в том, что она создаётся разными культурными кодами, которые исторически и географически далеко отстоят друг от друга.

Ключевые слова: «литература-через-дефис», маргинальность, двойственное мироощущение, инаковость, гибридная идентичность

B. Sundueva,

Postgraduate Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

Dual Identity in Pearl Buck and Maxine Hong Kingston's Novels

Today, so-called “hyphenated literature”, which reflects the complex processes of interaction in the modern world, has a special interest for literary critics. The research of Pearl Buck and Maxine Hong Kingston's literary work isn't an exception. Such literature means that the person can exist in two cultures, which suggest belonging to one and the other, or non-belonging to one of them. It's very interesting that this attitude imposes a special imprint on the artistic text and the writer's way of thinking. The peculiarity of such literature is that it is created by different cultural codes that are historically and geographically far apart from each other.

Keywords: “hyphenated literature”, marginality, dual world perception, otherness, hybrid identity

Творчество Максин Хонг Кингстон является одним из первых художественных примеров для научного осмысления феномена «литературы-через-дефис». Писательница является иммигранткой второго поколения и пытается уйти от своей маргинальности. Имя автора является прямым подтверждением криптоэтничности или зашифрованной идентичности. Роман «Воительница» – это художественная автобиография, в

которой писательница наделяет свою главную героиню Максин схожим двойственным мироощущением.

Необходимо отметить, что причиной обращения к творчеству Пёрл Бак стала оценка М. Кингстон, которая назвала её «американкой китайского происхождения и своей литературной праматерью» [2]. Это означает, что она доверяет тому образу Китая, который создан американской писательницей

Пёрл Бак. С точки зрения происхождения и вхождения в литературу она считается всё-таки американской писательницей, но в последнее время её произведения могут быть рассмотрены как проявления «пограничной» литературы. Пёрл Бак считается первым американским писателем, который стремился преодолеть бинаризм Запад – Восток и донести это понимание до читателя. Стали появляться исследования, в которых говорится о гибридной идентичности писательницы, о том, что к её творчеству применима оппозиция «свой – чужой». При этом в некоторых её произведениях американцы выступают в роли «чужих», а китайцы – в роли «своих». Это является доказательством того факта, что писательница мыслила в культурном пространстве Китая. В то время такого явления, как «литература пограничья», ещё не существовало, но Пёрл Бак уже позиционировала себя как человек двух культур. Доказательством тому является её книга воспоминаний «Мои несколько миров». Ей нравилось, что она является носителем двух культурных кодов. По своей стилистике и мироощущениям Пёрл Бак была «пограничным» автором. Все произведения, написанные этой писательницей, так или иначе связаны с Китаем. Интересно, что выходом из кризиса идентичности авторы видят творчество – третье пространство, благодаря которому пребывание «между» становится комфортным. Двойственность мироощущения Пёрл Бак проявилась уже в её первом романе «Восточный ветер, западный ветер».

В данном произведении главная героиня Квэй Лан под влиянием ориентированного на Запад мужа старается избавиться от традиционных предрассудков и мыслить по-западному. Разумом она подстраивается под другой образ жизни, а сердцем остаётся верной своей культуре. Это она осознаёт после рождения сына: *“When I remembered my husband, my heart turned to my brother, and when I held my son in my arms, my heart cleaved to my mother”* («Когда я думаю о муже, моё сердце принадлежит брату, а когда я держу ребёнка на руках, то моё сердце предано матери») [6]. Слово “*cleave*”, согласно англо-русскому словарю В. К. Мюллера, имеет несколько значений: I. 1) «раскалывать(ся)»; 2) «прокладывать себе путь», «пробиваться»; 3) «разрезать»; II. 1) «оставаться верным, преданным»; 2) «прилипнуть» [3].

Для нашего исследования первое значение глагола “*cleave*” имеет важное значе-

ние. С его учётом перевод текста выглядит немного иначе: *«Когда я думаю о муже, моё сердце принадлежит брату, а когда я держу ребёнка на руках, моё сердце раскалывается на части: оно принадлежит матери»*. Пёрл Бак, по нашему мнению, выбрала данный глагол в значении «раскалываться», чтобы подчеркнуть болезненное состояние героини. Квэй Лан как бы находится на границе между братом, олицетворяющим Запад, и матерью, символизирующей Восток. Этот «раскол» характеризует героиню как человека с гибридным сознанием. Квэй Лан старается жить по-новому, она во всём прислушивается к мнению мужа. Когда возникает конфликт между поколениями, она понимает брата, его стремление жить по-западному, но с рождением сына ей тяжело забыть суеверия, связанные со страхом за жизнь ребёнка. Часто тайком от мужа Квэй Лан зажигает благовония перед богиней Гуань-инь, чтобы она оберегала сына. Держа на руках ребёнка, она понимает боль своей матери, которая хочет, чтобы сын остался верным своей культуре. Здесь мы видим одно из важных свойств культурного пограничья – «амбивалентность, т. е. двойственность (расщепление) отношения к чему-либо, в особенности – двойственность переживания». По М. В. Тлостановой, человек, «застрявший» на границе, «нередко противостоит не только безместности, но и новому укоренению в одной, двух или более культурах» [4].

Проблема пребывания между двух культур стоит и перед женой брата Квэй Лан – американкой Мэри. Она отвергнута родителями, родственниками мужа, и этот факт усугубляет её положение. Но весть о ребёнке, которому предстоит родиться, становится новым этапом в жизни Мэри. Раньше она чувствовала свою «инаковость», но с этого момента в её сознании происходят перемены. Теперь ей ничего не страшно, она думает о будущем, о себе, муже и будущем ребёнке: *«Мой ребёнок научит меня всему. Я узнаю от него, как мне научиться принадлежать стране моего мужа... Сначала я думала, что мой ребёнок вырастет как настоящий китаец, но теперь я знаю, что я должна дать ему и Америку. Он будет принадлежать двум частям света»* [6].

Таким образом, состоялась встреча Востока и Запада: её символом стал ребёнок, который будет принадлежать обоим мирам. Автор устами главной героини объясняет, что дитя двух культур, возможно,

будет чувствовать себя отвергнутым этими мирами. Но если в нём будет сила обоих родителей, ребёнок сможет преодолеть все трудности.

В романе «Воительница» главная героиня Максин находится в постоянном поиске своей идентичности. Ей приходится рассказать историю своей семьи, чтобы понять свою собственную. Героиня реконструирует миф о Фа Му Лан, который ей в детстве рассказала мать, Храбрая Орхидея. Она воображает себя воительницей Мулан, сильной и могущественной женщиной. Возвращаясь к реальной жизни, она понимает, что её «американская жизнь – это сплошное разочарование» [5].

Необходимо отметить, что миф о воительнице играет огромную роль в становлении личности в кросскультурных условиях. Тема обращения к мифам прослеживается также в романе Рудольфа Анайи «Благослови меня, Ультима!». Т. В. Воронченко, Е. В. Фёдорова в своей работе «Мифопоэтика в творчестве мультикультурных писателей США XX–XXI веков (Л. Эрдрич, Р. Анайя, А. Моралес, Ч. Дивакаруни)» указывают на то, что в процессе синтеза культурных различий имеет место «мифологический мотив инициации героя» [6].

Разрушая конфуцианские устои в отношении положения женщин, Кингстон видит себя воительницей – женщиной-генералом, которая способна управлять армией мужчин-воинов: «Я вдохновляла свою армию. Ночью я пела ей славные песни, которые были слышны всему лагерю; моя армия простиралась на милю» [5]. Образ воительницы помогает в сложных жизненных ситуациях и облегчает её «угнетённое» сознание.

Миф у М. Х. Кингстон, как и у Р. Анайи, «становится способом выражения пограничного сознания» [1]. Героиня, воображая себя воительницей, живёт в своём выдуманном третьем мире. Эта легенда становится тем символическим пространством, в котором происходит самоидентификация героини и, как можно предположить, самого автора.

Максин также ассоциирует себя с персонажем одной из легенд, которая гласит, что когда-то давным-давно в Китае жил мастер по завязыванию узлов. Они предназначались в качестве язычков для колокола. Один узел был настолько сложный и запутанный, что ослепил мастера. Для Максина запутанность узла означает переплетение, конфликт двух культур.

Американский индивидуализм заставляет Максина высказать все свои незадаанные вопросы матери, критиковать мать из-за навязывания той своих китайских историй, которые только запутывают героиню. Чтобы разобраться, где правда, а где вымысел, Максин должна уехать от матери.

Постепенно Максин находит свой путь между двумя мирами: «Когда я не дома, – я сказала матери, – я не болею. Я не знаю ничего про призраков-пьяниц и бродяг. Я нашла в этой стране такие места, в которых нет призраков. И я думаю, мое место там, где я не подвержена болезням и где мне не нужно медицинское страхование. Здесь же я очень часто болею. Я ничего не могу поделать с этим, мама» [5].

С годами надежда на возвращение на родину становится всё более неосуществимой для родителей героини. «Мы принадлежим планете», – говорит Максин.

Мысль о том, что дом героев – планета, соотносится с теориями Ж. Делеза и Гваттари «о детерриторизации» и идеей Х. Бхабхи о «бездомности». Китай для Максина уже не является родиной, в Америке же она в поисках «комфортного для неё местожительства».

Героиня всё ещё чувствует дискомфорт, который трудно преодолеть: “*A dumbness – a shame – still cracks my voice in two, even when I want to say ‘hello’ casually, or ask an easy question in front of the check-out counter, or ask directions of a bus driver*” («Немота и стыд до сих пор раскалывают мой голос надвое, даже когда я хочу поздороваться, или задать простой вопрос на кассе, или поинтересоваться о маршруте у водителя») [5, с. 200]. Слово “*crack*” в переводе с английского означает «трещина», «цель», «расселина» [3]. Автор пытается показать двойственность идентичности героини за счёт её проблем с голосом.

В исследуемых произведениях можно выделить проблемы идентичности и взаимосвязи личностного и культурного начал, наличия признака амбивалентности сознания героинь, который лежит в основе пограничной чувствительности. Оба автора делают акцент на образах культурных «гибридов», которые находятся на стыке двух культур. Можно установить, что в результате межкультурного взаимодействия у героинь произведений создаётся новое, гибридное видение, которое, возможно, не всегда гармонично и даже неустойчиво. Оно может постоянно быть на грани, но не ограничи-

вается ни возвращением к своим истокам, ни отказом от них. Героиня Пёрл Бак, находясь в родной культурной среде, не может отказаться от своих традиций полностью, но также испытывает влияние другой культуры. Мэри, которая была на грани отказа от китайских традиций, с рождением ребёнка пытается пересмотреть новую культуру, с тем, чтобы её сын и она сама смогли принадлежать обоим мирам. Героиня

Кингстон стремится к полной ассимиляции и попытке «сойти за своего». Но и в американской культуре она остаётся «чужой». Примирение с культурной раздвоенностью Максин видит в образе воительницы, могущей изменить себя и весь мир. Это «воображаемая» граница, за которой происходит изменение реальности, является тем пространством, где формируется «гибридное» сознание.

Список литературы

1. Воронченко Т. В., Фёдорова Е. В. Мифопоэтика в творчестве мультикультурных писателей США XX–XXI веков (Л. Эдрич, Р. Анайя, А. Моралес, Ч. Дивакаруни) // Вестник университета Российской академии образования. 2016. № 5. С. 38.
2. Липина В. «Китайская жемчужина» американской литературы: феномен творчества Перл Бак [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.noblit.ru/node/3225> (дата обращения: 25.09.2018).
3. Мюллер В. К. Англо-русский словарь: 53 000 слов. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 848 с.
4. Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 396 с.
5. Maxine Hong Kingston. The woman warrior. London: PicadorClassic, 2015. 253 p.
6. Pearl Buck. East wind, west wind [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org/stream> (дата обращения: 30.08.2018).

УДК 81

Д. А. Каурова,
магистрант,

Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Мифологический образ лебедя (гуся) в романе Юн Чжан «Дикие лебеди»

В данной статье рассматривается символическое значение мифопоэтического образа лебедя/гуся в романе современной британской писательницы китайского происхождения Юн Чжан «Дикие лебеди», а также его главная функция в данном произведении.

Ключевые слова: гусь, лебедь, мифопоэтический образ, символика

D. Kaurova,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Mythopoetic Image of the Goose/Swan in the Novel “Wild Swans” by Chang Jung

There is considered the mythopoetic image of the goose/swan and its symbolic meaning in the novel of modern Chinese-born British writer Chang Jung “Wild swans: Three daughters of China”, and main function of it in this writing.

Keywords: goose, swan, mythopoetic, image, symbol

Образ лебедя довольно часто встречается в культуре и мифах различных народов мира, при этом он часто сопоставляется с образом гуся. Например, в русском фольклоре ярким примером этому служит известная сказка «Гуси-лебеди», где эти два

образа сочетаются в одном названии. Можно сделать предположение, что это связано с внешним сходством этих птиц, близостью биологических свойств, и тем, что они относятся к одному семейству – утиных. Согласно исследованию У Хань, аспирантки

Волгоградского государственного университета, в славянской мифопоэтической традиции образ лебедя как брачный символ соотносится с семантикой гуся в китайской поэтической традиции [6, с. 263]. Гусь, как и лебедь, выбирает себе пару на всю жизнь, поэтому пара лебедей или гусей является символом брака и верной любви. Гусь является символом брачного союза в китайской культуре, так же, как и лебедь в западной и русской культурах, что может свидетельствовать о сходстве данных образов. Именно поэтому в статье рассматривается образ лебедя/гуся как синкретичный образ.

Целью статьи является выявление характеристик мифологического образа гуся/лебедя в романе современной британской писательницы и историка китайского происхождения Юн (Жун) «Дикие лебеди» (1991), а также осмысление роли этого образа в развитии художественной идеи текста. Как отмечает Т. В. Воронченко, «включение традиционной образности, архетипов, элементов различных культур и верований позволяет писателю наделить текст многослойным содержанием, задействуя глубинную культурную память» [2, с. 39].

Говоря об образе лебедя и гуся в мифах стран народов мира, С. А. Токарев отмечает, что в мифопоэтической традиции образ лебедя связан с героями античных древнегреческих мифов об Афродите, Аполлоне, Зевсе, Леде. Одной из популярных мифологем является умирающий лебедь, который в минуту смерти взмывает на небо и издаёт последний крик, «лебединую песню». В связи с этим образ лебедя приобретает символику смерти, грусти. Также широкое использование образа лебедя встречается в фольклоре (при описании женской красоты) и в поэзии, где углубляются традиционные образы [4, с. 579]. Например, в стихотворении «Лебедь» Г. Р. Державина (1804), «Лебедь» Ф. И. Тютчева (1839) [5, с. 132], а в стихотворении К. Бальмонта «Лебедь» (1895) [1, с. 61] ярко прослеживается вышеупомянутый образ предсмертной лебединой песни.

Токарев пишет, что Гусь в космогонических представлениях и соответствующих мифах нередко выступает как птица хаоса, но вместе с тем и как творец вселенной, снесший золотое яйцо – солнце (образ великого Гоготуна в египетской мифологии) [4, с. 840].

На основании исследования У Хань можно сделать вывод о том, что образ ди-

кого гуся в китайской поэзии символизирует одиночество, оторванность от Родины: «В китайской классической поэзии часто встречается выражение «гусь одинокий». Этот образ символизирует человека, оторванного от близких людей и родных мест». В работе исследователя приводится пример стихотворения «Одинокий дикий гусь» знаменитого китайского поэта VI века н. э. Ду Фу:

孤雁
孤雁不饮啄，飞鸣声念群。
谁怜一片影，相失万重云？
望尽似犹见，哀多如更闻。
野鸦无意绪，鸣噪自纷纷

Перевод: «Одинокий гусь не ест и не пьёт, лишь летает, кричит и ищет свою стаю.

А кто из стаи отставшего путника жалеет, одинокого гуся, заблудившегося в облаках?

Гусю кажется – впереди летит стая, гусю кажется, где-то откликнулась стая

А вороны не понимают его горестных переживаний, только попусту в поле каркают» (Подстрочный перевод У Хань) [6, с. 261].

Как отмечает У Хань, китайские поэты XX века также используют в своём творчестве образ гуся как символ человека, оторванного от Родины. Поэт Вэнь Идо, эмигрировавший в США в 1922 году, написал стихотворение с похожим, как у Ду Фу, названием «Дикий гусь одинокий», где также поднял тему своего одиночества и тоски по родине.

Необходимо отметить, что слово «гусь» чаще всего переводится на китайский язык иероглифом 雁, который в китайско-русском словаре также имеет значение «письмо», «гонимый», «вестник», используется в таких словах, как 大雁 – дикий гусь, 鸿雁 – гусь-сухонос и других. Кроме того, в китайском языке есть слова, содержащие морфему 雁, такие как 雁民 – эмигрант, 孤雁 – одиночка, которые также отражают понимание образа гуся как символа разлуки с родиной [1, с. 787].

Подобное символическое значение носит образ лебедя, встречающийся в литературных произведениях. В романе американской писательницы китайского происхождения Эми Тан «Клуб радости и удачи» образ лебедя символизирует эмиграцию, тоску по родине. Роман начинается с небольшого рассказа о пожилой женщине, которая когда-то купила в Шанхае лебедя

за бесценюк и взяла птицу с собой в эмиграцию в США. Однако на приграничном пункте птица была конфискована, но на память женщине осталось лебединое перо как символ родины, мечтаний и надежд о будущем: «Это пёрышко на первый взгляд не представляет никакой ценности, но оно приехало издалека и принесло с собой все мои чаяния» [8, с. 1]. В романе Юн Чжан «Дикие лебеди» образ гуся/лебедя символизирует миграцию, тоску по родине, – его символика совпадает с традиционным китайским значением этого образа-символа.

Чжан Юн (транскрипция с кит. «Жун») – современная британская писательница и историк китайского происхождения, автор пяти исторических романов, некоторые из них стали бестселлерами и переведены на многие языки. Например, «Неизвестный Мао» – биография Мао Цзэдуна, и прославивший писательницу роман «Дикие лебеди», который также является историческим бестселлером, и, более того, автобиографией самой Юн Чжан. Данный роман представляет собой образец «автопортретной литературы», которая, как пишет И. А. Романов, «парадоксальным образом соединяет, на первый взгляд, несоединимое: мощное лирическое начало, без которого немислимы искренность и исповедальность, и документализм». Первое издание романа было в 1991 году, и книга получила две литературные премии: NCR Book Award (англ.) в 1992 году и «Британская книга года» (англ. British Book of the Year) в 1993 году, а также была переведена на 30 языков.

В романе «Дикие лебеди» ведётся жизнеописание писательницы через призму трёх поколений – бабушки, матери и самой Юн Чжан, которые жили в Китае на протяжении XX века, при этом внимание автора уделяется характеристике политической ситуации в стране этого периода.

Если обратиться к символическому названию романа, то можно заметить тот факт, что в названии романа на разных языках употребляется не только слово «лебедь», но и «гусь». Например, на языке оригинала, то есть английском языке, название звучит следующим образом: "Wild Swans: Three daughters of China". Однако на китайском языке роман называется “鸿: 三代中国女人的故事” – «Дикий гусь: история женщин трёх поколений Китая».

Первый иероглиф в названии романа, 鸿 – переводится в китайско-русском словаре как «дикий гусь», слово «лебедь»

обозначается другим иероглифом. Примечательно то, что роман был написан на английском языке, и в названии автор использовала именно слово “swan”. Как объясняет сама Чжан Юн, она сделала это для благозвучия (ссылка на интервью), однако символика мифопоэтических образов данных птиц раскрывается в художественном пространстве текста романа. В предисловии к роману переводчик Роман Шапиро указывает на то, что «древний образ дикого лебедя – символ вести с далёкой родины», и писательница соглашается с данной интерпретацией образа [7].

Главной причиной подобного названия является имя матери автора, – Дэхун (德鸿 – «добродетель» + «дикий гусь») и имя самой Чжан Юн, писательницы, и главной героини романа, данное ей при рождении – Эрхун (二鸿 – «второй дикий гусь»). Мать Юн Чжан так назвал отчим, доктор Ся, удочеривший её. И когда родилась сама Юн Чжан, он сказал: «Родился ещё один дикий лебедь», и девочке было дано имя «Эрхун». Впоследствии автор сменила это имя на «Жун» (кит. 戎 – «войско», «доблесть»), так как «Эрхун» созвучно с китайским словом «бледно-красный» (кит. 二红), и в школьные годы её имя стало объектом насмешек. В тексте не раскрывается мотив доктора Ся для подобного выбора имени для наречения этих женщин, однако в их судьбе символика гуся сыграла важную роль.

В 1949 году Дэхун навсегда покинула родной город Цзиньчжоу на севере Китая, отправившись вместе с мужем, отцом Юн Чжан, в его родной город Ибинь провинции Сычуань, находящийся на расстоянии более 2000 км. Описывая чувства матери в день отъезда, автор вновь прибегает к использованию образа птицы: «С одной стороны, она казалась себе птицей, вырвавшейся на свободу из клетки; с другой – не знала, доведётся ли ей – и когда – вновь увидеть любимых и дорогих людей, особенно мать» [9]. Как указывалось выше, в романе раскрываются образы трёх поколений женщин, и роман начинается с жизнеописания бабушки Юн Чжан и матери Дэхун – Юйфан (с кит. 玉芳 – «яшма» + «душистые цветы»). Несмотря на то, что имя бабушки не обладает семантикой гуся/лебедя, в судьбе этой героини также прослеживается символическое значение этого образа. Повествование начинается с истории её жизни, наполненной испытаниями. В возрасте 15 лет она была продана в наложницы могу-

щественному генералу Сюэ и была вынуждена покинуть родной дом. Первые шесть лет она жила в доме неподалёку, который был куплен специально для неё генералом. Однако, после того, как он тяжело заболел, Юнфан с новорождённой дочерью – Баоцинью (с кит. 宝琴 – «драгоценная цитра»), которая впоследствии получила имя Дэхун, была вынуждена отправиться в дом генерала, в город Лулун, находящийся в трёхстах километрах от её родного города Исянь.

В доме Сюэ господствовала диктаторская власть его жены и второй наложницы, которые после смерти генерала имели полное право забрать ребёнка Юйфан, а её саму продать кому-нибудь в наложницы, либо даже в бордель. Чувствуя опасность за свою жизнь и жизнь своей дочери, Юйфан с ребёнком совершила побег и вернулась в дом своих родителей. После смерти генерала ей была дарована свобода, и купленный генералом дом уже не принадлежал ей. Вскоре она вышла замуж за доктора Ся и переехала к нему. Он был пожилой вдовец с тремя взрослыми женами сыновьями и замужней дочерью. По традициям того времени, всем поколениям необходимо было жить под одной крышей, и семья доктора Ся совсем не радушно приняла новых членов семьи. Над Дэхун издевались внуки доктора Ся, она очень скучала по дому бабушки и дедушки, и Юйфан также была жертвой презрительного отношения и хладнокровного равнодушия. Впоследствии доктор Ся, Юйфан и Дэхун переехали в город Цзиньжоу. Однако, спустя годы, оттуда уехала Дэхун, а затем Юйфан и доктор Ся также навсегда покинули его, переехав в Ибинь к дочери. В данной

сюжетной линии автор акцентирует присущие персонажам чувства тоски по родным местам, мотив грусти и ожидания вестей с родины в судьбе этих двух героинь. В судьбе третьей героини, «автора-персонажа» – самой Юн Чжан также прослеживается мотив покидания родины.

Дальнейшая эмиграция автора в Великобританию говорит о том, что и в её жизни ярко проявилась символика её первого имени. Говоря о своих ощущениях о жизни в другой стране, автор пишет: «Возвращаясь через кампус в свою комнату, выходящую на берег прекрасного озера, где жило много пернатых, я размышляла о новом подходе к жизни. Теперь я была свободной, как эти птицы. Открытое мышление – это так просто, но дорога к нему оказалась такой долгой!» [9]. По словам Юн Чжан, хоть она счастлива жить и работать в Великобритании, в душе она всё-таки чувствует себя китайкой, так как время её взросления и становления прошло именно в Китае. И, как отмечает автор, несмотря на всё то, что её не устраивает в родной стране, она всё равно горячо любит Китай, она говорит об этом в самом романе.

Таким образом, можно сделать вывод, что мифопоэтический образ гуся/лебедя имеет сюжетообразующую функцию, на нём строится повествование всего романа. Он заключает в себе мотив покидания родины, ностальгический тон тоски и грусти, что совпадает с традиционным символическим значением этого символа. Семантика образа гуся/лебедя, содержащаяся в именах героинь, соединяет поколения и истории их жизни, а также ярко проявляется в судьбах этих трёх женщин.

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. Полное собрание стихов. 4-е изд. М.: Скорпион, 1914. Т. 1. 257 с.
2. Воронченко Т. В., Фёдорова Е. В. Мифопоэтика в творчестве мультикультурных писателей США XX–XXI веков (Л. Эрдрич, Р. Анайя, А. Моралес, Ч. Дивакаруни) // Вестник университета Российской академии образования. 2016. № 5. С. 38–45
3. Романов И. А. Поэтика транзита в русской литературе конца XX – начала XXI в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 148–154.
4. Токарев С. А. Мифы народов мира // Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 2008. 1147 с.
5. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Хань У. Орнитологическая символика в русской и китайской поэзии первой трети XX в.: гусь и лебедь // Известия ВГПУ. Филологические науки. Литературоведение. 2015. С. 260–264.
7. Шапиро Р. А., Юн Чжан [Электронный ресурс] // Интервью Романа Шапиро с Юн Чжан (Чжан Жун). Режим доступа: <http://www.diary.ru/~yuelu/p108368834.htm?oam> (дата обращения: 26.08.2018).
8. Эми Тан. Клуб радости и удачи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ru/INPROZ/TAN_E/klub.txt (дата обращения: 20.09.2018).
9. Юн Чжан. Дикие лебеди [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litresp.ru/chitat/gu/%D0%A7/chzhan-yun/dikie-lebedi> (дата обращения: 10.08.2018).
10. 现代汉语词典 / 云南出版集团公司. 昆明市: 云南人民出版社, 2009. 978 с. = Сяньдай ханьюй цидянь. (Словарь современного китайского языка). 2009. 978 с.

А. А. Бутыльская,

студентка,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

А. Н. Булдыгерова,

старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Выражение уважения к собеседнику как важный фактор общения на китайском языке

Статья посвящена описанию национально-культурной специфики категории вежливости. Иллюстрируя примерами употребление 敬辞 – учтивых выражений, – автор подчёркивает значимость выражения уважения к собеседнику в процессе общения на китайском языке, а также актуализирует необходимость понимания национально-культурных особенностей категории вежливости.

Ключевые слова: категория вежливости, национальная специфика, вежливое обращение, вежливое общение

A. Butylskaya,

Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

A. Buldygerova,

Senior Lecturer,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Expression of Respect for the Interlocutor as an Important Factor of Communication in Chinese

The article is devoted to the description of the national and cultural specificity of the politeness category. Illustrating examples of using 敬辞, the author emphasizes the importance of expressing respect for the interlocutor in the process of communication in Chinese, and also actualizes the necessity of understanding the national and cultural characteristics of the category of politeness.

Keywords: category of politeness, national specificity, polite treatment, polite communication

Развитие лингвистической науки сегодня характеризуется объективацией в исследованиях связей, существующих между языком, мышлением и культурой. Следовательно, исследователь языка сегодня становится и исследователем культуры его носителей, ментальности, специалистом, знающим особенности межкультурного взаимодействия носителей разных языков. Успешность и эффективность взаимодействия представителей разных культур предопределяется не только уровнем знания языка, но и знанием национально-культурной специфики вербального и невербального поведения, пониманием социально-культурных норм, в том числе и национальных особенностей вежливости, которое даёт ключ к усвоению специфики коммуникативного поведения народа, и, как следствие,

к успешному межкультурному общению и взаимодействию без коммуникативных сбоев, непонимания и неудач.

Особое внимание исследователей, в связи с этим, привлекают те аспекты коммуникативного процесса, которые в той или иной степени оказываются связанными с национальной культурой, особенностями национального мышления, традициями, обычаями, ценностями и ритуалами. Наиболее интенсивно национальная специфика проявляется в вежливом общении, обусловленном влиянием ритуала и соблюдением канонов взаимодействия людей в социуме. Эта коммуникативная категория, «содержанием которой является система ритуализированных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное,

бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при интеракционной коммуникации (установлении, поддержании и завершении межличностного контакта) и определяющих выбор наиболее оптимальных коммуникативных средств» [1], безусловно, обладает национально-культурным своеобразием.

В этой связи интересным представляется феномен китайской вежливости, поскольку национальная специфика китайского вежливого поведения находит воплощение не только в особенностях этикетных речевых формул и правилах их употребления, но и в наличии национально-специфических коммуникативных стратегий, регламентирующих правила взаимодействия коммуникантов, в частности, направленных на значимость проявления глубокого уважения к собеседнику в разных ситуациях общения, и средств языковой выразительности, употребление которых способствует максимально успешному осуществлению этих стратегий. Важность понимания таких стратегий и механизмов их действия в условиях межкультурного общения не вызывает сомнения.

Для реализации интенций такого порядка в китайском языке есть особая группа обладающих уважительной коннотацией слов – 敬辞 *jìngcí* (敬语 *jìngyǔ*) – досл.: *уважительные, почтительные слова*. Справедливо предположить, что изначально 敬辞 использовались по отношению к правителю, так как любое упоминание о нём не могло обойтись без подчёркнутого выражения почтения и уважения, а также при упоминании высокопоставленных чиновников и членов правящей династии. На протяжении длительного исторического развития 敬辞 оставались сначала своеобразными маркерами высокого стиля общения и эпистолярных жанров, а затем становились признаком ситуаций, требующих соблюдения правил вежливости и такта.

Современное употребление почтительных слов 敬辞 направлено на проявление учтивости и уважения к собеседнику, почтительному обращению к нему или подчёркнуто вежливому упоминанию о нём или его близких, указанию на его действия. Большинство элементов данной лексической группы появились в древнем языке 文言 и являются односложными по своему составу, поэтому не употребляются самостоятельно, а функционируют, главным образом, в составе двусложных или четырёхсложных

сочетаний, уместных в контексте возвышенных эмоциональных ситуаций. Рассмотрим некоторые морфемы, участвующие в образовании слов, направленных на реализацию принципов вежливого общения.

Прагматическая обусловленность лексем, объединённых данной категориальной направленностью, состоит в намеренном выражении уважения и почтения к собеседнику, а, следовательно, находит отражение в разного рода эпитетах, сопровождающих названия лиц – собеседников. Например, семантический потенциал морфемы 老 *lǎo* – *старый, уважаемый* позволяет ей участвовать в образовании вежливых форм обращения к людям, чаще всего, старшим по возрасту и даже стать *префиксом в составе названий и имён уважаемых лиц*: «*老大爷* – Дедушка, что ты делаешь?» или «*科学界的老前辈* – ветеран науки» и др. Всем известно и употребление морфемы 贵 *guì* со значением *дорогой, драгоценный*, для создания подчёркнуто вежливого обращения *Ваш*, и используемой при номинации действий или фактов, связанных с собеседником, чаще всего в официальной обстановке. Например, «*您贵姓* – Разрешите спросить, как Ваша (драгоценная) фамилия?»; «*贵国是哪一国?* – Из какой Вы страны?» или «*贵干?* – Ваше занятие, работа?» или «*贵庚* – Сколько Вам лет?» и др. В вежливых обращениях, а также при упоминании родственников собеседника часто используется морфема 令 *lìng* с положительным значением *хороший, прекрасный, добрый*, например, «*这是令尊的大笔* – Это произведение Вашего отца?» или «*令堂最近身体好吗?* – Как здоровье Вашей мамы?» и др. Морфема 雅 *yǎ* имеет значение *изысканный, изящный, просвещённый, образованный* и часто выступает в качестве эпитета, положительно характеризующего действия собеседника, например, «*畅聆雅教* – С удовольствием слушать Ваши превосходные наставления» или «*雅意心领* – Я высоко ценю Ваши высокие устремления» и др.

Часто 敬辞 становятся неотъемлемым атрибутом официального письма, требующего соблюдения соответствующего регистра общения. Среди выражений, являющихся обязательной заключительной частью речевого произведения данного порядка, можно встретить такие устойчивые формы, как «*充满期待华翰* – с надеждой ожидаю Вашего письма», в составе которого функционирует морфема 华 *huá*

со значением *цветущий, прекрасный* или «专此奉达 – настоящим довожу до Вашего сведения..», включающее морфему 奉 *fèng* со значением *подносить (с почтением)*, или «敬候贵方报价 – Имею честь ожидать Ваш ответ», в составе которого есть несколько маркёров вежливого общения, в числе которых и морфема 敬 *jìng* со значением *почитать, уважать*. Необходимо отметить, что семантический потенциал данных слогов обуславливает их широкое применение в качестве 敬辞, например, для подчёркивания уважительного характера действий говорящего «我们敬贺他新春佳节! – Имеем честь поздравить его с праздником Весны!» или «这是秘密, 我不能奉告 – Это секрет, я не могу Вам рассказать» или «他不会奉迎上级, 落落寡合 – Он не может почтительно встретить руководство, он слишком угрюмый (необщительный)» и др.

Сходное значение имеет морфема 恭 *gōng* – *почитать, уважать*, используется для номинации действий, совершение которых говорящий, так или иначе, отождествляет с выражением уважения к собеседнику, например, «恭候光临 – С почтением ожидаю (в письме) или «恭请继续光顾 – Почтительно просим Вас и впредь оказывать нам честь своим посещением», а её появление в поздравлениях подчёркивает торжественность ситуации и высокую эмоциональную настроенность общающихся, например. «恭喜发财 – досл.: С почтением желаю Вам богатства!» или «恭喜! 恭喜! 新婚快乐! – С огромным почтением желаю молодожёнам радости!» и т. д.

Морфема 拜 *bài* в составе языковых единиц реализует значение действия, которое в условиях реальной коммуникации могло бы сопровождаться таким фактом невербального поведения, маркирующим подчёркнутое выражение почтительного отношения к собеседнику, как поклон. Как известно, долгое время поклон в китайской культуре оставался знаком уважения и способом выразить почтение. И сегодня многие китайцы, независимо от возраста и статуса, чтобы засвидетельствовать почтение и признательность, могут сопровождать свою речь поклоном. Вербальное воплощение такого почтительного жеста можно найти в таких примерах, как «拜托您带给他一封信 – Будьте добры, передайте ему это письмо» или «我想去拜访教授 – Собираюсь нанести визит вежливости профессору» и т. д.

В выражении «万望尊驾惠临 – Очень надеемся, что Вы почтите нас своим ви-

зитом» можно увидеть употребление сразу нескольких морфем, актуализирующих почтительное отношение к собеседнику, в том числе и морфему 惠 *huì*, выражающую значение *оказывать милость*, которая нередко употребляется в знак прощания с клиентом или покупателем, например, «谢谢惠顾 – досл.: Благодарим, что оказали нам честь и посетили нас». Употребление некоторых морфем, подчёркивают интенциональное значение преувеличения значимости собеседника посредством преуменьшения собственной значимости, например, морфема 屈 *qū* имеет значение *склонить голову, покориться*, часто используется в приглашениях «屈尊求教 – Удостоьте советом, будьте любезны дать совет» или «明日请屈驾来舍一叙 – Не откажите завтра зайти ко мне побеседовать». Сходный семантический потенциал демонстрирует и морфема 叨 *dāo* – *удостоиться, быть удостоенным, получить сверх своих заслуг*, например, «我们只得叨光你们多照顾几天啦 – Нам остаётся лишь быть сердечно признательными за оказанную Вами заботу в эти дни» или «我很抱歉在这麼晚的时刻来叨扰你 – Извините за беспокойство в столь поздний час». Реализация данного коммуникативного намерения возможна и посредством употребления морфемы 垂 *chuí* со значением *ниспосылать (милость), удастивать*, используемой, главным образом, при упоминании старшего по статусу или возрасту собеседника, например, «承蒙老师的垂爱 – Удостоиться внимания учителя» или «受到老板的垂青 – Быть в милости у начальника» и т. д.

Безусловно, употребление морфем, указывающих на стратегию автора, состоящую в подчёркнутом выражении уважения к собеседнику, связано с исходным значением данных морфем. Исходное значение морфемы 芳 *fāng* – *красивый, прекрасный*, обуславливает её употребление преимущественно при упоминании о девушках, например, «芳龄18的少女 – Цветущая 18-летняя девушка». Морфема 高 *gāo*, заключающая семантическое значение *высокий*, в контексте вежливого общения приобрела коннотацию *высокоцитимый, Ваш*, например, «你有何高见? – Каково Ваше (высокоцитимое) мнение об этом?»; или в вопросе о возрасте пожилого человека «您今年高寿? – Сколько Вам в этом году лет?» и т. д. Исходное значение морфемы 玉 *yù* – *нефрит, яшма* стало основой её употребления в вежливых словах и оборотах, например, 深

望玉成此事 – Глубоко надеюсь, Вы успешно завершите это дело или «天皇玉音 – Драгоценные слова небесного императора» и т. д. В вежливых приглашениях и просьбах о визите употребляется морфема 光 *guāng* со значением *свет, почтенный*, например, «恭请继续光顾 – Почтительно просим Вас и впредь оказывать нам честь своим посещением» или «请光临 – Милости просим». На вывесках в магазинах, ресторанах всегда можно увидеть или услышать из уст продавцов и администраторов фразу «欢迎光临 – досл.: Будем рады Вашему почтенному визиту» и др.

Таким образом, среди коммуникативных средств, существующих в китайской языковой действительности, особой значимостью в аспекте концептуализации категории вежливости обладают вежливые слова 敬辞. Популярность данной лексической группы обусловлена историческими и культурными факторами, являющимися основой формирования правил и традиций

вежливого общения. Некоторые вежливые слова употребляются в повседневном общении, некоторые только в торжественной или деловой обстановке, а некоторые из них стали атрибутом официальных писем, формами вежливого приветствия, прощания или пожелания. Закономерные особенности функционирования 敬辞 определяются односложным характером их структуры, прагматическим потенциалом, определяемым их исходным семантическим значением, имеющим, как правило, положительные коннотации, а также способностью удовлетворять коммуникативные интенции говорящего, состоящие в подчёркнутом выражении почтения и уважения. Несмотря на то, что 敬辞 постепенно утрачивают свою актуальность, они по-прежнему остаются обязательными элементами общения, их универсальность не вызывает сомнения, а национальная специфика оказывается весьма значимой в ситуациях межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации: на материале английской и русской коммуникативных культур [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.disserscat.com> (дата обращения: 25.08.2018).
2. Энциклопедия Байдун [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baikе.baidu.com/item/敬辞/1872032?fr=aladdin> (дата обращения: 10.09.2018).

УДК 81-2

А. С. Каргопольцева,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Способы передачи урбанонимов – названий станций метро и вокзалов Москвы

Вопрос передачи значений урбанонимов – названий локальных городских географических объектов – с русского на китайского язык представляет особый интерес для переводчиков и китаистов. Изучение языка туристических буклетов, брошюр и памяток на предмет способов передачи урбанонимов позволяет наметить пути наиболее эффективной передачи значений данных лексических единиц.
Ключевые слова: урбаноним, транспорт, перевод

A. Kargopol'tseva,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Ways to Transfer Urban Names – the Names of Moscow Metro Stations and Railway Stations

The issue of transferring the meanings of urban names – the names of local urban geographical objects – from Russian to Chinese is a particular interest for translators and sinologists. Studying the language of tourist booklets, brochures and leaflets on how to transfer urban names allows you to find the most effective ways to transfer the meaning of lexical units.

Keywords: urban name, transport, translation

В связи с укреплением дружественных связей и политических отношений между Россией и Китаем, успешным сотрудничеством в промышленных и культурных сферах, а также вследствие территориального соседства Россия сегодня становится одним из популярных туристических направлений для жителей КНР. Число китайских туристов, посещающих российские города, увеличивается [3], а основными направлениями остаются центральные города – Москва, Санкт-Петербург, а также города Приморья. Летом 2018 года во время проведения Чемпионата мира по футболу в России количество китайских туристов, посетивших нашу страну, превысило 100 тысяч человек, 60 тысяч из которых получили паспорта болельщиков [1; 4]. Туристическая сфера отреагировала на эту ситуацию незамедлительно: в свободном доступе появились разнообразные путеводители на китайском языке. Несомненно, изучение языка данных брошюр, памяток и путеводителей, а также способов эффективного перевода названий существующих сегодня топонимов представляет интерес для переводчиков и китаистов.

Особенности перевода лексических единиц с русского языка на китайский обусловлены трудностями, возникающими при передаче средствами китайского языка смыслового содержания: это несовпадение круга значений лексических единиц (перевод многосложных слов); поиск компонентов, подходящих по стилистической норме; учёт сочетаемости компонентов.

Нами были проанализированы брошюры и памятки, находящиеся в местах скопления туристов в Москве: в аэропортах, на вокзалах, автобусных станциях. Особый интерес представляют памятки, рассказывающие о способах перемещения по городу: в них указаны не только основные достопримечательности, но и виды транспорта, а также названия остановок и станций. Можно говорить о том, что лексика, использованная в данных текстах, представлена широким набором географических названий, имён собственных, наименований повседневных реалий, описаний исторических событий. В стилистическом отношении тексты являются нейтральными, в них отсутствуют дополнительные средства выразительности и экспрессии. В ходе работы было проведено исследование способов перевода топонимов и их вида – урбанонимов – с русского языка на китайский, использован-

ных составителями брошюры «Московский общественный транспорт» (специальное издание к ЧМ-2018 по футболу) – 莫斯科的公共交通 (2018年俄罗斯世足赛的特刊) [6].

При передаче топонимов и урбанонимов составителями текстов данной брошюры были использованы приёмы транскрипции, транслитерации и перевода [6]. В ходе работы было установлено, что для передачи топонимов и урбанонимов в большинстве случаев переводчики руководствуются устоявшейся традицией перевода: «Арбатская площадь» – 阿尔巴特广场 (транслитерация), «площадь Революции» – 革命广场 (перевод), но «Красная площадь» – 红场 (устойчивая традиция перевода). Можно высказать предположение, что традиции перевода связаны с трудностями передачи звуков на китайском языке или сложностью передачи многосложных слов.

В ходе работы были выявлены следующие закономерности использования способов перевода урбанонимов – названий станций метрополитена и названий вокзалов: 1) передача урбанонимов, образованных от фамилий, – транслитерация, транскрипция; 2) передача урбанонимов, образованных от географических названий, – транслитерация, транскрипция, перевод; 3) передача урбанонимов, образованных от реалий, связанных с историей и культурой страны, – перевод.

Способ передачи урбанонимов «транслитерация» использован при передаче названия «图申诺» 地铁站 – ст. Тушинская (ул. Тушинская, берёт название от названия города Тушино). Комбинированный способ перевода, сочетающий в себе перевод и транслитерацию, используется при передаче названий станций: «新吉列耶沃站» 地铁站 – ст. Новогиреево (Новогиреево – район в Восточном административном округе Москвы); «新亚先涅沃站» 地铁站 – ст. Новоясеневская (расположена в районе Ясенево города Москвы). Способ передачи значения урбанонимов «перевод» использован при передаче названий «国经成就展» 地铁站 – ст. ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства, 国民经济成就展览馆); «南门» 地铁站 – ст. Южные Ворота (от названия одноимённого Международного автовокзала); «暖营站» 地铁站 – ст. Тёплый Стан (от района Тёплый Стан, географическое название).

При этом были выявлены некоторые ошибки, допущенные при переводе урбанонимов: «核桃站» 地铁站 – ст. Орехово (Орехово-Борисово Северное – название

района Москвы; Орехово – название деревни). В данном случае перевод названия неуместен, так как создаёт у носителя китайского языка ложное понимание смысла слова; считаем передачу данного урбанонима способом транслитерации более уместным. Кроме того, были обнаружены ошибки в переводе урбанонима «華沙站» 地铁站 – ст. Варшавская (названа по Варшавскому шоссе): в ходе перевода была использована комбинация традиционного и упрощённого написания иероглифов в одном слове, что является недопустимым в китайском языке. При передаче названия «紅衛兵站» 地铁站 – ст. Красногвардейской (от одноимённого района Москвы, сегодня упразднённого) также было использовано традиционное написание иероглифов «紅卫», а также была допущена фактическая ошибка: «Красная гвардия» – «红卫军»).

Было установлено, что при передаче названий железнодорожных вокзалов наиболее часто использован перевод (так как большинство названий вокзалов происходит от названий городов): 里加火车站 – Рижский вокзал, 白俄罗斯火车站 – Белорусский вокзал, 基辅火车站 – Киевский вокзал, 列宁

格勒火车站 – Ленинградский вокзал, 喀山火车站 – Казанский вокзал. Транслитерация использована при передаче следующих урбанонимов: 萨维奥洛沃火车站 – Савёловский вокзал; 帕维列茨火车站 – Павелецкий вокзал (по названию посёлка Павелец); 库尔斯克火车站 – Курский вокзал. Кроме того, была обнаружена ошибка при передаче названия Ярославского вокзала – добавление лишнего слога – 利 – 雅罗斯拉夫利火车站.

Таким образом, было выявлено сильное влияние традиций передачи топонимов (в том числе и урбанонимов) на китайский язык: основным способом передачи урбанонимов – названий станций метро является транслитерация; доминирующим способом передачи урбанонимов – названий железнодорожных вокзалов Москвы является перевод. Следует отметить, что при передаче значений урбанонимов возникают ошибки, затрудняющие понимание носителям китайского языка. Необходимо более тщательное исследование возможных способов передачи городских географических названий для создания более эффективной «транспортной карты» для гостей из Китая.

Список литературы

1. Китайцы получили больше всех Fan ID среди иностранцев на ЧМ-2018 [Электронный ресурс] // Новостное агентство Meduza. 2018. Режим доступа: <https://www.meduza.io/news/2018/06/29/kitaytsy-poluchili-bolshe-vsheh-fan-id-sredi-inostrantsev-na-chm-2018-sbornoy-kitaya-net-na-turnire> (дата обращения: 17.09.2018).
2. Перевод имён собственных и географических названий [Электронный ресурс] // Все грани языкознания. 2016. Режим доступа: <http://www.lingvoinfo.com/?link=76> (дата обращения: 20.09.2018).
3. Туроператоры России и Китая обсудили возможности увеличения турпотока по «Золотому кольцу» [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. 2015. Режим доступа: <https://www.tass.ru/obschestvo/1971330> (дата обращения: 15.09.2018).
4. ЧМ-2018 могут посетить около 100 тысяч туристов из Китая [Электронный ресурс] // Информационное агентство РИА-Новости. 2017. Режим доступа: <https://www.ria.ru/tourism/20170602/1495665758.html> (дата обращения: 17.09.2018).
5. 莫斯科的公共交通 (2018年俄罗斯世足赛的特刊). 莫斯科交通博物馆. 2018.
6. 中文译名 [Электронный ресурс] // Baike.baidu.com. 2018. Режим доступа: <https://www.baike.baidu.com/item> (дата обращения: 19.09.2018).

М. А. Чеузова,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Формирование основ межкультурной коммуникации учащихся в процессе изучения сказок зарубежных писателей

В статье рассматривается актуальная для преподавания литературы в школе проблема воспитания культуры межнациональных отношений. Коммуникативно-развивающая технология, используемая на уроках по изучению сказок зарубежных писателей, – один из способов решения такой проблемы, поскольку предполагает установление ассоциативных связей между зарубежной и русской литературами, способствует пониманию национального своеобразия другой культуры, расширению духовного, нравственного, эстетического опыта учащихся, формированию межкультурных полиэтнических компетенций.

Ключевые слова: культура межнациональных отношений, поликультурное образование, коммуникативно-развивающая технология, межкультурные полиэтнические компетенции

M. Cheuzova,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Formation of the Foundations of Intercultural Communication of Students in the Process of Studying the Tales of Foreign Writers

The article deals with the problem of educating the culture of interethnic relations that is relevant for teaching literature at school. One of the ways to solve such a problem is communicative developmental technology used in the lessons on the study of fairy tales of foreign writers, since it implies the establishment of associative links between foreign and Russian literature, contributes to understanding the national identity of another culture, expanding the spiritual, moral, aesthetic experience of students, developing intercultural multi-ethnic competencies.

Keywords: culture of international relations, polycultural education, communicative-developing technology, intercultural polyethnic competences

Одной из важных задач современной школы является воспитание культуры межнациональных отношений. Такое воспитание на уроках литературы помогает приобщать учащихся к основам мировой культуры, позволяет им овладевать основами своей национальной культуры в процессе изучения произведений зарубежных авторов, воспитывает понимание, бережное отношение к национальным ценностям других народов, позитивное отношение к культурным различиям, формирует основы культуры межнациональных отношений в среде обучающихся, воспитывает личность в духе взаимопонимания с представителями других народов. Эта система воспитания обоснована принципами открытости мира, культурной целостности, преемственности традиций, креативности.

Для реализации задач межкультурного воспитания необходимо обращение к таким формам и методам, которые направлены на позитивное и креативное восприятие цен-

ностей инокультуры, эстетическое и нравственное сопереживание; к таким технологиям, которые формируют нравственные основы, предоставляют возможность определения жизненных ориентиров посредством включения школьников в ситуации осмысления ценностей, их выбора, выявления нравственно мотивированного отношения к ним, вовлечения в мир творчества.

Работы исследователей и педагогическая практика свидетельствуют о том, что межкультурное воспитание школьников на уроке литературы необходимо, поскольку оно формирует личность с активной жизненной позицией, способную в поликультурной среде к такой деятельности, которая строится на бесконфликтном существовании в современном обществе. Такую личность характеризует уважение к собственной национальной культуре и иным национальным культурам. Основной задачей межкультурного воспитания является формирование поликультурного мышления.

Изучение фольклорных произведений в контексте постижения национальной культуры – это продуктивный путь исследования другой культуры. Сказку как один из самых популярных среди младших школьников и подростков жанров фольклора предлагали использовать в учебном процессе многие педагоги (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский и др.) и этнопедагоги (В. Ф. Афанасьев, Г. Н. Волков, Д. А. Данилов, И. С. Портнягин, К. С. Чиряев и др.). На уроках литературы в средних классах изучаются также литературные сказки, в том числе произведения зарубежных авторов. Их серьёзному анализу способствует освоение инокультуры, её постижение. В связи с этим изучение на уроках литературы сказок зарубежных писателей должно быть тесно связано с изучением материальной и духовной культуры, к которой принадлежат изучаемые авторы. Представление на уроках литературы фонового материала, такого как система миропонимания, философия, психология, история и духовная культура, особенности которых отразились в литературных сказках зарубежных писателей, требует творческого подхода к организации урока, его методического обеспечения. Учитель обеспечивает дидактический материал к таким урокам: методисты отмечают, что такой материал должен быть культурологически информативным, эмоциональным, литературоведчески насыщенным, доступным для понимания школьников.

Содержание сказок зарубежных писателей, рассматриваемых на уроках литературы, позволяет школьникам не только познакомиться с особенностями творчества конкретного автора, но и представить себе специфику национального быта, обрядов и традиций, праздников, культуры и истории, достопримечательностей разных стран мира. Сказки зарубежных писателей представляют культурный материал, который обладает значительным воздействием на сознание учащихся. Анализ сказок в аспекте воссозданных в них элементов инокультуры и оригинальности, выразительности авторского стиля имеет большое значение для обогащения эмоционального и духовного мира школьников.

Коммуникативно-развивающая технология, используемая на уроках по изучению зарубежных авторских сказок, предполагает активное взаимодействие учителя и ученика, их сотрудничество в процессе пости-

жения особенностей иной культуры – как на уроке, так и во внеклассной работе. В связи с этим определяется одна из главных задач учителя литературы на таких уроках – формирование межкультурных полиэтнических компетенций.

Изучение произведений зарубежных писателей даёт возможность устанавливать ассоциативные связи между зарубежной и русской литературой, выявлять общие черты, что способствует пониманию национального своеобразия иной культуры, расширению духовного, нравственного, эстетического опыта учащихся. «При этом обучаемые не только овладевают навыками и знаниями иноязычной речевой деятельности, но и по-новому открывают, осмысливают, познают культурные ценности своего народа, особенности родного языка, культуры, приобретая уважение к своей культуре, языку, наряду с интересом и почитанием других культур, языков» [3].

Исследователи, в частности, М. И. Корякина, предлагают проводить изучение сказок в культуроведческом аспекте, что позволяет ввести в его контекст дополнительный культуроведческий материал (песни, игры, танцы, обычаи, традиции, элементы малых фольклорных жанров и т. д.). Полученные при этом культурологические знания и умения расширяют и углубляют знания учащихся, прививают любовь и уважение к своей и к другим национальным культурам [4].

Одним из важных направлений работы учителя литературы является формирование личности, с уважением относящейся к культурным, историческим, духовным традициям своего и других народов, а также формирование у школьников осознания значимости общечеловеческих ценностей. При этом главной следует назвать идею уважения к другим культурам, гармоничного сосуществования и диалога культур. Использование на уроках по изучению зарубежных авторских сказок коммуникативно-развивающей технологии направлено на воспитание основ коммуникативной культуры, расширение коммуникативного опыта подростков. Практическая реализация элементов коммуникативно-развивающей технологии позволяет достичь взаимопонимания, способствует сотрудничеству и взаимодействию при совместном решении важных общечеловеческих вопросов, поставленных авторами классических произведений.

Таким образом, заявленная проблема является актуальной и может быть решена в процессе апробации на практике одной из моделей преподавания литературы в рамках базового компонента содержания литературного образования.

Список литературы

1. Гузикова М. О., Фофанова П. Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 119 с.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М., 2000. 624 с.
3. Электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-osnov-mezhkulturnogo-obshcheniya-mladshikh-shkolnikov-sredstvami-narodnykh-skaz> (дата обращения: 24.09.2018).

СЕКЦИЯ
«Медiateкст в системе публичных коммуникаций»

УДК 008

Н. Н. Воропаев,
кандидат филологических наук,
Институт языкознания РАН,
г. Москва, Россия

**Дяньгу в выступлениях Си Цзиньпина:
древность на службе у современности**

В статье анализируется особый стиль публичной коммуникации китайского лидера, основанный на частом использовании классических цитат и сюжетов (дяньгу). Автор показывает, как Си Цзиньпин использует наследие прошлого в интересах настоящего, непрерывно возрождая выдающуюся традиционную культуру Китая, наделяя её живой и яркой современной ценностью и смыслами.

Ключевые слова: дяньгу (классический прецедент), Си Цзиньпин, цитата, афоризм, прецедентность

N. Voropaev,
Candidate of Philological Sciences,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Diangu in the Speeches of Xi Jinping: Make the Past Serve the Present

The article analyzes a special style of public communication of the Chinese leader, which is based on the frequent use of classical quotations and plots (diangu). The author shows how Xi Jinping uses the legacy of the past in the interests of the present, continuously reviving the outstanding traditional culture of China, giving it a vivid and vibrant contemporary value and meanings.

Keywords: Diangu (Classical Precedent), Xi Jinping, Quotation, Aphorism, Precedence

Начиная с 18 Съезда Коммунистической партии Китая (8-15 ноября 2012 г.), в серии важных выступлений, статей, интервью и бесед Председателя КНР Си Цзиньпина сформировался особый индивидуальный стиль коммуникации китайского лидера, который вызывает положительные эмоции у слушателей. Основная причина высокой положительной оценки стиля выступлений Си Цзиньпина в том, что он умело использует древнюю классическую литературу, известные выражения из канонических книг

Китая. От философских работ и трактатов древности по разным отраслям до танской поэзии и сунских *цы*, от Конфуция до Мао Цзэдуна – Си Цзиньпин широко использует цитаты и тем самым создаёт изящные завершающие речь штрихи, подчёркивает самое существенное. Такие единицы речи всегда дают людям почву для размышлений, вызывают душевные порывы.

В 2015 году в Китае был опубликован замечательный сборник под названием «Си Цзиньпин использует дянь (классику)» [3].

Под односложным словом 典 *дянь* здесь скрывается термин традиционной китайской культуры *дяньгу* 典故 ‘классический прецедент’.

Термином традиционной культуры Китая *дяньгу* (典故 *diangu*) обозначают классические прецеденты, сюжеты, цитаты из классических источников, афоризмы, крылатые слова и выражения [1, с. 658].

Если проанализировать статьи многочисленных словарей *дяньгу*, можно сделать вывод, что все они включают единицы, которые в своём большинстве: 1) носят устойчивый характер и регулярно воспроизводятся в речи; 2) разворачиваются до рамок небольшого текста; 3) всегда связаны с какими-либо известными личностями и событиями (историческими или вымышленными); 4) именуют какое-либо событие (ситуацию, явление) или персонаж. Всё вышесказанное, полагаем, позволяет соотнести понятие *дяньгу* с понятиями прецедентный феномен, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация [2, с. 10].

Сборник составлен отделом комментариев и рецензий газеты «Жэньминь жибао». В сборнике анализируются 235 цитат Си Цзиньпина из древних книг Китая.

Автор предисловия к сборнику господин Ян Чжэнь, в свою очередь, процитировал Си Цзиньпина: «...только помня историю, можно открывать будущее, только умея наследовать, можно создавать новое» [3, с. 2].

15 ноября 2012 года на брифинге для журналистов, к которому было приковано внимание всего мира, только что вступивший в должность Председателя КНР Си Цзиньпин своей простой искренней речью взволновал многих. Он, в частности, сказал: “与人民心心相印、与人民同甘共苦、与人民团结奋斗，夙夜在公” ‘*быть с народом родственными душами, делить с народом радость и горе, сплотиться с народом в приложении усилий, работать с величайшим прилежанием*’. После этого выступления выражение 夙夜在公 ‘*работать с величайшим прилежанием*’ стало самым частотным в китайских СМИ. Это выражение из «Книги песен» («Ши цзин») (诗经·召南·采芣), составление которой традиционно приписывается Конфуцию (ок. 551–479 до н. э.).

История – лучший учебник. Си Цзиньпин также сказал, что «каждый народ, каждая страна должны знать, кто ты есть, откуда ты пришёл и куда идёшь, и, поняв это, надумав и разобравшись с этим, надо

непреклонно идти вперёд к цели. Китайская культура имеет долгую историю, и накопила в течение продолжительного периода времени глубинные духовные запросы китайской нации, она выражает самобытные духовные смыслы и ориентиры китайской нации» [3, с. 2]. Например, политические амбиции в китайской культуре выражает цитата “先天下之忧而忧，后天下之乐而乐” ‘*первые в тревогах Поднебесной и последние в её радостях (в значении чувствовать озабоченность о стране, принимать к сердцу страдания народа)*’. Эти слова из произведения государственного деятеля и писателя эпохи Сун Фань Чжунъяня (989–1052 гг.) «Записки о Юэянской башне» (宋·范仲淹《岳阳楼记》). Переживания о служении Родине передаются высказыванием “苟利国家生死以，岂因祸福避趋之” ‘*во благо Родины святой отдать без сожаления жизнь свою*’. Это цитата из произведения Линь Цзэсюя (清·林则徐《赴戍登程口占》). Здесь необходимо отметить, что «многие цитаты из классических источников, сами по себе являющиеся прецедентными высказываниями, актуализируют большое количество прочих прецедентных феноменов, прежде всего имена прецедентных персонажей, которые их создали, а также прецедентные ситуации, тексты и другие высказывания» [2, с. 6]. Линь Цзэсюй (1785–1850 гг.) – знаменитый государственный деятель, национальный герой Китая, запретивший опиум. Идея великодушия, справедливости в восприятии мира циркулируют в китайском культурном пространстве в виде *дяньгу* “富贵不能淫，贫贱不能移，威武不能屈” ‘*деньги и почёт не сокрушат его, нужда и низкое положение не изменят его, сила не согнёт его*’. Эта цитата из произведения философа Мэн-цзы (372–289 г. до н. э.) (《孟子·滕文公下》). Преданность и самоотверженность поддерживаются в китайскоязычном дискурсе выражением “鞠躬尽瘁，死而后已” ‘*отдавать все свои силы и энергию, пока не перестало биться сердце*’, которое родом из произведения государственного деятеля периода Троецарствия Чжугэ Ляна (181–234 гг.) «Второй меморандум о выступлении войск в поход» (三国·蜀·诸葛亮《后出师表》) [3, с. 1].

«Все эти классические цитаты и прецедентные сюжеты передают духовные гены китайской нации, это наша самая мощная мягкая сила культуры» [3, с. 2].

При изучении статей, речей и произведений Си Цзиньпина самое сильное впе-

чатление возникает от того, как умело он применяет классические цитаты и сюжеты (*дяньгу*), как часто использует наследие прошлого в интересах настоящего и на основе критического подхода к старому развивает новое, непрерывно возрождая выдающуюся традиционную культуру Китая, наделяя её живой и яркой современной ценностью и смыслами. Например, чётко определяя, что для управления государством необходимо защитить интересы народных масс, китайский лидер приводит *дяньгу* “利民之事，丝发必兴；厉民之事，毫末必去” ‘*всё, что идёт на пользу народу, каким бы незначительным это ни было, необходимо осуществлять; всё, что вредит народу, каким бы незначительным это ни было, необходимо упразднить*’. Источник этого *дяньгу* – произведение философа Вань Сыда (1633–1683 г.) «Оспаривание неправильных [толкований] Чжоуских чиновников по книге “Чжоу ли”» (《周官辨非·天官》). Разъясняя, что пустые разговоры наносят ущерб национальным интересам, и убеждая аудиторию упорно и умело работать на благо Родины, Си Цзиньпин приводит цитату из раздела «Преходящее и постоянное» произведения «Тайная книга» китайского философа и публициста Тан Чжэня (1630–1704 г.) (明末清初) 唐甄《潜书·权实》) “以实则治，以文则不治” ‘*в управлении за основу брать реальное действие и исполнение, а не публикацию постановлений и циркуляров*’. Рассуждая о важности того, что руководящие кадры должны начинать с себя, лидер Китая вспоминает выражение из раздела «Цзы Лу» «Лунь юя» («Суждения и беседы» – сборник высказываний Конфуция, составленный его учениками) (《论语·子路》) “其身正，不令而行；其身不正，虽令不从” ‘...если правитель сам в своих поступках праведен, то народ и без приказов будет готов действовать; если же правитель сам в своих деяниях не праведен, то, даже приказывая, он не добьётся от народа послушания’. Чтобы ясно показать инновационное, созидательное значение реформ, он приводит высказывание “明者因时而变，知者随事而制” ‘*умный человек в соответствии с изменениями эпохи изменяет планы, мудрый человек в соответствии с ситуацией изменений в мире издаёт законы*’. Это высказывание из трактата «Янь те лунь» («Спор/ [Рас]суждения о соли и железе») конфуцианца прозаика Хуань Куаня (конец II – начало I в. до н. э.) (汉·桓宽《盐铁论·忧边》).

И подобных примеров бессчётное количество. Как пишут составители книги: «из такого с душой и умелого использования *дяньгу* мы можем понять и прочувствовать сердцем главную идею, выраженную следующими словами из “Дао дэ цзина” (‘Канон Пути и благодати’, написан в IV в. до н. э.): “以百姓之心为心” ‘*за центр внимания принимаются желания народа*’. Мы можем также понять, что такое политический разум, из *дяньгу* “执古之道以御今之有” ‘*держаться своего традиционного пути и руководствоваться заветами предков сегодня*’ (выражение также из “Дао дэ цзина”), можем определить, что такое деловитый прагматичный дух, осознав *дяньгу* (цитату) из “Дао дэ цзина” “天下大事必作于细” ‘*большие проблемы Поднебесной надо сделать маленькими*’» [3, с. 3].

«Что такое бескорыстие коммуниста? Что такое стратегическое мышление правителя? Читайте между слов и строк, и всё само собой разумеется», – пишут составители книги [3, с. 3]. «За использованием классических цитат (*дяньгу*) стоит понятие “治世” *чжи ши* ‘управление государством’. Что применить? Как применить? Каков будет эффект? Это всё отражение и преломление способности руководить, идеологии управления, стиля управления и в то же время применение мудрости управления древних в управлении модернизацией в современной практике» [3, с. 10].

Данные примеры показывают, что подобное активное использование в современном китайскоязычном дискурсе национальных прецедентных феноменов обеспечивает сохранение исконной национальной самобытности и существование вневременного идеологического пространства. Это, в свою очередь, становится возможным благодаря языковой преемственности, которая базируется на длительной культурной, письменной и литературной традиции.

В заключение можно сказать, что активное использование в китайскоязычном дискурсе национальных прецедентных феноменов *дяньгу* является характерной особенностью членов китайского лингвокультурного сообщества, подкрепляющей их гордость за свою культуру, страну, нацию. Широко распространённый феномен существования названий событий древней истории и событий, описанных в выдающихся литературных произведениях древности в форме фразеологических единиц, большое количество фразеологизмов разного типа,

связанных с *дяньгу* или являющихся *дяньгу*, – всё это в китайском обществе направлено на формирование аксиологически чёткой единой системы мышления и осознания себя в этом мире.

Председатель КНР Си Цзиньпин, используя в своих выступлениях *дяньгу*, реализует принцип *古为今用* 'ставить древнее

на службу современному; осваивать наследие прошлого', и это полностью соответствует историческим традициям китайского общества, согласно которым знание древности и, соответственно, древних текстов и событий считалось одной из высших ценностей. Таким образом, в Китае сохраняются и знание древности, и связь времён.

Список литературы

1. Большой китайско-русский словарь / под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983–1984. Т. 1–4.
2. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. М., 2012. 315 с.
3. Xi Jinping yong dian 习近平用典/人民日报评论部编著. 北京: 人民日报出版社, 2015 / Renmin ribao pinglunbu bianzhu. Beijing: Renmin ribao chubanshe, 2015. = Си Цзиньпин использует *дяньгу* / сост: отдел коммент. и рецензий газ. «Жэньминь жибао»; коммент. Ян Лисиня. Пекин: Изд-во «Жэньминь жибао», 2015. 306 с.

УДК 008

Н. Н. Котельникова,

*доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия*

О. А. Леонтович,

*профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Россия;
профессор,
Тяньцзиньский университет иностранных языков,
г. Тяньцзинь, Китай*

Китайская экологическая социальная реклама как составляющая медиаурбанистического дискурса¹

Статья посвящена изучению китайской социальной рекламы, связанной с экологическими проблемами. Исследование проводится с позиций медиаурбанистики – научного направления, рассматривающего современный город через совокупность знаков различных семиотических систем и их контекстуализацию. Анализ позволяет не только выявить используемые в рекламе средства художественной выразительности, но также получить представление о том, какими проблемами живет население крупного китайского мегаполиса.

Ключевые слова: медиаурбанистика, социальный конструкционизм, критический дискурс-анализ, экология, социальная реклама, языковые средства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.

N. Kotelnikova,
Assistant Professor, Intercultural Communication and Translation Department,
Volgograd State Social and Pedagogical University,
Volgograd, Russia

O. Leontovich,
Professor, Intercultural Communication and Translation Department,
Volgograd State Social and Pedagogical University,
Volgograd, Russia;
Professor,
Tyantsyn University of Foreign Languages,
Tyantsyn, China

Chinese Ecological Social Advertising from the Perspective of Urban Communication Studies¹

The paper discusses Chinese social advertising dealing with ecological issues. The research is carried out from the perspective of urban communication studies – a discipline viewing a big city through a set of signs of different semiological nature and their contextualization. The results of the investigation do not only allow us to identify the linguistic peculiarities of Chinese social advertising, but also bring us to the understanding of the problems, which face the inhabitants of a Chinese megalopolis.

Keywords: urban communication, social constructionism, critical discourse analysis, ecology, social advertising, linguistic peculiarities

Особое место среди бурно развивающихся сегодня междисциплинарных научных направлений занимает урбанистика (*urban studies*), привлекающая внимание специалистов в области городского строительства, архитектуры, социологии, психологии, теории коммуникации, лингвистики и т. д. Одна из дисциплин, выделяемых в рамках этого направления, обозначается английским термином *urban communication*, передача которого по-русски представляет некоторую сложность. Дословный перевод «городская коммуникация» не слишком удачен, так как он созвучен с термином «городские коммуникации» (в значении «канализация», «водопровод» и т. д.). В связи с этим мы предлагаем использовать термин «медиаурбанистика» [4; 5]. В контексте этой дисциплины лик современного города рассматривается через совокупность знаков различных семиотических систем (топонимов, визуальной и звуковой рекламы, названий магазинов, ресторанов, развлекательных заведений, местной еды, промышленных товаров и т. д.) и места, которое они занимают в городском ландшафте.

Настоящее исследование осуществляется в рамках грантового проекта РФФИ «Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и КНР» и проводится на материале городов Тяньцзинь и Волгоград. В его основе – идеи социаль-

ного конструкционизма и критического дискурс-анализа [7; 8], согласно которым учёный должен не только описывать социальные параметры коммуникации, но также давать моральную оценку происходящему и через свои исследования оказывать влияние на общество [7, с. 25].

Одна из важнейших задач современной социальной рекламы в Китае – акцентировать внимание на экологических проблемах, являющихся причиной огромных экономических потерь, социальных конфликтов и ухудшения здоровья жителей страны. Осознавая остроту проблемы загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов, руководство КНР предпринимает меры по её разрешению, а также стремится сформировать у китайских граждан массовое осознание необходимости гармоничного сосуществования с природой.

Согласно официальным источникам, загрязнение атмосферного воздуха ежегодно становится причиной гибели 178 тыс. человек [13, с. 287]. Из 500 крупных китайских городов только в пяти (1 %) качество воздуха соответствует международным стандартам, установленным Всемирной организацией здравоохранения. Из десяти городов мира с самой плохой экологией семь находятся в Китае – такие данные приведены в совместном отчёте Азиатского банка развития и Китайского института Циньхуа [2,

¹ The study was performed with financial support RFBR, research project No. 17-29-09114.

с. 93–94]. Хотя Тяньцзинь не входит в число этих городов, экологическая ситуация в нём считается очень неблагоприятной.

В городах 60–70 % загрязнения воздуха вызвано выхлопными газами автотранспортных средств [13, с. 287]. Кроме того, автотранспорт является источником 70–80 % шумового загрязнения [14, с. 91] – одной из самых значительных проблем современных китайских мегаполисов. В связи с этим наружная социальная реклама активно продвигает идеи использования «зелёного» (немоторизованного или электрического) транспорта, например: 绿色交通·城市未来 (Зелёный транспорт – будущее города); 绿色交通·低碳出行 (Зелёный транспорт. Отправляйся в путь без загрязнения среды); 如果坚持绿色出行, 就降低了能耗和污染 («Зелёный» способ передвижения снижает потребление энергии и загрязнение среды); 绿色出行·健康你我 («Зелёный» способ передвижения – здоровье для тебя и меня).

Ещё одна животрепещущая проблема – загрязнение поверхностных и грунтовых вод, обеспечивающих китайские города питьевой водой. По данным китайского Министерства водных ресурсов, в 2012 году из 660 с лишним китайских городов дефицит воды испытывали более 400. Река Хайхэ, на берегу которой расположен Тяньцзинь, сегодня является самой загрязнённой рекой Китая. Проблемы водоснабжения в КНР столь остры, что Вэнь Цзябао (премьер-министр страны в 2003–2013 гг.) однажды назвал их «угрозой самому существованию китайской нации» [6, с. 278]. Этим обусловлено широкое распространение наружной социальной рекламы, призывающей к экономному использованию воды, например: 地球还有多少水让我们浪费? (Сколько ещё осталось на Земле воды для нашего расточительного использования?); 节约一滴水, 地球更美丽 (Экономия каждой капли воды делает Землю прекраснее); 节约用水, 人人有责 (Экономия воды – обязанность каждого); 水是生命之源, 请节约用水 (Вода – источник жизни. Пожалуйста, используйте её экономно).

Китай – одна из самых малолесных стран в мире, где площадь леса на человека в четыре раза меньше среднемировых показателей. В последние годы власти Китая принимают серьёзные меры, чтобы сохранить территории зелёных насаждений, и ведут активную работу по лесовосстановлению, в результате которой планируется к 2020 году покрыть лесами 23 % террито-

рии страны [11]. С помощью социальной рекламы власти страны распространяют идеи охраны и восстановления зелёных насаждений, например: 绿化环境从我做起 (Озеленение окружающей среды начинается с меня); 保护树木, 让空气更清新 (Охраняйте деревья, чтобы воздух был чище); 多一份绿色, 多一份健康 (Больше зелени – больше здоровья); 让城市多点绿, 让生活更美好! (Пусть в городе будет немного больше зелени, сделаем жизнь прекраснее!).

Отдельного внимания заслуживает реклама, призывающая отказаться от использования одноразовых палочек для еды. В Китае ежегодно используется около 50 млрд пар одноразовых деревянных палочек, на производство которых уходит около миллиона кубометров дерева, что соответствует 25 млн уничтоженных деревьев [12]. Городские плакаты социальной рекламы гласят: 拒绝使用一次性筷子 (Откажемся от использования одноразовых палочек); 保护森林, 向一次性筷子说不 (Сохраним леса, скажем «нет» одноразовым палочкам); 拒绝一次性筷子, 给世界多留一点绿色 (Откажись от использования одноразовых палочек, оставь миру немного зелени).

Ещё одна экологическая проблема Китая, получившая отражение в социальной рекламе, – накопление твёрдых бытовых отходов. Китай – один из самых крупных производителей мусора на планете. Из 668 китайских городов вывозится около 250 млн тонн бытовых отходов в год, при этом объём производимого мусора ежегодно увеличивается на 8–10 %. Мусорные свалки и полигоны уже занимают территорию в 600 млн м² [13, с. 287], что не только наносит колоссальный вред окружающей среде, но и существенно сокращает жизненное пространство, имеющее огромное значение для такой перенаселённой страны, как КНР. Чтобы повысить уровень переработки и утилизации бытового мусора, власти страны внушают гражданам идею раздельного сбора отходов. Тексты наружной социальной рекламы учат горожан: 垃圾分类, 举手之劳 (Сортировка мусора – это просто); 垃圾分类, 让城市更美丽 (Сортировка мусора позволит сделать город ещё прекраснее).

С точки зрения семиотики, особый интерес представляет языковое и художественное оформление китайской социальной рекламы, используемое для привлечения внимания горожан, увеличения экспрессивности и лёгкости запоминания передаваемой информации.

К универсальным средствам художественной выразительности, свойственным социальной рекламе разных стран, относятся такие стилистические приёмы, как риторический вопрос, метафора, олицетворение, повторы, аллюзии и т. д. Интересный пример аллюзии содержится в следующей рекламе: 垃圾分类一小步, 健康文明一大步 (Маленький шаг в сторону сортировки мусора – большой шаг к здоровой цивилизации). Прецедентным для этого высказывания является знаменитая фраза американского астронавта Нила Армстронга, первым ступившего на Луну: “*One small step for a man – one giant leap for mankind*” («Маленький шаг для человека – огромный прыжок для человечества»).

Помимо универсальных стилистических приёмов, китайцы используют национально-специфические языковые средства, характерные именно для китайских рекламных текстов. Наличие в китайском языке огромного количества омофонов создаёт неограниченные возможности для игры слов, как, например, в тексте следующего рекламного плаката, призывающего горожан отдавать предпочтение экологическому транспорту: 绿色出行·骑乐无穷 («Зелёный» способ передвижения. В езде [на велосипеде] безграничная радость). Основой для второй части надписи стал фразеологический оборот 其乐无穷 (безграничная радость), в котором первый иероглиф – местоимение 其 qí (здесь, в этом) – заменён на омонимичный ему глагол 骑 qí (ехать верхом [на велосипеде]).

Типичным для китайских текстов наружной рекламы, в том числе и экологической тематики, является использование приёма рифмования слогов, оканчивающихся на одинаковые финалы, например: 垃圾分类, 生活更美 lājī fēnlèi, shēnghuó gèng měi (Сортировка отходов сделает жизнь более прекрасной). К распространённым приёмам также относится параллелизм – фигура речи, предполагающая «ритмико-мелодическую парность построения предложений и их частей – в т. ч. принадлежность слов в сходных синтаксических позициях к одной семантической категории, их одинаковую частеречную принадлежность» [1, с. 194]. Использование этого приёма позволяет достигнуть ритмичности и слоговой гармонии рекламного текста, что делает его более благозвучным, выразительным и лёгким для восприятия и запоминания. Часто параллелизм используется в рекламном

тексте в сочетании с рифмованием, например: 疏忽一时, 痛苦一世 shūhū yī shí, tòngkǔ yī shí (Небрежное отношение на час – горе на всю жизнь).

Ещё одной особенностью, характерной для текстов наружной рекламы экологической тематики, является частое обращение к фразеологизмам чэньюй, которые «благодаря своей “мгновенной” узнаваемости, каноничности формы, ритмичности, благозвучности, лаконичности, выразительности и культурологической маркированности, активно используются в качестве “строительного материала” для создания рекламных текстов» [3, с. 306]. Например, в рекламном плакате 变废为宝, 点铁成金 (Используем отходы в производственных целях – прикосновением превратим железо в золото), призывающем горожан к сортировке мусора, использован фразеологизм 点铁成金 (прикосновением превратить железо в золото, то есть сделать из плохого хорошее).

Иероглифическая письменность – это самая яркая особенность, отличающая визуальный облик китайского рекламного плаката от плакатов других стран. Создатели текстов социальной рекламы умело используют идеографичность иероглифических знаков. При этом основным материалом для творчества служат пиктограммы (простые иероглифы, изначально представлявшие собой примитивные изображения предметов) и идеограммы (сложные иероглифы, состоящие из двух или более пиктограмм). Художественная образность, присущая этим двум видам иероглифов, делает возможным реализацию в одном контексте семантического значения иероглифа и «картинки», созданной с помощью стилизации его внешней формы. Так, например, на плакате, призывающем китайских граждан отказаться от использования одноразовых палочек для еды, изображён один иероглиф 林 (лес) – идеограмма, состоящая из двух пиктограмм 木 (дерево). В процессе художественной стилизации две вертикальные черты иероглифа, обозначающие стволы деревьев, были заменены на изображения одноразовых палочек. В результате, даже без пояснительного текста, понятен посыл рекламного плаката – производство одноразовых палочек для еды приводит к уничтожению леса.

Проведённое исследование текстов китайской экологической социальной рекламы с позиций медиаурбанистики позволяет

не только выявить типичные для китайского языка средства художественной выразительности, но также получить представле-

ние о том, какими проблемами живёт современное население крупного китайского мегаполиса.

Список литературы

1. Дрейзис Ю. А. Параллелизм классического типа как механизм связности в современной китайской поэзии // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 202–213.
2. Колпакова Т. В., Капишникова В. А. Проблема ухудшения здоровья населения КНР как последствие экологического кризиса // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Чита: ЗабГУ, 2016. Вып. 17. С. 93–96.
3. Котельникова Н. Н. Окациональные модификации китайских фразеологизмов чэньюй в рекламном тексте // Россия – Китай: история и культура: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. С. 301–307.
4. Леонтович О. А. Лик современного города через призму медиаурбанистики // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: материалы междунар. конф. / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Канцлер, 2018. С. 27–28.
5. Леонтович О. А. Семиотика наблюдения в контексте медиаурбанистики // Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. О. А. Турбиной (28–30 мая 2018 г.). Челябинск: ЮрГУ, 2018. Т. 1. С. 89–92.
6. Мозиас П. М. Экологическая политика в Китае: вверх по лестнице, ведущей вниз? // Общество и государство в Китае. 2016. № 21–2. С. 274–314.
7. Blommaert J. Discourse. A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
8. Fairclough N. Analysing Discourse. New York: Routledge, 2003.
9. Pearce W. B. Interpersonal Communication: Creating Social Worlds. New York, 1994.
10. Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. Menlo Park, CA, Cummings, 1977.
11. 国家林业局: 我国力争2020年森林覆盖率达到 23 % [Электронный ресурс] // 中华人民共和国中央人民政府 2013-03-21. Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzq/2013-03/21/content_2359470.htm (дата обращения: 18.09.2018).
12. 年消耗500亿双的一次性筷子建成高楼大厦会怎样? [Электронный ресурс] // 新华网 2017-09-18. Режим доступа: http://www.m.xinhuanet.com/js/2017-09/18/c_1121670003.htm (дата обращения: 18.09.2018).
13. 李德森. 城市环境污染与治理措施研究 // 《工业B》. 2018. № 1. 页287.
14. 郑少澄, 许圆圆. 城市环境污染与治理对策 // 《工程技术(引文版)》. 2017. № 2. 页91.

УДК 81-2

В. А. Попиль,
старший преподаватель,
Департамент коммуникаций и медиа,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

Особенности перевода рекламных слоганов спортивных брендов и автоконцернов на русский язык

Межкультурная коммуникация в современном мире ставит непростые задачи во всех сферах общественной жизни, решить которые призваны исследователи, формирующие междисциплинарные коллаборации. Для достижения максимального коммуникационного эффекта переводчики работают с философами, историками, социологами, политологами, маркетологами, журналистами и рекламщиками. Перевод англоязычного слогана с сохранением его концепции и ключевого призыва всегда представлял собой серьёзный вызов для специалистов. В статье рассмотрены варианты переводов современных рекламных слоганов спортивных брендов и автоконцернов на русский язык.

Ключевые слова: информационное пространство, реклама, слоган, модифицированная реклама, спортивный бренд, автомобильный бренд

Features of Advertizing Slogans of Sports Brands and Automakers Translation into Russian

Modern intercultural communication poses difficult tasks in all spheres of public life. These tasks should be solved by researchers who form interdisciplinary collaborations. To achieve the maximum communication effect translators work with philosophers, historians, sociologists, political scientists, marketing specialists, journalists, and advertisers. Translation of English slogan, while preserving its concept and key appeal, has always been a serious challenge for specialists. The article describes the translation options for modern advertising slogans of sports brands and automakers in Russian.

Keywords: information space, advertising, slogan, modified advertising, sports brand, car (auto) brand

Процессы урбанизации и интеграции информационного пространства, интенсивно протекающие в современном обществе, приводят к унификации культуры. Вопрос о том, как организовать информацию, понятную и толерантную для всех культур и субкультур, в последнее время встаёт наиболее остро.

Реклама отражает все изменения в социальной, эмоциональной и эстетической сферах жизни общества. С одной стороны, рекламные сообщения однородны по цели и средствам, их общей задачей является создание стимула к покупке в сознании потенциального потребителя, с другой – авторы рекламных сюжетов и текстов стараются использовать наиболее сильные аргументы, опираясь на культуру каждого социума. Так, согласно актуальным исследованиям восприятия медиатекста русскоязычной аудиторией, выбирая материалы для чтения в печатных или интернет-изданиях, опрошенные ориентируются на оперативность и информативность (признаются в частой нехватке времени для чтения больших текстов), полезность и уникальность контента (его отличие от окружающих «конкурентов») [1].

Краткость рекламы, уже давно оценённая потребителями не только в России, но и во всём мире, позволяет за ограниченное время продемонстрировать большое количество законченных сообщений и охватить максимально широкий спектр используемых художественных образов. Своего рода индикаторами коммуникационной успешности любой компании являются логотип, узнаваемый потребителями, миссия, не всегда известная, но чётко прописанная

на официальном сайте, и слоган или слоганы – это фразы, концентрирующие суть рекламной кампании, как имиджевые (корпоративные), так и рекламные – то есть позиционирующие определённую продукцию компании.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в рекламном менеджменте корпораций и фирм является выбор политики создания рекламы: стандартизированной, признающей в качестве основы общие черты и характеристики потребителей в разных странах, или модифицированной, соотношённой с культурой и особенностями восприятия в каждой стране. Каждая из этих политик имеет свои преимущества и недостатки: стандартизированная не требует временных расходов на перевод рекламных текстов на разные языки и их адаптацию, но вместе с тем может привести к недопониманию сообщения отдельными аудиториями; модифицированная, напротив, учитывает все культурные особенности целевой аудитории, подключая к работе переводчика, психолога, филолога и рекламщика. Кроме того, модифицированная политика не исключает некоторого искажения базового рекламного сообщения. Выходом из ситуации может стать модифицированный подход, использующий правила стандартизации, при котором литературный перевод слогана не изменяет его сути.

Для достижения максимального эффекта коммерческая реклама должна вызывать только положительные эмоции, следовательно, слова в рекламном тексте подбираются так, чтобы потенциальный потребитель получил позитивную, надолго запоминающуюся информацию [3]. Основная

сложность перевода англоязычных слоганов на русский с сохранением позитивного восприятия состоит в том, что наш язык обладает рядом отличительных особенностей, среди которых наибольшие вопросы вызывает лексика и фразеология. Ещё одна особенность восприятия рекламного текста отечественным потребителем – критичность, поскольку «на Родине Пушкина, Достоевского и Есенина нет места шероховатым фразам». Все это значительно усложняет работу отечественным переводчикам, работающим при консультации маркетологов и рекламщиков.

В данной статье мы рассмотрим возможные варианты перевода на русский язык англоязычных рекламных слоганов некоторых спортивных брендов и автоконцернов. Примечательно, что изначально компании, предлагающие эти две категории товаров, позиционировались в качестве торговых марок для мужчин, и несколько позже стали востребованы женской аудиторией, занявшейся спортом и севшей за руль. Тем не менее по эмоциональной окрашенности слоганы остались преимущественно мужскими, хлесткими, жесткими, глагольными и конкретными. *“Just do it” (Nike)*, *“I am what I am” (Reebok)*, *“Drive your ambition” (Mitsubishi Motors)*, *“Find new roads” (Chevrolet)*, *“Go further” (Ford)* призывают к действиям, поиску (в том числе себя) и как будто задают вектор развития. В то же время существуют исключения из «мужских» правил. Слоганы *“Impossible is nothing” (Adidas)*, *“Serious performance” (Mizuno)*, *“Always a better way” (Toyota)* [2], *“The power of dreams” (Honda)* абстрактны, но не теряют своего эффекта благодаря сильным и лаконичным словам и конструкциям.

Каждый из представленных выше слоганов при переводе на другие языки, в нашем случае – на русский, не должен потерять заложенного изначально смысла и сохранить побудительный эффект от рекламной коммуникации. Некоторые рекламные лозунги имеют официальный перевод на русский язык, являющийся максимально точным и удачным, но, на наш взгляд, таких слоганов меньшинство: например, у *Adidas* это «Невозможное возможно», у *Nike* – буквальный перевод – «Просто сделай это», у *Mitsubishi Motors* – «Воплощение (так перевели слово *drive*) твоих амбиций». Наша задача – предложить варианты интерпретации тех англоязычных слоганов, которые либо не имеют официальных переводов на

русский язык, либо эти официальные переводы, по мнению автора, не отражают изначальной концепции рекламной кампании. Среди спортивных брендов были выбраны *Reebok* и *Mizuno*, среди автомобильных – *Toyota*, *Ford* и *Honda*.

Официальный перевод слогана компании *Reebok* *“I am what I am”* буквальный, как у *Nike* – «Я – это я». Тем не менее в данном случае такая буквальность, по мнению автора статьи, граничит с примитивностью. При подробном анализе оригинала заметно, что создатели коммуникационной концепции стремились сделать акцент на лидерстве потребителя, одновременно демонстрируя его самодостаточность. «Я – тот, кто я есть, такой, какой есть, – как будто утверждает покупатель *Reebok*. – И не нужно навязывать мне спортивные клише и стереотипы». На наш взгляд, одной из возможных версий перевода слогана *“I am what I am”* может стать вариант «И никто другой», объединяющий уверенность в том, что «я – это я», «никто другой не может сделать это (забить гол, отжаться, пробежать и т. д.) так, как могу это сделать я» и «никто другой не достоин продукции этого бренда так, как я».

Что касается *Mizuno*, то слоган этой торговой марки *«Serious performance»* не имеет официального перевода на русский язык. Дословно по-русски он звучит как «Серьёзное выступление», вместе с тем слово *“serious”* имеет несколько интерпретаций на русском языке: от «серьёзного» до «имеющего высшую степень». Слово *“performance”* не менее многогранно (от «представления» до «игры»). Поскольку бренд спортивный, а спорт невозможен без трюков, вспоминается известная фраза комментаторов: «Блестящее исполнение! (прыжка, программы, штрафного удара, подачи – нужно подчеркнуть)», которая точно отражает идею рекламной кампании. Слоганы автоконцернов, в отличие от рассмотренных нами выше слоганов спортивных брендов, не так стабильны. Раз в несколько лет концепция рекламной кампании автомобильного производителя претерпевает серьёзные изменения, что влечёт за собой смену лозунга. Казалось бы, зная о преимуществах *Toyota*, потребитель не придаёт значения, «управляет ли он мечтой» или компания с 2013 года «стремится к лучшему», тем не менее новый слоган выражает суть философии компании *“The Toyota Way”*: непрерывное совершенствование и всё, что с этим связано [4]. Международная

рекламная кампания предлагает нам лозунг *“Always a better way”*, официально переведённый на русский язык как «Стремиться к лучшему». Интересно, что в русскоязычном варианте появляется инфинитив, который, как мы отмечали выше, задаёт вектор развития. Он не просто говорит о том, что концерн всегда стремится, а задаёт цель, команду, вектор. Вместе с тем при переводе исчезает слово «всегда», и может создаться ощущение, что *Toyota* стремится исправить те проблемы, которые наблюдались в предыдущих автомобилях. Исходя из заданной философии компании, целесообразно перевести слоган на русский язык как «Всегда стремимся к совершенству», что выгодно подчеркнет каждый выпущенный компанией автомобиль и корпоративный дух, а поскольку всем известно, что совершенству нет предела, к нему можно стремиться ещё не одну сотню лет, сохраняя философию и коммуникационную концепцию.

Слоган компании *Ford “Go further”* не имеет официального перевода на русский язык. Дословно это «Иди дальше», что напоминает русский «посыл» не очень приятному человеку. Сохраняя идею, целесообразно предложить «зайти дальше» или спросить потребителя в России: «Как далеко ты готов зайти?», бросая ему вызов и предлагая отличный автомобиль для раскрытия новых горизонтов. Один из элементов фирменного стиля компании *Honda “The power of dreams”* также не имеет официального перевода на русский язык. Англо-русский словарь предлагает нам «Силу меч-

ты», что неблагозвучно и сомнительно, так как измерить силу мечты невозможно. Казалось бы, идеальный перевод слогана найти несложно: это «Мечты сбываются», но данный лозунг в сознании российского потребителя уже прочно ассоциируется с ОАО «Газпром». Возможным переводом может стать «Вслед за мечтой», что в целом сохраняет концепцию и подчёркивает уникальность автомобилей *Honda*, становящихся объектом мечты.

Рассмотрев возможности переводов англоязычных слоганов спортивных брендов и автоконцернов на русский язык, мы пришли к выводу о том, что не всегда официальные переводы являются лучшим вариантом, сохраняющим изначальную философию и концепцию позиционирования компании и её продукции. Использование общепризнанных клише выбранной культуры всегда считалось эффективным приёмом рекламирования, затрагивающим нужные «струны» души потенциального потребителя. Вместе с тем как оригинальные, так и переведённые слоганы проанализированных нами компаний не отличаются оригинальностью: *“I am what I am”* или *“The power of dreams”* может ассоциироваться с бытовой техникой, недвижимостью, ювелирными украшениями, часами и другими товарами и услугами. В этом случае рекламщикам необходимо задуматься о том, как подчеркнуть в слогане свою направленность или как прочно внедрить в сознание потребителей связь созданного лозунга с определённой компанией.

Список литературы

1. Вырковский А. В., Любимцева М. А. Восприятие аудиторией различных видов текста в российских деловых интернет-СМИ // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 2. С. 143–167.
2. История 5 самых известных слоганов автокомпаний [Электронный ресурс] // Mobile Device. 2013. Режим доступа: <http://www.mobiledevice.ru/upravliai-mechtoi-toyota-slogan-ford-bmw-lexus-mercedes-benz.aspx> (дата обращения: 30.09.2018).
3. Шилина А. В. Прагматические особенности лексики ольфакторного восприятия в англоязычных рекламных текстах и её перевода на русский язык // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 197–202.
4. Toyota больше не управляет мечтой [Электронный ресурс] // Drom. 2013. Режим доступа: <https://www.news.drom.ru/Toyota-24213.html> (дата обращения: 15.09.2018).

Ю. В. Щурина,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

А. А. Пальшина,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Иноязычные эргонимы коммуникативного пространства города Читы в лингвокультурологическом аспекте

Статья посвящена анализу эргонимов иноязычного происхождения коммуникативного пространства г. Читы. Эргонимикон (эмпоронимы и трапезонимы) рассматривается в культурологическом аспекте. В целях достижения эффективной коммуникации номинаторы изобретают для своих предприятий оригинальные названия, обладающие определёнными культурными коннотациями.

Ключевые слова: эргоним, эргонимикон, заимствование, эмпороним, трапезоним, лингвокультурология, коммуникативное пространство города

Yu. Shchurina,
Candidate of Philology Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

A. Palshyna,
Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Foreign-Language Ergonyms Belonging to the Communicative Space of the Chita City in the Linguoculturological Context

The article concentrates on the analysis of the foreign-language ergonyms belonging to the communicative space of Chita. Ergonymikon (emporonyms and trapezononyms) is considered in the cultural aspect. In order to achieve effective communication, nominees invented original names for their enterprises that have certain cultural connotations.

Keywords: ergonym, ergonymikon, borrowing, emporonym, trapezonym, cultural linguistics, cultural connotation, communicative space of the city.

В современных лингвистических исследованиях эргонимикон рассматривается как отдельная самостоятельная система онимов, в которой реализуются определённые тенденции, свойственные современному русскому языку и современной коммуникации в целом, такие как антропоцентризм, языковая мода на заимствование, изменение общей языковой культуры (осознанное и неосознанное нарушение словообразовательных и орфографических норм), стремление к экономии речевых средств, к языковой игре, экспрессии и т. д. Так, М. Г. Курбанова предлагает выделять следующие способы образования эргонимов: семантическая онимизация, трансонимизация, заимствование, языковая игра в её различных вариациях, усечение, аббревиация, собственно словообразование и другие [2].

Как правило, характер номинации и функции эргонимов определяет намерение номинатора. Кроме первостепенной цели современного эргонима – информировать о заведении, услуге или товаре, существует ряд других требований: он должен привлекать внимание и легко запоминаться, вызывать положительные ассоциации и быть понятным городскому населению. Отсюда такое многообразие названий различных предприятий, хотя далеко не все предприниматели считают нужным выделяться на общем фоне, называя продуктовые магазины по типу «Продукты»/«Вино-Водка», а салоны красоты, магазины мебели и другие заведения женскими именами «Кристина», «Алина», «Мария» и пр.

Зачастую при выборе названия предпочтение отдаётся опосредованной номина-

ции объекта, а не прямой. М. Н. Володина отмечает, что представление о каком-либо предмете складывается у человека благодаря ассоциациям [1]. Причём ассоциации могут различаться в зависимости от возрастного, гендерного, культурного и социального статуса адресата. Поэтому при подборе названия необходимо учитывать целевую аудиторию. Если услуга рассчитана на широкого потребителя (например, продуктовые магазины), важно учитывать массовый культурологический аспект (национальную специфику, особенности географического положения города, его историю и т. д.).

Город Чита, как и большинство российских городов, начиная с конца 90-х годов XX века испытывает влияние активизации иноязычных наименований своих объектов – прежде всего магазинов и предприятий общественного питания. Среди основных тенденций, действующих в письменности городской среды с конца XX века, были обозначены стремление к экспансии слова и тенденция к разрушению единственности письменности [4, с. 118–119]. Вывески и наружная реклама г. Читы представляют собой материал, в лексическом и графическом отношении подтверждающий отмеченные особенности письменности городской среды.

Обратимся к двум основным разрядам городских эргонимов иноязычного происхождения: это **эмпоронимы** (наименования торговых предприятий) и **трапезонимы** (наименования предприятий питания).

Вывески заведений и предприятий г. Читы представлены средствами разных языков и алфавитов (с преобладанием английского языка и/или латиницы), также встречаются транслитерированные слова бурятского и китайского (реже японского) языков. Важно, что вывески-эргонимы реализуют не только номинативную и информативную функции, но также рекламную и культурологическую. Так, слияние рекламной и информативной функций позволяет информировать об объекте продажи и одновременно привлечь внимание [3, с. 3].

Современная **эмпоронимия**, в первую очередь, использует иноязычную лексику для обозначения торговых точек, предлагающих товары зарубежных брендов (“*Francesco Donni*”, “*WoolStreet*”, “*Max Mara*”, “*Zarina*” и др.). Вторую группу составляют названия, не являющиеся собственными наименованиями фирм-производителей. В

эпиграфике при передаче таких названий широко используются латиница, транслитерация, написание в русской и латинской графике (см. рис. 1–4).

Рис. 1

Рис. 2

1. “*Seven Days*” (см. рис. 1) – магазин, реализующий продукты и алкоголь. Название содержит определённый семантический компонент – информацию о том, что данное заведение работает семь дней в неделю. Семантика эмпоронима достаточно прозрачна, сама номинация не имеет культурных коннотаций и не отражает специфику магазина, хотя вполне эффективно выполняет рекламную функцию. Выбор англоязычного словосочетания в данном случае был сделан исключительно с целью привлечения внимания.

2. “*Sweet Life*” (см. рис. 2) – кондитерская фабрика и магазин. Англоязычное словосочетание “*sweet life*” переводится как «сладкая жизнь», тем самым название отражает специфику предприятия, в котором изготавливаются и продаются сладости. Англоязычный вариант эмпоронима, очевидно, призван создать многоплановость восприятия, отсылая к устойчивому сочетанию, сформировать определённые ассоциации.

DESSERT HOUSE / КОНДИТЕРСКАЯ СТУДИЯ

Рис. 3

Рис. 4

3. «Dessert House» (см. рис. 3) – кондитерская студия. Эмпороним, как и рассмотренные выше, представлен англоязычным словосочетанием, которое переводится как «десертный дом» или «дом десертов». Выбор в пользу иноязычного варианта названия не кажется вполне оправданным, хотя, возможно, аналитическая конструкция выглядит более компактно и воспринимается как более благозвучная. Это название, как и первые два, вполне реализует все функции, кроме культурологической.

4. «Хлеб-соль» (см. рис. 4) – продуктовый дискаунтер, оптовый супермаркет. Данное название было включено в исследование в качестве противопоставления трём предыдущим, поскольку, в отличие от них, это русскоязычное название достаточно наглядно реализует не только номинативную, информативную и рекламную функции, но и функцию культурологическую. Номинация отражает менталитет русского народа, его «хлебосольную» натуру, открытость, гостеприимство, а также даёт понять, что в этом заведении продаются продукты питания. Однако сочетание типично русского названия с видовым понятием «дискаунтер», заявленным на вывеске, не кажется удачным.

5. «Бэбитоп» (см. рис. 5) – магазин детской одежды и обуви. Название представляет собой гибрид из транслитерированного английского слова *baby* и русского корня *-топ-* (топать, топтать), его можно интерпретировать как «детская ножка» или «детский топот». Эргоним не отражает какой-либо культурной специфики, однако остальные функции вполне реализует.

6. «Микки-тики» (см. рис. 6) – магазин игрушек и детской одежды. Включает часть имени персонажа диснеевских мультфильмов Микки Мауса (его изображение присутствует на рекламном баннере рядом с магазином) и словообразовательную часть *-тики*, добавленную для рифмы. В данном случае культурологическая функция реализуется на уровне детского восприятия (магазин игрушек для детей – персонаж из детских мультфильмов).

Рис. 5

Рис. 6

7. «Свит Мама» (см. рис. 7) – сеть магазинов одежды для беременных. Стоит отметить, что данный эмпороним используется как в транслитерированном варианте, так и в представленном латиницей – «Sweet Mama». В г. Чите известен первый вариант написания. Английское словосочетание дословно переводится как «сладкая мама», при этом подразумевается «будущая мама». Основные функции названий здесь реализуются, однако культурная составляющая этого эмпоронима в русскоязычной среде не очевидна.

Рис. 7

8. «Pulse» (см. рис. 8) – медицинский магазин. Данный эмпороним выглядит несколько интереснее рассмотренных ранее, он достаточно чётко и ёмко передаёт специфику называемого заведения. Выбор именно англоязычного варианта слова, на наш взгляд, помогает реализовать в большей степени рекламную функцию, поскольку английское слово кажется более экспрессивным в силу своей нестандартности. Культурологическая составляющая не присутствует.

9. «Фарм-копейка» (см. рис. 9) – аптека-дискаунтер. Здесь представлено сочетание адаптированного заимствованного из греческого языка корня *-фарм-* и русского слова *копейка*. Выглядит название просто, понятно и лаконично – основной посыл связан с указанием на низкие цены в данной аптеке. В этом наименовании, наряду с другими функциями, реализуется и культурологическая: *копейка* – очень важное слово в русском сознании (что отражено и в паремиях – «Копейка рубль бережёт»), такое отношение характеризует русских как экономных и рачительных. Так-

же стоит обратить внимание на слово *дискаунтер*, которое встречалось в тексте ранее и повсеместно используется в торговой сфере. В переводе с английского языка *discount* – скидка, то есть это магазин с широким ассортиментом товаров по ценам ниже средних рыночных.

Рис. 8

Рис. 9

Во вторую группу рассмотренных нами эргонимов вошли **трапезонимы** – наименования предприятий общественного питания. Среди них также присутствуют онимы иноязычного происхождения, транслитерированные, русскоязычные и гибридные названия. Как уже упоминалось ранее, названия на русском языке были включены в исследование для сравнения с иноязычными в лингвокультурологическом аспекте.

1. “*Mama Roma*” (см. рис. 10) – ресторан итальянской кухни. Важно отметить, что в итальянском языке название города Рим (*Roma*) женского рода, а не мужского, кроме того, слово “*mama*” широко распространено в наименованиях итальянских ресторанов и кафе: например, “*Mama Cortina*”, “*Mama Hostaria Pizzeria Birreria*”, “*Mama Pasta*”, “*Big Mama*” и др. Тем самым в данном случае мы наблюдаем не просто использование заимствования в названии, но и своеобразное «погружение» в культуру Италии.

Рис. 10

2. “*Testo*” (см. рис. 11) – пиццерия. Данное название представляет собой транслитерированное латиницей русское слово *тесто*. Отметим, что в итальянском языке *тесто* – *pasta*. Вероятно, данный трапезо-

ним представляет собой попытку языковой игры, не отражающую, впрочем, каких-либо культурологических коннотаций.

Рис. 11

3. “*Hookah Place*” (см. рис. 12) –альян-бар. Дословно название переводится как «кальянное место». Известно, что кальяны как приспособление для курения и сама культура курения кальяна пришли из восточных стран, однако в данной номинации мы не наблюдаем какой-либо отсылки к истории или географии явления, название лишь констатирует тот факт, что в этом заведении можно курить кальян. Хотя, возможно, не владеющим английским языком адресатам это не будет понятным.

Рис. 12

4. “*PIVBAR*” (см. рис. 13) – бар. Данный эргоним представляет собой образованное путём сращения русское словосочетание «пивной бар», транслитерированное латиницей. Название реализует все функции, кроме культурологической. Графическое оформление трапезонима связано с попыткой привлечения внимания.

Рис. 13

5. “*Vdrova*” (см. рис. 14) – бар, магазин. Название, как и рассмотренное выше, является транслитерированным латиницей русским сочетанием (точнее словоформой с предлогом). Заметно, что данное выражение отсылает к обладающей стилистически сниженной жаргонной окраской характеристике людей, злоупотребляющих алкого-

лем. Культурологическая функция в данном случае, вне сомнений, реализуется, однако сопровождающая данное устойчивое выражение отрицательная оценочность представляется неоднозначным выбором, поскольку подобное (хоть и ироничное) название освещает негативную сторону русской культуры.

Рис. 14

6. «Ян-хуа» (см. рис. 15) – кафе, корейско-китайская кухня. С китайского языка «Ян-хуа» переводится приблизительно как «преобразование человека» (принимая пищу, человек из голодного «превращается» в сытого). Данный трапезоним отсылает к культуре Китая, т. е. реализует культурологическую функцию, наряду с остальными.

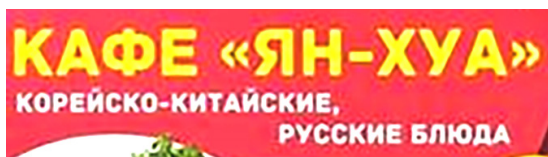

Рис. 15

7. «Алтан Сэргэ» (см. рис. 16) – кафе, бурятская кухня. Дословно выражение переводится как «золотая коновязь» – это столб перед юртой, к которому гости могли привязывать коней. В бурятской культуре «Алтан Сэргэ» имеет важное значение и является символом особого гостеприимства. Представляется, что название кафе было выбрано весьма удачно и лучше остальных трапезонимов представляет культурологическую функцию в действии.

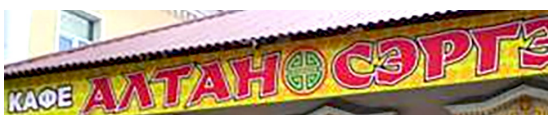

Рис. 16

8. «Хмельман» (см. рис. 17) – бар. Данное название выглядит как иностранная фамилия или прозвище, оно состоит из двух частей: русского корня -хмель- и английского корня -man- (человек); может интерпре-

тироваться как «хмельной человек», возможно – «пивовар». Эргоним реализует все функции, в том числе культурологическую.

Рис. 17

9. «Чингиз Хан» (см. рис. 18) – пивоварня, пиватория, бар. В этом названии достаточно удачно реализуется культурологическая функция – оно одновременно отсылает к географии и истории соответствующего пространства.

Рис. 18

В целом языковая система в письменных текстах, встречающихся на улицах г. Читы, мозаична и сложна: наряду с характерными для русской культуры эргонимами, при номинации торговых предприятий и предприятий питания активно используются заимствования.

Были выявлены примеры различным образом оформленных иноязычных письменных текстов, отражающих наименования предприятий торговли и общественного питания. Не вызывает сомнения тот факт, что в иноязычных эргонимах преобладает английский язык. Процесс глобализации, происходящий во всём мире, приводит к тому, что языковая среда современного города становится полилингвальной. На улицах наблюдается языковая полифония: собранный материал свидетельствует о том, что встречается использование не только кириллицы и латиницы, но и письменности других языков – бурятского, китайского, японского. При этом иноязычные эргонимы, в той или иной степени обладающие определёнными культурными коннотациями, могут отсылать к культурно-интеллектуальным блокам в сознании адресатов, порождать ассоциации, формировать многоплановость восприятия.

Неоднородная в языковом отношении эргономическая среда требует высокой культурной и лингвистической компетенции от жителей и гостей современного города.

Список литературы

1. Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ, 1993. 112 с.
2. Курбанова М. Г. Ассоциативный аспект эргонимов современного русского языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 6. С. 27–28.
3. Романова Т. П. Проблемы современной эргонимии // Вестник Самарского государственного университета. Сер. Филология. 1998. № 1.
4. Шмелева Т. В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1997. С. 114–123.

УДК 008:81-2:003.6

Ю. В. Щурина,

*кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Н. А. Шелопугина,

*магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Интернет-мем: проблема семиотического статуса

Статья посвящена относительно новому явлению в коммуникации – феномену интернет-мемов. Обсуждается проблема семиотической природы интернет-мема как сложного знака, обладающего неоднородными характеристиками. Доказывается, что характерной особенностью существования мемов в интернет-пространстве можно считать их способность к переходности из одного типа знаков в другой.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-коммуникация, семиотическая система, культурная коннотация, знак

Yu. Shchurina,

*Candidate of Philology Sciences, Associate Professor,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

N. Shelopugina,

*Graduate Student,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Internet Meme: the Problem of Semiotic Status

The article concentrates on the relatively new communication phenomenon, the phenomenon of Internet memes. There is discussed the problem of the semiotic nature of the Internet meme as a complex sign with heterogeneous characteristics. It is demonstrated that the characteristic feature of the existence of memes in the Internet space can be considered their ability to transitivity from one semiotic type to another.

Keywords: Internet meme, Internet communication, semiotic system, cultural connotation, sign

В начале первого десятилетия XXI века с развитием новых сфер коммуникации в употребление вошло особое явление – интернет-мем, представляющий собой единицу информации, стихийно распространяющуюся в интернет-пространстве. В широком понимании мем – это некая «идея, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сообщества» [18, с. 162].

Разнообразие способов выражения интернет-мемов, сложное семиотическое устройство, наличие разнообразных (в первую очередь, культурных) коннотаций, несомненное воздействие на адресатов, участие в формировании картины мира – всё это привело к тому, что в современной науке мем описывается и с позиций культурологии [3; 12; 14], и в социологическом аспекте [8; 10], и как философское понятие [13; 17].

В лингвистическом изучении интернет-мемов наметились два основных направления: 1) рассмотрение отдельных мемов или их разновидностей (структура, механизм функционирования, функциональные и прагматические возможности) [4; 5; 11]; 2) выявление и описание семиотической природы мемов [1; 6; 9].

Наиболее продуктивным представляется определение, согласно которому мем понимается как «единица культурной информации, способная к самокопированию и распространению среди людей данной группы» [13, с. 161]. Любая актуальная, популярная и способная к репликации фраза, идея, образ, мелодия, структура может быть определена как мем, и тем самым мем оказывается новой единицей измерения – причём не только языка и речи.

Интернет-мем как единица информации спонтанно распространяется различными способами в интернет-пространстве: это могут быть блоги (например, «Живой Журнал»), социальные сети («ВКонтакте», Facebook, Instagram), каналы (Telegram), мессенджеры (WhatsApp, Viber и т. п.). Интернет-мемы возникают практически одновременно с событием, которое произошло в реальной действительности (выборы, катастрофа, выход нового фильма, выступление медиAPERсоны, забавный случай и пр.). Достаточно часто мемы, будучи носителями различных смыслов, впоследствии приобретают несколько значений и используются как самостоятельные единицы речи, в том числе и в традиционных сферах коммуникации. Мем «работает» в сфере человеческого общения и используется для передачи информации, а также для эмоционального и эстетического воздействия.

Интернет-мем является сложным знаком, характеристики которого многозначны: неоднородность композиции, сочетание визуального и текстового ряда и различная прагматическая нагрузка.

В целях выявления сложного знаково-го устройства и описания природы интернет-мемов представляется необходимым более конкретно определить семиотический статус интернет-мема, т. е. связать его с определённым типом символов.

Одной из наиболее общих является классификация знаков Ч. Пирса, который, как известно, выделял:

- индексы;
- иконы;
- символы [16].

Приведённая классификация показывает базовые возможные отношения между означающим и означаемым в знаке: отношение сходства (в знаках-иконах и в символах) и отношение смежности (в знаках-индексах и в символах) [16].

Для интернет-мемов в большей степени характерны отношения сходства означающего и означаемого, нежели отношения смежности, прежде всего, потому, что визуальный компонент мема, как правило, основан на подобию чему-либо – это может быть предмет, лицо, животное или какое-то явление в реальном мире. Визуальная составляющая мема выступает как фотография (или результат «фотошопа»), портрет, карикатура, рисунок – все эти знаки определены самим Ч. Пирсом как знаки-иконы. Это позволяет утверждать, что мемам свойственна иконичность. С. В. Канашина отмечает, что именно иконичность мема «позволяет добиться эффекта правдоподобия, наглядности и аутентичности, что делает мем выразительным и явственным» [9, с. 119].

В то же время интернет-мем может обладать индексальностью, поскольку, часто являясь сложным знаком, природа которого определяется взаимодействием вербального и визуального компонентов, он может содержать знаки-индексы (например, личные местоимения в текстовой части или жесты на фотографии).

Множественность интерпретаций мема (порождаемая, в частности, механизмами метафоризации и метонимизации, которые передают смысл мема) позволяет говорить и о его потенциальной способности быть символом [9].

Таким образом, интернет-мем обнаруживает черты иконичности (в большей степени), индексальности и символичности, т. е. не может быть однозначно отнесён к какому-либо из этих типов знаков. Очевидно, эта «многоликость» мема-знака связана с комплексным характером семиотической природы большинства мемов. Кроме того, мемам присуща и способность к переходности из одного типа знака в другой (подобную возможность даже в простых знаках отмечал и сам Ч. Пирс).

Н. А. Зиновьева, опираясь на концепцию французского философа Ж. Бодрийера, считает, что интернет-мем можно рассматривать как симулякр [7, с. 133]. Симулякр – это знак, не имеющий означаемого объекта в действительности, «образ

отсутствующей действительности, пустая форма, знак, за которым не стоит какая-либо реальность» [2, с. 61].

Как отмечает Н. А. Зиновьева, интернет-мем может считаться симулякром не только из-за функциональной схожести двух понятий, но и потому, что мем проходит те же стадии развития и становления, что и симулякр: «...отражение реальности, когда будущий мем отражает только исходный материал; искажение фундаментальной реальности, когда мем воспринимается только в соотношении с “фоном”; маскировка фундаментальной реальности, когда мему начинают приписывать определённые черты; самостоятельное существование, когда мем окончательно теряет связь с исходным объектом и соотносится только с другими мемами» [7, с. 137–138].

Понятие симулякра в применении к интернет-мемам позволяет, с одной стороны обозначить роль виртуальной реальности, которая является сферой их функционирования (интернет-коммуникация), с другой – отражает несколько вымышленный, фантазийный характер этих знаков, которые часто имитируют (симулируют) реальность, но ею не являются.

Вымысел в мемах можно рассматривать как некий творческий потенциал, который позволяет выйти за рамки регламентированного реальностью общения и придать мему неконвенциональную форму. Вымысел превращает мем в игровое пространство, которое оформлено и насыщено признаками действительности таким образом, что в его правдоподобии сомневаться не приходится [17, с. 68–75].

При этом далеко не все мемы имеют вымышленную природу – многие из них отражают объективную действительность (например, содержащие в качестве визуального компонента фотографию реального лица, а в качестве текстовой части – принадлежащую ему фразу).

С. В. Канашина считает, что целесообразно разделить интернет-мемы на две группы знаков – симулякры (мемы, основанные на вымысле) и репрезентации (мемы, основанные на реальной действительности) [9].

В современном интернет-пространстве функционируют интернет-мемы различных типов, существенно различающиеся по своему семиотическому устройству:

- 1) текстовый мем (вербальный);
- 2) визуальный (изображение);

3) аудиальный;

4) видеомем;

5) креолизованный мем (гибридный) [18, с. 164].

Текстовые мемы представляют собой слово, словосочетание или фразу: *Горизонт завален, Крымнаш, Ничоси, Всё потрачено* и др. Сюда же можно отнести своеобразные клишированные обороты, начинающие или оканчивающие высказывание: *Мне одному кажется, что..., Это неловкое чувство..., Читать до конца..., ...Занавес!* и т. д. Отметим, что среди текстовых мемов широко распространены эративы – слова или выражения, намеренно искажённые грамматически или орфографически для придания особого эффекта: *Аффтар жжот, Мыш кродётся*.

Визуальные мемы реализуются в двух основных разновидностях: узнаваемого изображения – например, *Омской птицы, Совы, Мотылька*, и так называемой «фотожабы» – обработанной в графическом редакторе “Photoshop” фотографии (например, рис. 1 – «фотожаба» с изображением Натальи Поклонской).

Рис. 1

Аудиальные мемы – это, прежде всего, известные мелодии, музыкальные фрагменты, ставшие мемами без ассоциации с визуальным рядом: «*Марш империи*» из кинофильма «Звёздные войны», фрагмент, начинающий «Симфонию № 5» Бетховена («*мотив судьбы*») и др. С появлением возможности передавать и прослушивать голосовые сообщения появилась и новая разновидность аудиальных мемов – так называемые «войсы», или голосовые мемы.

Видеомемы – комические видеосюжеты, которые размещаются на личных страницах пользователей социальных сетей, передаются друг другу по электронной почте, в мессенджерах и пр.

Креолизованные мемы – разновидность креолизованных текстов, состоящих «из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [15].

К креолизованным интернет-мемам можно, например, отнести мем *Филологическая дева* (см. рис. 2) – эдвайс, состоящий из визуального компонента – изображения писательницы Вирджинии Вулф на стандартном заданном фоне, и текстовой части, представленной в виде обрамляющих изображение надписей.

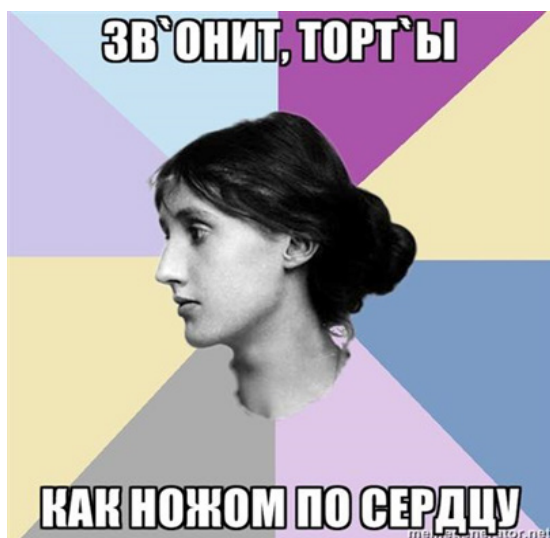

Рис. 2

Отметим, что значительная часть мемов, функционирующих в современном интернет-пространстве, представляет собой креолизованные образования – это и упомянутые выше эдвайсы (*Проницательный психолог*, *Пингвин-социофоб*, *Философоратор*, *Лягушка-холостяк*, *Пингвин-каламбурист* и др.), и бывшие когда-то чрезвычайно популярными демотиваторы (изображение на чёрном фоне, обрамлённое двумя надписями, вторая из которых, как правило, содержит неожиданный смысловой поворот, порождающий комический эффект), и комиксы, и многие персонажные мемы (актёр *Роберт Дауни-младший*, закатывающий глаза – «*Мое лицо, когда...*» (см. рис. 3), *Леонардо Ди Каприо* с бокалом – «*Бокал за...*» (см. рис. 4)), и др. Комбинация вербального и визуального компонентов определяет семиотическую специфику креолизованных мемов.

Рис. 3

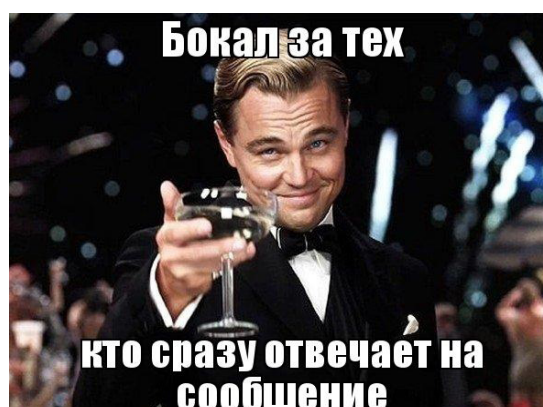

Рис. 4

Примечательно, что мемы различных типов постоянно трансформируются, «мутируют», смешиваясь и переходя из разряда в разряд: мем-идея может быть воплощён в разных носителях – как видеоряд, изображение или фраза. Очевидно, что границы между семиотическими категориями мемов достаточно подвижны: так, вербальный компонент креолизованного мема или видеомема может приобретать самостоятельность в виде текстового варианта (*Дратути*; *Это фиаско, братан*; *Очки надо?*; *...Карл!*).

Адаптация мемов может включать в себя значительное количество этапов – в качестве примера можно привести мем *He еш, подумой*: первично визуальный мем

(изображение кота в банке) становится креолизированным (изображение кота среди буханок хлеба, сопровождаемое характерной подписью (см. рис. 5), затем в активном употреблении остаётся лишь текстовый компонент как самостоятельный мем-эратив, после чего этот текст обретает «новую жизнь» в виде аудиального (голосового) мема.

Рис. 5

Возможна и комбинация мемов, относимых к разным семиотическим типам (см. рис. 6). В данном примере текстовый мем (фраза «Мне одному кажется, что...», начинающая какое-либо сообщение) комбинируется с креолизированным эдвайсом *Историк-студент*.

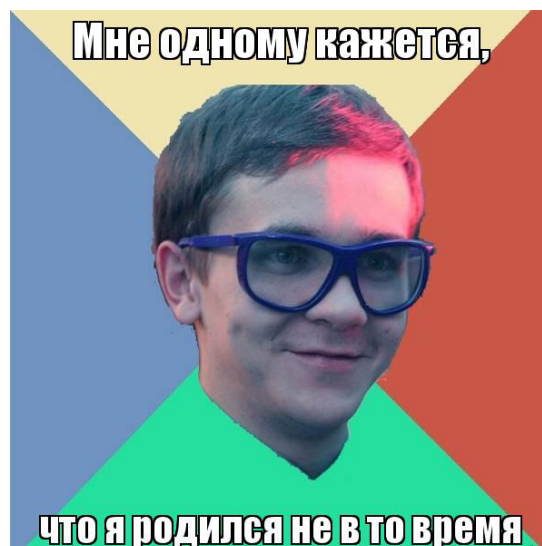

Рис. 6

Итак, можно определить семиотический статус интернет-мема как знака, обладающего иконичностью и способного обладать индексальностью и символичностью. Характерной особенностью существования мемов в интернет-пространстве можно считать их способность к переходности из одного типа знаков в другой. Разнообразие представленных в коммуникативном пространстве интернета семиотических типов мемов, с одной стороны, подтверждает неоднородность знаковой природы мема, с другой – отражает комплексный характер мема-знака.

Список литературы

1. Голубкова Е. Е., Канашина С. В. Семиотическая гибридизация как основа семантики интернет-мемов // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 2. С. 69–79.
2. Гонгало Е. Ф. Концепция виртуальной реальности в творчестве Ж. Бодрийера // Философия и социальные науки. 2010. № 4. С. 57–62.
3. Громова М. И. Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа // Мова. 2015. № 23. С. 27–31.
4. Громова М. И. Интернет-мемы одесских форумов // Мова. 2013. № 20. С. 113–116.
5. Гузаерова Р. Р. Интернет-мем как знак современного медиапространства // Филология и культура. 2017. № 2. С. 50–54.
6. Гуторенко Л. С. Прецедентность в креолизованных текстах комического характера в современной интернет-коммуникации (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 3, ч. 3. С. 82–85.
7. Зиновьева Н. А. Анализ процесса конструирования смысла интернет-мема // Дискуссия. 2013. № 9. С. 133–138.
8. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. Социология. С. 195–200.
9. Канашина С. В. Семиотическая природа интернет-мема. Интернет-мем как симулякр // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 22. С. 118–125.
10. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодёжи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10, № 4. С. 410–424.
11. Новикова Э.Г., Николаева К.Э. Коммуникативная структура и функции интернет-мема (на материале мемов «Типичная девушка» и «Типичный парень») // Русская речевая культура и текст: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию кафедры русского языка / под общ. ред. Н. С. Болотновой. 2018. С. 167–172.

12. Олешкова А. М. Интернет-мем как способ воспроизводства культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 164–166.
13. Поляков Е. М. Меметика: наука или парадигма? // Вестник ВГУ. Сер. Философия. 2010. № 2. С. 16–165.
14. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // Культура в современном мире. 2013. № 3.
15. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–181.
16. Федорова Л. Л. Семиотика: учеб.-метод. модуль. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 356 с.
17. Шилков Ю. М. Символ и вымысел (о фикциональных возможностях символа) // Кантовский сборник. 2010. № 1. С. 68–75.
18. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. Вып. № 3. Филология. С. 160–172.

УДК 070

А. С. Исаева,

магистрант,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Использование речевой агрессии в журналистике: эффекты воздействия и правила использования

В статье рассматривается понятие речевой агрессии, выявляются основные эффекты воздействия частого использования речевой агрессии в СМИ на психологическое, эмоциональное и физическое состояние аудитории. Анализируются основные последствия частого употребления речевой агрессии на когнитивном, поведенческом и эмоциональном уровнях. Также автор формулирует некоторые выводы и рекомендации для журналистов и авторов СМИ в целом, освещающих конфликтные ситуации.

Ключевые слова: речевая агрессия, язык вражды, страх, речевое воздействие

A. Isayeva,

Graduate Student,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

The Use of Speech Aggression in Journalism: Influence Effects and Use Rules

In the article the author considers the concept of speech (verbal) aggression and reveals the main effects and impact of frequent use of speech aggression in the media and the ways it affects the psychological, emotional and physical condition of the audience. The paper deals with the main consequences of frequent speech aggression at cognitive, behavioral and emotional levels. The author also suggests some conclusions and recommendations for journalists and media authors who cover conflict situations.

Keywords: speech (verbal) aggression, hate speech, fear, speech effects, speech impact

Язык – это один из основных инструментов воздействия средств массовой информации на сознание читателей. Это обусловлено тем, что именно с помощью языка формируются новые понятия, а также складывается мировоззрение человека, взгляд на окружающую его действительность. Поэтому от выбора автором текста конкретных языковых средств зависит процесс восприятия и осознания реальности [27, с. 174–175].

В настоящее время общий тон СМИ – чаще всего издевательский, насмешливый,

ироничный и оскорбительный – определяет выбор языковых средств. «В результате газетно-журнальный язык приобретает характер речевой агрессии, которая проявляется в жёстком выражении негативного отношения к кому- или к чему-либо с нередким нарушением этических и эстетических норм» [7, с. 149]. В современных СМИ бывают случаи, когда реальные проблемы гиперболизированы, возможно, для привлечения внимания к конкретной ситуации и отвлечения от другой. По мнению Е. Н. Басовской,

«журналистская речевая агрессия проявляется в намеренном обострении противоречий» [1, с. 261].

Считается, что речевая агрессия в печатных СМИ – это средство манипулирования аудиторией. Использование этого метода оправдывается тем, что это востребовано читателями: без кричащего, сенсационного заголовка не продать материал. Однако агрессивные журналистские высказывания имеют не только функцию привлечения внимания читателя к изданию или конкретному материалу, они формируют точку зрения и окружающую информационную среду [Там же, с. 262]. Есть и такое мнение: выбор языковых средств и форм подачи материала может быть обусловлен той культурой и средой, в которой он появился. Исследователь И. М. Дзялошинский считает, что в настоящее время «эта культура подвергается сильнейшим деформациям, что вызывает защитные рефлекс, следовательно, особый интерес к насилию». То есть проявление журналистом речевой агрессии на страницах газеты – это некий защитный механизм от окружающей его действительности [2, с. 15–16].

В целом эффекты печатного текста на аудиторию можно разделить на три уровня: когнитивный; аффективный (эмоциональный); поведенческий.

На когнитивном уровне начинают меняться ценности, привычная картина мира, формируются иные, часто выгодные автору или заказчику материала установки. Меняется и образ реальности, если человек регулярно окружен описаниями насилия, агрессией, то и мир он начинает воспринимать соответственно. Считается, что негативная информация в большей степени влияет на формирование морали и ценностей, чем позитивная [3, с. 212].

Человек начинает терять способность принимать решения самостоятельно. Поскольку формируется так называемое «клиповое сознание», возникают стереотипы, некритичное отношение к манипуляциям, разорванность восприятия [Там же, с. 213]. В таком случае человек, прежде чем высказаться, думает о том, совпадает ли его мнение с мнением большинства, если нет – то, скорее всего, он изменит его на иное, изменит принципы и убеждения.

На эмоциональном уровне зарождаются чувство обеспокоенности, страха, на фоне чего может зародиться и возрастать агрессия как защита от внешней угрозы.

Агрессия может наносить как физический вред, так и психологический дискомфорт, вызывать состояние напряжения, заставлять человека переживать и тревожиться. Эти эмоции могут привести к апатии, депрессии, отчуждению от общества.

На поведенческом уровне вербальная агрессия может стать толчком к проявлению агрессии физической, так как «создаёт негативную модель поведения человека» [10, с. 23], что впоследствии укрепляется в сознании как допустимое. Нередко материалы в средствах массовой информации становятся причиной бунтов, недовольств и столкновений. Также возможен факт смены поведения, когда человек начинает вести себя подобно героям материалов, которые становятся для него образцом. Поведение это, чаще деструктивное, обусловлено насилием со страниц СМИ. Психологи характеризуют такое поведение как некий способ решения проблем [9, с. 88].

Исследования воздействия страха, речевой агрессии и языка вражды на человека приводят к выводу, что работа журналиста заключается именно в выборе слов и правильной компоновке текста. Журналист должен ответственно подходить к подбору собственного материала, цитат, вставок, а также к выражению собственной негативной оценки. Не стоит забывать, что читатель имеет право получать достоверную информацию, основанную на реальных фактах, которая подаётся в достойной форме, с учётом всех языковых норм, грамотности и личной речевой культуры автора. Однако нужно помнить, что информирование о негативных событиях – это задача и обязанность журналистов, таким способом они привлекают внимание к недостаткам, проблемам, призывают к борьбе с этими недостатками, часто выполняют воспитательную функцию, предостерегают [6]. Негативно воздействующей на психику такая информация становится в результате преувеличений, смакования отталкивающих, пугающих, устрашающих деталей, негативного прогнозирования и т. д. Такие сообщения уже характеризуются сопровождающими их процессами «заражения и взаимной индукции, стереотипизации» [9, с. 89], созданием и закреплением образа врага, запугиванием и тому подобным.

Часто происходит так, что в обществе язык вражды и речевая агрессия не воспринимаются как опасность, нарушение норм. Ведь это не может причинить физической

боли или ущерба, в отличие от агрессии физической. Однако именно в том, что негативное воздействие вербальной агрессии недооценивают, заключается её главная опасность для общества [10, с. 24]. Считается, что от речевой агрессии можно защититься с помощью рационального осмысления фактов. Например, К. Лоренц отмечает, что «рассудочность – это результат здоровой самозащиты от искусственных идеалов, от воодушевляющей бутафории, в сети которой так прочно попадали люди, особенно молодые, в недавнем прошлом» [5, с. 30]. Например, А. М. Майданова предполагает, что речевая агрессия в тексте будет снижена или будет вовсе отсутство-

вать, если материал станет аналитическим [Там же, с. 65], что заставит автора не просто выражать свою оценку, а размышлять над проблемой.

А. Д. Сащенко также выделяет некоторые механизмы предотвращения речевой агрессии: самонаблюдение, самоконтроль, попытку поставить себя на место собеседника, толерантность, терпимость, снисходительность [8].

Журналисту, в свою очередь, необходимо повышать уровень речевой культуры, не допускать прямого оскорбления или унижения, а также не увлекаться использованием языка вражды, особенно инвективной и обценной лексики.

Список литературы

1. Басовская Н. Е. Творцы чёрно-белой реальности // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 257–264.
2. Дзялошинский И. М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы: учеб.-метод. пособие для студ. факультета журналистики. М.: Гум. ин-т, 2006. 26 с.
3. Ерофеева И. В. Психология медиатекста: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Чита: ЗабГУ, 2015. 297 с.
4. Ильичева Ю. А. Речевое манипулирование в политическом тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика / отв. ред. Н. А. Гуляева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. Вып. 4. С. 172–85.
5. Майданова Л. М. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 117 с.
6. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.profilib.com/chtenie/50232/nataliya-petrova-yazyk-sovremennykh-smi-sredstva-rechevoy-agressii.php> (дата обращения: 20.09.2018).
7. Романщак А. А. Речевая агрессия в современных СМИ // Страны изучаемого языка: язык, культура, государственное устройство, правовая система, особенности деятельности правоохранительных органов: материалы междунар. студ. конф. / отв. ред. Ю. А. Воронцова, Е. Ю. Хорошко, И. Н. Навроцкая. Белгород: БелГУ, 2008. С. 148–150.
8. Сащенко А. Д. Речевая агрессия как инструмент сильного медиавоздействия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.f.spbu.ru/conference/3090/3113.html> (дата обращения: 25.09.2018).
9. Филиппова О. А. Явление речевой агрессии в современных условиях общения (аспекты и проблемы) // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. Культура. Культурология. Международное сотрудничество в области культуры. 2009. № 3. С. 87–93.
10. Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973. С. 13–351.

УДК 070

О. А. Ендрихинская,

магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Инструменты формирования имиджа российского вуза

В статье автор рассматривает основные инструменты, с помощью которых формируется имидж российского вуза. Сравниваются определения категорий «имидж» и «имидж вуза», отражённые в различных научных работах. В основной части статьи автор фокусируется на процессе построения имиджа вуза – рассматриваются инструменты и «материал», которыми пользуются специалисты пиар-отделов образовательных учреждений. В статье приводятся теоретические основы применения тех или иных средств PR, что позволит разобраться в определениях и основных понятиях построения эффективного имиджа российского вуза.

Ключевые слова: имидж, инструмент, построение имиджа, эффективный имидж

The Instruments of Image Formation of the Russian Higher Education Institution

In the article the author considers the main tools by which the image of the Russian University is being formed. The definitions of the categories "image" and "image of higher school" reflected in various scientific papers are taken into consideration. In the main part of the article the author focuses on the process of developing the image of the University with the help of the tools and "materials" which are used by the PR departments' specialists of educational institutions. The article does not analyze the use of particular PR means, but provides the theoretical basis that will help to clear up the definitions and basic concepts for developing an effective image of the Russian University.

Keywords: image, tool, image developing, effective image

Получение образования является основой для приобретения профессиональных навыков, карьерного роста, самовыражения человека как личности в определённой сфере, поэтому сложно переоценить роль высшего учебного заведения в жизни людей и функционировании общества.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что вузам приходится выстраивать не только качественную систему образования, разрабатывать учебные планы, составлять расписание, но и продумывать грамотную пиар-стратегию, чтобы привлечь как можно больше абитуриентов с высокими баллами ЕГЭ, с научными достижениями, стремящихся получить высшее образование для себя и развития своего интеллекта, а не для «галочки».

Перед руководством вуза стоит сложная задача по привлечению талантливых и готовых получать новые знания студентов. Одним из эффективных способов повышения авторитета является создание положительного имиджа внутри организации и во внешней среде. Выпускники университета будут восприниматься как показатель уровня подготовленности по теоретическим и практическим вопросам, что свидетельствует о качестве образования. Будут выступать на спортивных соревнованиях и творческих концертах различных уровней – от вузовского до международного, что свидетельствует о правильно налаженной социальной и воспитательной работе в вузе. Будут публиковать свои статьи в научных сборниках, выступать на конференциях, что является показателем верно выбранного курса работы научного подразделения университета.

В связи с этим любому вузу необходимо сформировать положительный имидж.

К данному процессу руководству организации стоит подходить системно, учитывая геополитические факторы, значимость конкурентов, демографическую ситуацию в регионе и т. д. Чтобы выстроить правильную систему формирования имиджа, нужно определить, что значит категория «имидж организации» («имидж вуза»), из чего она складывается и какие инструменты используются для её построения.

Понятие «имидж организации» рассматривали в своих работах многие учёные. Например, А. Ю. Панасюк предлагает такое определение: имидж – это мнение о данной организации у группы людей на основе сформированного у них образа этой фирмы, возникшего вследствие либо прямого контакта с этой фирмой, либо в результате информации, полученной об этой фирме от других людей; по сути, имидж фирмы – это то, как она выглядит в глазах людей, или – что одно и то же – каково о ней мнение людей [4]. По мнению Г. Л. Тульчинского, имидж – это образ организации, сформировавшийся в сознании клиентов, партнёров и сотрудников компании. Имидж – собирательный образ, составными элементами которого являются внутренние и внешние деловые и межличностные отношения персонала и официальная атрибутика организации [5].

Эти два определения объединяет общая составляющая – имидж как мнение кого-либо, сформированное после взаимодействия с организацией. В нашем случае имидж вуза формируется на основе представлений о его работе абитуриентов и их родителей, студентов, преподавателей, сотрудников, коллег из других образовательных заведений, чиновников из Министерства образования и др.

Что же касается категории «имидж вуза», то, на наш взгляд, самое полное определение приведено в «Словаре бизнесмена» Л. Ш. Лозовского, Б. А. Райзберга: «Имидж вуза – эмоционально окрашенный образ, обладающий целенаправленно заданными характеристиками и призванный оказывать психологическое влияние определённой направленности на конкретные группы социального окружения общеобразовательного учреждения» [2, с. 80].

Как мы можем заметить, во всех приведённых определениях явно или косвенно присутствуют ключевые слова «образ», «мнение», «влияние», «побуждение». Исходя из этого, мы делаем вывод, что имидж образовательной организации формируется из мнений людей и оказывает влияние на потенциальных потребителей услуг, с целью побуждения их к действию.

Изучая существующие определения понятия «имидж», мы пришли к выводу о том, что процесс его формирования сложный и многоэтапный.

Итак, рассмотрим функции имиджа. С. А. Наумова выделяет следующие пункты:

1. Создание желаемого впечатления об организации в глазах внешней аудитории.
2. Раскрытие специфики организации и преимуществ для клиентов.
3. Побуждение реципиентов к действию [3, с. 46].

Таким образом, можно сказать, что имидж вуза создаёт образ учреждения во внешней среде, раскрывает специфику направлений подготовки, увеличивает количество абитуриентов, которые придут учиться в вуз.

Что касается анализа структуры, имидж вуза формируется из двух основных составляющих – внешнего и внутреннего имиджа. В свою очередь, они включают в себя более узкие структурные элементы, такие как «имидж ректора», «имидж образовательной услуги», «имидж потребителей образовательных услуг», «имидж персонала», «социальный имидж», «визуальный имидж» и др. В рамках анализируемой темы мы будем считать, что структура имиджа вуза состоит из внутреннего и внешнего компонентов. Рассмотрим эти категории подробнее.

Внешний имидж – это то, как организацию воспринимает общество, СМИ, инвесторы и др. Он может включать в себя: изготовление рекламных информационных материалов (листовки, буклеты, бюллетени), сувенирной продукции с использовани-

ем корпоративной символики; проведение PR-мероприятий; создание собственного сайта и страниц в социальных сетях (с последующим активным ведением); социальную рекламу; поддержку массовых акций; организацию обратной связи и др.

Внутренний – это отношение к организации её персонала и руководителей; атмосфера внутри компании, позитивное и негативное отношение сотрудников к руководителю и политике организации [1, с. 99]. Он проявляется в отношении преподавателей и сотрудников университета к образовательному процессу, ректору и проректорам, их энтузиазме и готовности трудиться. Внутренний имидж может включать в себя работу над традициями университета, над созданием корпоративного духа; материальные и моральные поощрения; празднование знаменательных дат; внимание к личным праздникам; готовность помочь в организации досуга, спортивных состязаний и др.

Как можно заметить, при изучении структуры имиджа мы рассмотрели некоторые инструменты, которые можно использовать для его построения. В широком смысле слова инструментом формирования имиджа образовательной организации может выступать всё, что оказывает воздействие на внутреннюю и внешнюю аудиторию вуза. К инструментам можно отнести информацию, размещённую в СМИ, – в газетах, журналах, на радио и телевидении, которые оказывают сильное влияние на имидж вуза. Ещё эффективнее может «работать» информация, которая публикуется в социальных сетях, – это группы и страницы организации. Такого рода «агитация» напрямую воздействует на абитуриентов.

Своеобразными инструментами могут стать выпускники вуза, которые транслируют личное мнение о качестве образования или квалификации преподавателей в общество. Также в эту категорию мы отнесём успешных и известных выпускников, которые имеют высокий социальный статус. Важно, чтобы у них оставались только положительные эмоции, и они могли рекомендовать вуз абитуриентам.

Четвёртым инструментом является сайт вуза. Это визуальное средство, которое предоставляет широкий спектр всевозможной информации. Другими словами, это визитная карточка для абитуриентов, студентов и партнёров.

Обратная связь – пятый инструмент. Это ещё один важный компонент формирования эффективного имиджа вуза. Это средство анализа эффективности проводимых мероприятий. Важно помнить, что обратная связь должна быть хорошо налажена, работать без сбоев, отвечать на вопросы должен компетентный человек или отдел, имеющий в своём распоряжении доступ к различной информации.

Эффективные PR-мероприятия также должны стать обязательной программой для специалиста по связям с общественностью. Без дополнительных финансовых затрат можно проводить Дни открытых дверей с приглашением школьников; выставку образовательных услуг; спортивные соревнования городского масштаба, КВН, праздничные концерты силами творческих студентов и др. В эту же категорию входят платные публикации в печатных и электронных СМИ.

Каждый приведённый пункт может объединять такой инструмент, как корпоративная символика. Здесь важно учитывать то, что корпоративный стиль – шрифт, цвет, логотип – должны соблюдаться на протяжении всей пиар-кампании.

Подводя итог сказанному, хочется подчеркнуть, что построение имиджа вуза – это сложный процесс, который требует постоянной координации, верного выбора средств, инструментов и материала. Имидж вуза может быть внешним и внутренним, он может нести функцию привлечения, информирования, раскрывать специфику организации. В соответствии с этим пиар-отделы, пресс-службы и руководство университета могут выбирать подходящие инструменты для формирования имиджа: публикации в СМИ рекламного и информационного характера, использование ресурсов собственного сайта, привлечение в PR-кампанию известных выпускников или именитых преподавателей. Но важно учитывать, что использование разнообразных средств имиджирования должно осуществляться скоординированно. Если их использовать разрозненно, они могут ослаблять или противоречить друг другу. Отдельные фрагменты имиджа должны создавать гармонию, единый образ. Высшему учебному заведению стоит планировать PR-стратегию, правильно выбирать каналы коммуникации и инструменты для формирования эффективного имиджа.

Список литературы

1. Батракова Л. Г. Формирование эффективного имиджа образовательного учреждения // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2013. Т. 1, № 4. 116 с.
2. Лозовский Л. Ш., Райзберг Б. А. Словарь бизнесмена. М.: Экономика, 1999. 135 с.
3. Наумова С. А. Имиджология: учеб. пособие. Томск: Томский политехн. ун-т, 2004. 116 с.
4. Панасюк А. Ю. Имидж: определение центрального понятия имиджологии [Электронный ресурс] // Имиджология.ру. 2011. Режим доступа: <http://www.imageology.ru/content/view/19> (дата обращения: 30.08.2018).
5. Тульчинский Г. Л. PR фирмы: технология и эффективность [Электронный ресурс] // Twirpx.com: электрон. библиотека. 2011. Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/449130> (дата обращения: 25.08.2018).

УДК 070

В. В. Темлянцева,
магистрант,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Технологии психологического воздействия в PR-текстах

Современный медиатекст содержит элементы журналистского, рекламного и PR-текста. Поэтому специалистам по связям с общественностью, а также журналистам в конвергентных СМИ необходимы навыки создания эффективных PR-текстов. В статье рассматриваются технологии психологического воздействия в PR-текстах, включающие правила построения композиции текста и грамотное составление каждой его единицы.

Ключевые слова: PR-текст, психологическое воздействие, приёмы

Technologies of Psychological Influence in PR-texts

Modern media text contains elements of journalistic, advertising and PR-text. Therefore, PR specialists, as well as journalists in convergent media, need skills to create effective PR-texts. The article discusses the technologies of psychological influence in the PR-texts, which include the rules for constructing the composition and competent preparation of each of its units.

Keywords: PR text, psychological influence, techniques

«Медиатекст» выделился в самостоятельное понятие в контексте базового понятия «текст» и стал продуктом синтеза журналистского, рекламного и PR-текста. В настоящее время около 80 % контента СМИ так или иначе связаны с исполнением заказов PR-структур. Для создания эффективных PR-текстов необходимо учитывать психологию восприятия человеком информации. Используя технологии психологического воздействия в PR-текстах, можно добиться продуктивного воздействия на аудиторию, а значит повысить лояльность к бренду и улучшить имидж организации.

Далее будут рассмотрены примеры применения технологий психологического воздействия на примере PR-текстов КГАУ «Многофункциональный центр Забайкальского края». Статья «Как быстро и легко получить документы?», подготовленная для публикации в газете «Аргументы и факты», построена с учётом психологии целевой аудитории СМИ и включает приёмы психологического воздействия.

Стоит отметить, что технологии психологического воздействия направлены на появление в тексте эмоций. Можно выделить три основные тональности, в которых читатель может «проигрывать» текст у себя в голове: фальшь, честность, игра. Их восприятие субъективно. Однако есть универсальные приёмы, которые помогут создать в тексте конкретную тональность для большинства читателей.

Первое, на что нужно обратить внимание, – композиция текста. Эффективный текст – это лестница, состоящая из нескольких ступеней. Первой ступенью такой лестницы является понимание. Читателю необходимо дешифровать предложение организации, в том числе то, какие выгоды он получит, воспользовавшись предложением [4, с. 25]. Для этого в начале статьи про МФЦ рассказывается, что такое государственные и муниципальные услуги: «*Чтобы знать, в каком случае можно обращаться в МФЦ, нужно пояснить, что же это такое – госу-*

дарственная и муниципальная услуга. Если вы обращаетесь в отделы администрации района, различные органы государственной власти, сельские советы за каким-либо документом или справкой, это и есть обращение за государственной или муниципальной услугой». Так читатель понимает, зачем ему обращаться в МФЦ, и дальнейшая информация об особенностях работы центра и наименовании популярных услуг вызовет у него интерес. Если бы повествование начиналось с преимуществ центра, например, большого количества услуг или быстрого обслуживания, то читатель не воспринял бы эту информацию, поскольку не знал бы, как этими услугами воспользоваться.

После чётко сформулированного предложения необходимо преподнести «плюсы» от его использования. Говоря об МФЦ, к таким преимуществам можно отнести быстрое обслуживание, предварительную запись, передвижной офис и др.

Вторая ступень – «что делать». Нужно сообщить читателю, как ему действовать, чтобы воспользоваться вышеназванным предложением. Поэтому в следующих абзацах текста говорится о процедуре обращения в МФЦ – выдача талона, работа электронной очереди. Также сообщается график работы и адреса офисов, то есть читатель понимает, когда и куда нужно приходиться за услугами.

Третья ступень называется «почему сейчас?». Читателю нужно объяснить, почему надо действовать сейчас, а не откладывать «на потом». Это можно сделать, например, сообщив об ограничительных сроках предоставления услуги, а также о днях консультаций специалистов.

Помимо общей эффективной архитектуры текста, необходимо грамотно составить каждую его единицу. Чтобы создать лаконичный, интересный и честный текст, стоит придерживаться информационного стиля написания. Он заставляет думать не о форме, а о содержании.

Лаконичный текст – текст, выраженный без лишних слов. Например, об МФЦ можно написать так: *«На протяжении многих лет наша организация является одним из лидеров в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг»*. Это предложение не выглядит лаконичным, поэтому убираем лишние слова: *«Предоставляем государственные и муниципальные услуги много лет»*. Далее нужно наполнить текст полезной информацией, чтобы он стал интересным: *«Работаем в Забайкальском крае уже семь лет. Предоставляем более 1000 услуг государственных и муниципальных органов»*.

Чтобы текст стал честным, нужно удалить необъективные оценки. Вместо них – факты. Так, сообщение о том, что государственные органы охотно сотрудничают с МФЦ, подтверждается указанием количества заключённых соглашений: *«Для государственных органов МФЦ стал партнёром, и они охотно заключают с центром соглашения о взаимодействии – на данный момент их более 100»*.

Ещё один важный критерий – простота предложений. В каждое предложение следует закладывать только одну идею. Короткие предложения сделают текст понятным и создадут необходимый темпоритм повествования. Например, предложения из 8 слов и менее читаются легко, а предложения из 29 слов и более затрудняют чтение. Поэтому в анализируемой статье об МФЦ редко используются длинные предложения, при этом их максимальная длина – 25 слов.

Простыми должны быть как предложения, так и слова. PR-менеджеры и журналисты должны использовать в текстах повседневный язык аудитории. Поэтому следует использовать как можно меньше длинных слов. Эффективная текстовая коммуникация предполагает применение точных существительных и ограниченного количества прилагательных, деепричастий и наречий. Ещё одна причина, почему стоит использовать точные существительные, – снижение эффективности от абстракций, потому что их трудно представить. Например, довольно сложно представить не диван, а мебель как таковую. Человек может

представить только выражение абстракции через чувственный опыт – то, что он запоминает о мире, основываясь на органах чувств.

Среди эффективных способов воздействия на аудиторию стоит отметить технологии НЛП. Одна из них – технология речевых пресуппозиций. В предложении нужно сместить фокус внимания с необходимых утверждений на детали, при этом необходимые утверждения начинают подразумеваться, как само собой разумеющееся. Тогда эти фразы будут восприниматься читателем как данность, и выбор происходит уже внутри этой рамки. Пример использования: *«Когда вы придёте в офис, нужно будет взять талон, дождаться своего номера на электронном табло и подойти к назначенному окну. Если не хотите ждать очереди, можно записаться в центр заранее по телефону 21-10-10»*. То, что читатель придёт в МФЦ, не ставится под сомнение, выбор даётся лишь между способами получения талона – через терминал или по телефону.

Информация должна затрагивать жизнь конкретного человека. Поэтому нужно локализовать события. Так, при описании популярных услуг МФЦ выборка была сделана среди наиболее востребованных органов для людей старшего возраста – Пенсионный фонд, Росреестр и др. По каждому органу дана информация, какие услуги можно получить: *«Сейчас посмотреть приёмные дни нужного врача и сразу взять к нему талон можно не только в поликлинике, но и прямо из дома – на портале Госуслуг. Потому так часто в МФЦ обращаются за услугой по регистрации на этом ресурсе»*. Также в статье есть указание на то, что в центре проводятся различные мероприятия, одно из которых – бесплатные курсы компьютерной грамотности для пенсионеров.

Учёт психологических механизмов восприятия текста человеком обуславливает степень эффективности современных коммуникаций. Применение в медиатекстах технологий психологического воздействия позволяет добиться главных целей PR, в частности, сформировать желаемое общественное мнение о деятельности организации и улучшить позиции бренда на рынке.

Список литературы

1. Асланов Т. PR-тексты. Как зацепить читателя. СПб.: Питер, 2017. 176 с.
2. Иванова К. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. СПб.: Питер, 2005. 144 с.
3. Ильяхов М., Сарычева Л. Пиши, сокращай. Как создавать сильный текст. М.: Альпина Паблицер, 2017. 440 с.
4. Кот Д. Г. Копирайтинг: как не съесть собаку. Создаём тексты, которые продают. СПб.: Питер, 2012. 200 с.

Научное издание

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Редактор В. К. Демиденко
Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 29.12.2018.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 19,8. Уч.-изд. л. 15,6. Заказ № 18247.
Тираж 100 экз. (1 з-д – 84 экз.).

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30